

Михаил Леккор

**Тайнственный
остров**

Он только пошел за грибами. ну с кошками, так ведь это не подсудно и не страшно. А попал на остров, где должен не только выживать сам, но и помогать другим. Вот это здорово, если не страшно.

Пролог

Точка ноль — это начальная точка осознания и познания себя в пустоте, это пространство абсолютного всемогущества и безграничного творчества. Нулевая точка, известна под множеством названий: Бог, Сознание, Наблюдатель, Квантовое поле, Источник Космической Жизни, Океан Бесконечности — это цель всех духовных путей, молитв, медитативных практик.

(Из материалов интернета).

Страшно, правда?

Глава 1

Апокалипсис

Апокалипсис появился, как всегда, неожиданно, когда люди были по уши заняты своими делами и им оказалось точно наплевать на любые тревоги и сумасшествия современного мира. США опять наложили очередные экосанкции? Плевать, пусть хоть себе в штаны наложит. Человечество атакует очередная пакость типа обезьяньей оспы? Тем более плевать, у нас в регионе только одна обезьяна, да и ту не жалко. Президент Путин его сюда приволок, он пусть и беспокоится.

Расплавилась последняя свеча,
Хоть прошлое ещё сочтется болью.
Но больше нет мучений палача.
Больно!

(Здесь и далее стихи главного героя С.Л. Логинова)

А тут вдруг Апокалипсис. Или нет, вот так — АПОКАЛИПСИС. На подготовку полчаса затем строится по подоконникам и ожидать катастрофу. И не плакаться мне о текущих делах, ибо все текущее отменяется. ЭТО Я СКАЗАЛ, ВАШ АМБЕЦ!

Страшно? Даже очень, но ничего правильного уже не сделать. Даже плакаться в манишку бесполезно, ибо от смерти никуда не денешься, а прочие специфические рубашки давно в российской торговой сети не продают.

Я в тот день, как и положено простым человекам, еще ничего страшного не знал, по дурости своей собираюсь пойти «половить» грибы. Как говорится, а не рвануть ли нам на грибоволлю. Места у нас на эти дела очень обильные. А как еще? сентябрь 2042 года, я Логинов Сергей Леонидович, некогда преуспевающий доцент провинциального вуза, а потом могущественный министерский клерк Минопроса РФ (министерство просвещения), ну а ныне просто пенсионер, никому и ничего не должный и даже ПФР! Ходи себе в свое удовольствие, считая подберезовики и белые грибы. Осень же.

Струится свет осеннего заката.
В пурпур летают тёмные леса.
Наверно осень в этом виновата,
Что растворились в сумерках глаза?
Дожди с утра, печалится природа.
Берёзки плачут каплями листвы.
Мою любовь укрыла непогода.
В кострах сгорели прежние мечты.

— А могу я пойти пособирать грибы в мое удовольствие? — спросил я на всякий случай у родимого государства, которое, как всегда, с доброжелательной миной чутко следило за мной.

— Конечно, — согласилось любимое, еще сталинского замеса государство, улыбаясь во все тридцать четыре зуба (тридцать два рабочих, два запасных), — ведь в отличие от охоты, ловля грибов не требует государственной лицензии, по крайней мере, в России в XXI веке... Кстати, у вас ведь есть лицензия на всякий случай?

— Естественно, — побожился я именем условного бога перед ликом столь же условного государства, постоянно готовый к такого рода вопросам со стороны большого брата. Благо,

пока государственные лицензии на отлов грибов еще не придумали. И в жизнь массовой серией не запустили.

Позднее, я думаю, чиновные мужи дойдут и до этого, как только возникнет острый дефицит средств. Не в XXIII веке, так в XXIV веке, но придумают. Главное, это уже будет без него!

Щелкнул пальцем по своему плечу, сбросив оттуда настырный березовый лист, желтый по осенней поре. Я окончательно решил и сразу же пошел (а чего тянуть?), положив в синюю пластиковую корзинку небольшую краюху хлеба и домашний кухонный нож. Хлеб я иногда люблю поесть сам, если заплутаю ненароком, или повременю в лесу каким-то лешим. А ножиком люблю срезать найденные грибы. Именно срезать, а не вырывать их с корнем. Некоторые делают вот так варварски, что я крайне не одобряю. Что же теперь, если у грибов нет умоляющих глаз и мяукающей (лающей) пасти, так все можно?

Ушел я, конечно, в кормилец лес не один. Как же это можно! Только не подумайте ненароком, что ваш покорный слуга сторонник многолюдных грибных компаний. Пошли со мной в качестве товарищей по грибоволве Гризли — черная кошка, в летнем варианте с бурыми проплешинами и сынок ее бело-грязный котиче Снежок. Потомок так сказать. Первый раз видел, чтобы черная самка породила белое чудовище. А вот на тебе! И отец его здоровящий сиамский кошак (метис) независимо гуляет по соседней улице и даже не смотрит на своего сынка. А ведь по породе точно его прямой родственник!

Кошки у меня по жизни бездетного было старческое увлечение. Баловал я их, как собственных маленьких детей. Котики этим пользовались и, иногда даже через чур. Капризничали, кочевряжились, возмущались, махая пушистыми «довесками» и всегда добивались своего желанного.

Что поделаться, люблю я их, живых полигонов для всеведущих блох и прочих кровососущих тварей.

Вот и сейчас они буквально завязались со мной, хотя я предупреждал, что пойду далеко. Гризли со Снежком покивали головами, но когда я потребовал остаться дома, напустили на свои морды мировую тупость.

Вот ведь напасть такая! Человек, распределив млекопитающих на себя любимого, априори разумного и остальных тварей, априори неразумных, попал в глупую логическую ловушку. То есть, он должен все понимать и распределять, работая за себя и за двух пушистых лентяев. А эти оные разгильдяи ничего делать не обязаны. Они же ничего не понимают, пушистые задницы!

Вот и сейчас, узнав, что формально хозяин, а по жизни кошачий слуга, и чувствуя приближение катаклизма, чего ни один так сказать разумный не допетрил, они решили идти со мной. И чего им ты докажешь, они же тупые!

Попробовал, толкнул короткий спич.

Кошки — животные по природе домашние, в отличие от собак они на большие расстояния (больше 1 км) проходить не предрасположены. А я только до леса должен пройти километров пять — шесть... да по лесу... да потом до дому...

А таскать их на себе я не собираюсь. Ибо не фиг. Кошкам положено жить дома, а не штындать за своим человеком по лесам и долам. Не пуцу!

Ага, пусти козла в огород. Кошка по уровню капризности и дотошности равна женщине и ребенку вместе взятыми. Если надо, они напялят на себя тупую морду — мол, я по русски не понимаю... совсем. А по кошачьему вы, человеки, все равно не понимаете, хотя

хвастаетесь, что все знаете.

В общем, как всегда, мужчина во всем будет виноват. Что у женщины, что у кошки. Плюнул и взял обоих кошачьих. Может, там и оставлю в дремучем лесу жить. Диким зверям, по нашей природе тем же косолапым медведям, да хитрым лисам тоже надо чем-то питаться. У-у пушистые кнедлики!

Прошли кое-как до грибного леса. К моему крайнему удивлению, мои домашние кошки до нужного места допрыгали резво, без проявления усталости и лени. Типа, я до предела устал и дальше никак больше сам не пройду!

Правда, я их по очереди, а то и парой вместе тащил на себе, но совсем понемногу и от этого совсем не устал.

Но вот он вечный лес! В данном случае, для меня лес начался с первого гриба. Не велик грибок, сыроежка, а все одно корзина пополнилась. Я сыроежек люблю, аромат они придают грибнице богатый, насыщенный.

И, значит, дошел до скатерти — самосбранки. Теперь только удовольствие и радость от любого съедобного гриба. И, в качестве довеска, сладкие ягоды!

А от сыроежки и до красноголовика неспешно дошли. По научному называется он подосиновик, но не важно. Хоть чугуном назови, только в печь не ставь. Подошел поближе, чтобы половчее срезать добычу, а это оказался мухомор! Вот ведь паршивец, замаскировался под полезную добычу! Нет, этому грибу мы не товарищи, пойдем дальше своим путем. Даже нож не будем марать, фу-у!

А вот и настоящий красноголовик нашелся, без обмана. Крепенький такой грибок, с приличной ножкой и широкой темной шляпкой. Эк его задобрило на недавних-то дождях, дециметра два, пожалуй, будет. Настоящий великан. Моей корзинке будет хороший пассажир!

И кошка Гриззли не дремала. Пока я, не торопясь, ходил от гриба к грибу, она шмыгала окрест. Иногда я видел ее, когда четырехлапая того желала. Мол, зри смертный, как богиня развлекается. Черная молния мелькала вокруг, пока, наконец, не подошла ко мне с кровной добычей в пасти.

Моя девочка принесла мне покушать! Молодец! Вообще, познакомится бы содержанием ее мозгов. Занятное, наверняка, будет представление. Мне почему-то кажется, что, по ее мнению, в наших отношениях именно она хозяйка, а я ее несмышленный слабый кутенок, которого надо постоянно оберегать, а временами кормить и обихаживать. Он же, как всякий ребенок, будет еще кочевряжиться и капризничать, отпिनываясь от еды.

Вот и сейчас она приволокла мне лакомый кусок дичи и положила к ногам, полупридушенную, но живую. Жирная лесная лягушка, красота!

«Ешь, а заодно учись, пока я жива, — говорил весь ее горделивый вид, — а то вы, человеки, такие неловкие и беззащитные. Как вы по жизни умудряетесь пробираться, оставаясь целыми по пути хотя бы от постели и до кухни».

И ведь не возразишь, святая простота!

Поэтому я лишь благодарно кивнул Гриззли, произнеся нужные слова. кошечка моя женщина простодушная, но единственная любящая меня не за деньги, которые я периодически получаю, спасибо условному государству за заботу (!), не за безликое существование, а за небольшие крохи ласки, ну и, может быть, еще за рыбу и мясо, до которых она была большой любитель.

А вот Снежок, ее взрослый сын, получил только сердитый рык. Он был уже совсем

большой, проходивший и успешно сдавший лично матери «курс молодого бойца — мышколова» по вылавливанию всякой лесной и околодомной дичи, а потому должен охотиться сам. Впрочем, это дела внутренние семейные. Не зачем мне влезать в отношения между матерью и сыном.

Кот на это ничего не возразил. Он был настоящий мужчина и женщин считал в качестве полезного, но надоедливого существа, с которым истинный самец никогда не свяжется.

Но одним глазом, самая синька, он любопытно глядел — сам я съел подарок матери или поделюсь с ним.

Ой, да пожалуйста! Лягушку я, разумеется, брезгливо отодвинул ногой, даже не попытавшись ее попробовать. Не плешивый галл — лягушатник, чтобы эту гадость пробовать. Тем более, сырую.

Подождал, пока мохнатая женщина отойдет, молча показал Снежку — ешь! Тот кочевряжится не стал, сразу вонзил клыки в мясо.

Нет уж, я пас! Сорвал на солнечной опушке ягоды костяники, спелые, сочные осенью. Заел их хлебом. Хорошо-то как, господи!

И пошел дальше собирать грибы. Подосиновики, подберезовики, сыроежки, волнушки... всех не перечислишь. Осень весьма благодатна ко всем старательным.

Кошки мои, хотя и копошились, но от меня далеко не отходили. Чувствовалось, боятся лесного зверя, который, не смотря на все старания охотников, в лесу, так сказать, имел место быть. Лес все же. а не сад какой. Зубов и когтей хватает.

А я вместе с тем тоже начал как-то смутно беспокоится вообще ни о чем. Видимо, и для меня, человека, испорченного технической цивилизацией, биологически что-то уже доходило, раз прошли такие тревожные мысли. Хотя при этом в нем не было конкретики, общий рев о тяжелой жизни. Только потом стало доходить нехорошие мысли, что природа готовит нам тяжкую прогулку по лесу и ливневый дождь с градом. Хотя это было еще хорошо по сравнению с тем будущим катаклизмом, который намечался. И нам бы никак не мешало отсюда бечь по добру по здорову, если хотим еще жить на этом свете. Но ведь я совершенно не знал!

А потом было уже совершенно поздно. Погода задорно показала большое фигу на все ваши дальнейшие действия. Вдруг поднялся сильный штормовой ветер, поднявшийся до почти урагана. Деревьев он в воздух не поднимал, но вот ветки, сучья, различный лесной мусор швырял в лицо с легкостью. А еще дождь вначале одиночными каплями, а потом все чаще и чаще, неприятно бомбардировал меня. И кошки внизу довольно больно впились когтями в тело, опасаясь, как бы и их ненароком не унесло.

«Что же делать, — думал, оправдывая кошачьих, причиняющих немалую боль своими когтями, впиваясь в мои ноги, — они маленькие, такие легкие. Я сам чуть не взлетаю, а кошки точно в воздухе окажутся. Поймай их потом».

Нырнул под самодельный деревянный стол, составленных из небольших березовых жердей. Поставленный здесь усилиями работников Леснадзора для культурного распития спиртных напитков, он был как нельзя кстати. Немного отдышался от погодного натиска. Хлипкий стол защиты давал немного, больше психологическую, но у земли было все же потише и падать было уже дальше некуда.

Я мысленно пожал плечами. Честно говоря, чего-то в этом роде я все же ждал и поэтому пошел в лес. Жизнь прошел, старею уже, скоро в свою домовину сыграю, а собственную Точку Ноль так и не встретил. Не впендюрился, так сказать, своей харей с

размаху. И от этого мне так по этой жизни становилось от года к году все тяжелее, как будто понимал, что по чужой судьбе иду, не по своей. А повернут все не могу. Колея хоть и чужая, да моя.

И что же, это моя Точка Ноль и я со своими кошками кардинально ломаю свою нить жизни?

А в округе вдруг стало резко тихо, как обрезало. И бешенный ветер стих, и ливневый дождь исчез, словно их и не было. Но легче от этого как-то не стало. В природе чувствовалось нарастающее напряжение. «Как перед бурей», — подумалось мне.

Вдруг появилось ощущение сильной духоты и даже наэлектризованности. Покрасневший, вспотевший в довольно теплой для такого случая одеждой, я уже ничего не хотел, кроме одного — кабы все кончилось побыстрее и без излишнего смертоубийства.

И катаклизм, как послушал, пошел мне навстречу. Гризли, неведомо как пролезшая к моему лицу и теперь там уютно свернувшаяся клубочком, тревожно пошевелила ушами, смотрела на небосвод позади меня. Глаза ее тревожно расширились. «Вау!» — как бы удивленно сказала она и показала туда лапой.

Я ведь посмотрел сдуру и чуть не перекрестился. Весь небосвод постепенно занимался гигантской волной. Размером, казалось, он был от Земли до Луны. «Что это, никак Камское водохранилище прорвало?» — предположил я наиболее возможный вариант, перестав мусолить мысли о начальной точке бытия. Все мы к XXI веку стали детьми сугубо технической цивилизации и все предположения о катастрофе вертелись только вокруг этого. Магия, природная аномалия, даже астероиды оказались на втором плане.

«Говорят, при прорыве этого водохранилищ волна поднимается высотой с пятиэтажный дом», — подумалось мне невзначай, глядя на идущую волну, уже грозную, величественную, СРАШНУЮ. Если это моя Точка Ноль, то я уже ее такую никак не хочу!

Поздно! Постояв немного и показавшись во всей своей грозной красоте, она упала на нас с эффектом многотонной плиты и все мучительно исчезло. Только невероятная тяжесть, только недостаток воздуха в легких. И жалость себя родного перед лицом скорой смерти.

Конечно, мое старческое тело долго не выдержало. Несколько субъективных мгновений мучений и я поплыл в багровых волнах беспомощности.

Первый день на острове

Все это была как бы мимолетная присказка, а теперь вместо волшебной сказки пришла реальная жизненная быль. Очень страшная для меня и неудобная, и в чем-то болезная.

Но я все же проорал несколько строк стихотворения вроде бы в тему:

Живописная осень

Вплетается в душу,

Я это движенье

Ничем не нарушу.

И звуки, и краски

сё ярче сияют!

И клин журавлиный

На юг улетает,

Проорав про журавлей, я окончательно проснулся, чувствуя, что даже где-то как-то лежал. И, судя по твердости и неудобности, а также специфике запаха и вкуса я оказался далеко не в привычной родной постели. А еще как-то что-то настырно щекотало меня в носу и не собиралось сдаваться, нагло требуя возвращаться в жестокий мир из такого сладкого беспмятства.

Я не выдержал, чихнул и все-таки пришел в себя. Провел ладонью по лицу. Как ни странно, там никого не было, даже былинки. И я почти все помнил из того, что пережил, будучи в памяти. А что было, когда я был в сознании? И где мои надоедливые, но такие милые пушистики?

Довольно легко сел, прочувствовал себя по частям и в целом. Ничего не болит, даже давление, похоже, не поднялось, что для моих лет просто удивительно. А уж такая мелочь, как головокружение и насморк, ничуть меня не тревожила. Да и не особо они меня и в прошлой жизни беспокоили.

Подождал, пока посторонние ощущения окончательно растают, огляделся. М-да. Вот она какая моя Точка Ноль, неведомая и непонятная. Потерял я сознание на лесной опушке, под безобразным, но все же столом, а сейчас лежу как бы не на речном пляже. В легком оцепенении пропустил сквозь пальцы руки настоящий песок. Как же это? Я прошел несколько километров в беспмятстве, как зомби? Меня утащила с собой волна? Я вообще нигде?

Повнимательнее посмотрел на водную гладь. Что-то она великовата для нашей небольшой реки. Похоже, все же Камское водохранилище. Или вообще где я нахожусь, пожилой бедолага?

На Каме? Возможно. Тут ведь что надо иметь виду. Конечно, вода из водохранилища, как и полагается, течет только вниз и назад к разрушенному водохранилищу я не попаду, так что о нем забудь. Но сама река здесь составляет гигантскую петлю. И через ее притоки, гораздо ниже, но я попаду обратно в ту же Каму. Такова текущая реальность.

Итак, я попаду в реку Иту, потом, в Лозу, оттуда в Вятку, потом... чет много промежуточных ступеней получается. Словно прошло несколько суток беспробудного пьянства, э-э-э, кошмарного сна. Это совсем нереально и напоминает жуткую мистику. Забудь, мой друг, сугубую теорию, возьмемся на грубую практику.

Кое-как поднялся на ноги (дрожат, но держат), огляделся еще раз с высоты уже пяти с половиной футов с гаком роста приблизительно (это где-то 175 см в мировой метрической системе). Картина не изменилась, хотя и увеличилась в объеме. Та же обширная, если не сказать бескрайняя гладь. На берегу какие-то кустарники, похожие на банальный ивняк. Не биолог, точно не скажу. Но в конце концов, где-то та же средняя полоса России, погода, климат и здравый смысл это доказывают. А больше мне не надо. Я пенсионер. То есть на работу ни за что не опоздаю.

Исходя из этого, больше меня по-прежнему волнует другой вопрос бытия — где мои кошки. Тонуть мы начали вместе. Я даже помню вытаращенные глаза Гризли. А там, где кошка, обязательно есть кот Снежок. Где они? Неужели куда-то отнесло водой? Жалко-то как. Тогда лишь бы спаслись и не утонули. В принципе, домашние кошки воду не особо любят, но плавать могут неплохо. Дай бог им всем хоть немного удачи, бедные мои малыши пушистики!

Тяжело вздохнул, представляя черную Гризли и грязно-белого Снежка рядом с собой. Снова бы кошак лез ко мне ластился, а его мать ревниво бы на него шипела. Как в прошлые дни.

С трудом отогнал картину былого. Не зачем понапрасну плакаться. Ведь пока нет реального факта смерти, будем считать их живыми.

Постарался забыть пропавших кошек, остановившись на своей сложной текущей жизни. А там, то есть здесь, тоже не хрустальный фонтан холодной воды. Кстати, пить хочется, аж жрать не в моготу. Про спать негде я вообще не буду говорить, об этом вечером будем беспокоиться. Пока же надо подумать о будущем дне.

План действий был у меня очень прост — разрешить все возникшие бытовые нужды, вернувшись в ближайший, хотелось бы верить, населенный пункт. Там, при большой удаче, я найду родной дом и на этом мой кошмарный и прискорбный случай будем считать оконченным. На фига мне такая Точка Ноль!

Вот такой вот хеппи энд подучается в случае реализации моей задумки. Но сразу хочу сказать, что вот не верю я в него. Ни капельки. Если такое гигантское наводнение произошло, какое там село с родным домом будет? Тут снова жди кучу горестей и даже смертей. О-ох!

Потому и не очень спешил домой, останавливаясь по пути на каждой надобности. То как бы корзинку искал (не нашел), то машину ждал хотя бы увидеть человека (ни машин, ни людей), то блуждал в придорожном малиннике в поисках ягоды (и тут облом — малинник почти весь опал, ягод нет, не сезон). Так прошелся по взгорью и пришел по асфальтовой дороге на финишной прямой. Туда вниз по склону и ты дома!

Ты дома... Я смотрел, очарованный, на тот же беспредел воды, около которого очнулся, и понимал, что как ты был по жизни наивный простофиля, так им и остался. Ничего ты не найдешь, ни дома, ни даже своего села, все захоронено под толщей воды. Куда, спрашивается, рвался?

Постоял, помолчал на берегу, как у могилы любимого человека и пошел обратно. Жить-то надо дальше, черт возьми, как ни тяжело. Обрыскал ближайший лес, вернее, теперь уже полузатоленный лесок. От прежнего леса осталась лишь полоса деревьев, все остальное оказалось укрылось под толщей воды. Видимо, местность здесь как-то резко снижалась, хотя на глаз это не было видно. Первые метры леса еще виделись, по крайней мере, верхушками деревьев, а остальное, увы, безнадежно утопло. Хотя, если в ближайшие дни вода уйдет, то

лес еще оживет. Все таки зеленые растения это не животные.

Зато я вернул себе корзину со всем его содержимым. По меньшей мере, с тем что уцелело после катастрофы.

Обалдело смотрел в руке +на эту загадочную емкость. Я ее так искал, а она была все время при мне! Я сошел с ума?

Так ведь не было только что корзины! М-гм, или была? Я в сомнении посмотрел на коварный предмет синего цвета.

Будешь сейчас копаться в прошлом, обязательно вернешься е собственному благополучию. И уж точно сойдешь с ума. Лучше вернемся от корзины к повседневности.

Благо передо мной очень остро возникли две житейские проблемы — попить и поесть. За полдня съесть две неполные горсти ягод — это для пожилого человека совсем мало. Даже пить так не хотелось, как чего-то съесть.

Хотя пить хотелось очень сильно. Так что в любом другом случае, я бы, плюнув на все, либо пошел искать родник, либо, очень даже, что очень вероятно, просто напился на берегу обширного водоема. Но есть хотелось сегодня адски. Желудок горел, казалось, сам ел себя, судя по боли оттуда.

Под эти кулинарные вопли я решил пройти, как уже планировал, но немного позже, не к условному селу, а в обратную сторону. Там, насколько я помнил по прошлым грибным рейсам, есть неплохой родник, там хорошо росли грибы, которые можно съесть сырыми. И, вроде бы, там была даже рябина со зрелыми осенью ягодами. прелесть, как вкусно с голодухи. А?

Двинулся неспешно сначала по дороге, потом по очередному лесу. В кои-то времена судьба (бог? Фатум?) показала, что довольна моими действиями и я пошел, товарищи, правильным путем. На первых же шагах по лесу на выбранной дороге я увидел в высокой траве пластиковую ручку. Какова же была радость, когда я увидел свою корзину, а в нем грибы, по крайней мере, часть, сохранившийся нож, укрепленный мною (ай, молодчага!) и хлеб, упакованный в пластиковый кулек, а потом в пакет с этого же материала.

Э-э, я же ее искал! — внезапно сообразил я, — и держал ее в руке...

Остановился, поняв, что все руки пустые. Шустрая какая стала корзина. То там окажется, то сям.

«Спокойно, мой милый, мой дорогой, — стал уговаривать я себя. — Заткнись уже! — прикрикнул я на свой внутренний голос, — все выводы потом». Лучше ешь давай, восстанавливай силы.

Грибы были хоть и сырыми, но свежими, и почти съедобными, нож острый и готовый к работе, хотя считать его боевым можно было лишь очень крупный оптимист с хорошими розовыми очками. Но по сравнению с общим ничего до этого, когда я всерьез думал о ноже из гальки и топоре из камня побольше, это был большой прогресс. Человечество в моем лице развивалось просто семимильными шагами.

А вот хлеб, несмотря на двойную упаковку (кулек плюс пакет), частично промок. Через несколько дней это был бы уже никуда негодный кусок плесени. Но сейчас вполне нормальный кусок хлеба и даже вкус был нормальный, просто сырой.

С голодухи я быстро слопал этот несчастную еду, пожалев, что не взял имеющие дома лук и помидоры. Хорошо бы!

Но что делать. Хлеб был относительно вкусен, но моему бедному организму его явно не хватило. И я добавил в желудок сыроежек, каких нашел в корзине. Без соли, честно говоря,

было довольно пресновато и невкусно, но я на это не обратил внимания. Не до жиру, быть бы живу!

Попил всласть воды из небольшого лесного ручья (цел, старина!) и полакомился рябиной (память не обманула!). На ней в сезон ягод мало не бывает, даже в маленькой рябине, а тем более во взрослой. Ну я с ней оторвался! Съел все до последней ягоды, пока ненасытный желудок не попросил пощады. Уф, я полностью наелся!

В честь этого вернулся назад, к искомому ручейку и уже не торопясь, вдумчиво, похлебал сладкой лесной водицы. Ручеек был, как я уже говорил, маленький, его можно было посчитать и небольшим итогом вчерашнего дождя. Но я нашел солидную бочажину протекающей воды и наклонился над водной гладью, чтобы напрямую в ней напиться. Кружки-то нет!

Намедни я кое-как похлебал с ладони, а тут решил, подложив под колени опустевший пакет, дотянуться до воды сразу ртом, так сказать, без посредников. И дорваться до живительной влаги.

Потянулся к воде и невольно отпрянул, даже не замочив губы. Из воды на меня глядел совсем другой, пусть и когда-то очень знакомый человек. Каким-то образом я сильно помолодел и мне сейчас стало где-то под тридцать лет!

В другое время и при иных обстоятельствах я бы поразился еще как эмоционально. Вплоть до громкого истошного крика. Но тут лишь судорожно отпрянул.

Что это? Живая чудодейственная вода из скромного невзрачного ручейка русских сказок? Он все же сошел с ума и ему все кажется? Или просто ненароком уснул под ближайшим кусточком под влиянием жаркого солнца и пробуждение будет очень тяжелым и разочаровывающим, как и любой приход от сна до реальности в его старческие годы?

Отошел от чудо-ручья в тень раскидистого кустарника, сел на заблудшую корягу, лихорадочно ощупал руками лицо в силу отсутствия зеркала. Явно мое молодое лицо двадцати лет с солидным крюком. Или, лучше, тридцати лет с небольшим. Все равно салабон салабоном!

Воды я все же попил. Заодно еще раз посмотрел на себя молодого. Потом вернулся к рябине, поел, что осталось. Осталось очень мало и пришлось немного поерзать в траве, поискать после зверья и птиц. Местные почти не оставили, но какую-то горсть я все же набрал. У-у, жадюги!

Впрочем, есть уже, по большому счету, не очень-то и хотелось. Скорее, около рябины я неосознанно связывал две реальности — прошедшую, старческую и новую, опять молодую. Желая их соединить и мечтая, чтобы они так бы и остались. Я молод, полон сил и возможностей!

Новая реальность твердо сохранилась и как-то так гармонично вписалась в свою жизнь, словно оно так и должно развиваться — детство, зрелость, старчество... и опять молодость. Ахти мне! Вечный жид, ха-ха!

А ведь я и раньше должен был понять, что со мной что-то не так. Весь текущий день уже брожу, а в собственном организме ничего не ноет, не дребезжит. Хотя в той уже прошедшей повседневности, как только проснешься, так и начинает что-то болеть и скулить, хоть сам на полную луну волком вой!

И зверский аппетит. Я-то думал, что это влияние свежего лесного воздуха и долгой целебной прогулки, а ларчик, оказывается, вон как открывается! Я помолодел и есть хотел, ну не как молодой, но все же зрелый мужчина. А это уже не старая перхоть. Ему надо

побольше и желательнее мяса!

Домой приду, первым делом куплю курицу, сварю ее и все съем, только кости могут разбежаться по кошачьей миске. Подумав об этом, немного приуныл. Где теперь мой дом и такой желанный магазин с продуктами...

Но горечь о потерях вскоре ушла. Погибших я ни одного не видел, хотя будь утопленники, наверняка бы прибило к берегу. Да и молодости характерен оптимизм, а не старческая унылость.

Чуть ли не посвистывая, полный молодецких сил и желаний, я бодро пошел в обратную сторону по асфальтовой дороге, уже ничем не напоминающий недавний катаклизм. Даже редкие птицы, невесть как уцелевшие, в унисон моему настроению, радостно насвистывали. Осень однако.

На сером фоне давешних надежд,
Хитрюга осень нанесла свои узоры.

Леса сменили тысячи одежд

И засияли золотом уборы.

Затихли рощи в думах о былом.

Кружит листва в осоке утопая.

И тишина и вечером, и днём.

Природа осенью от лета отдыхает.

С утра дождит — осенний листопад.

Шуршит трава печально под ногами.

Я этой осени опять безумно рад!

Жду звездопадов тёмными ночами.

Все, как обычно. Я иду в лес (из леса) с хорошим настроением. Птички поют, солнце по-африкански наявивает, компенсируя нам декабрьскую стужу. Хо-ро-шо-то как, господи!

Такого оптимизма мне хватило немного. До окончания твердой поверхности и господства водной глади. То есть где-то на час.

Я с изумлением, как баран на новые ворота (можно и не на новые) посмотрел на прелести громадного объема воды. Да уж, по видимому катаклизм оказался гораздо глубже, чем я думал. Походил по бережку, попинал воду, как беспечный карапуз и пошел обратно. Там, по крайней мере, берег был знаком.

Еще час марш-бросок обратно. Уже не так радостно и не так бодро, но тот же час. Ноги длинные, организм молодой. И вообще, пехота — сто верст прошел, опять охота! Знакомо?

Пришел на знакомый берег, на котором когда-то (о, боже!) очухался. И опять захотелось есть. Я уже не удивился и не рассердился на потребности тела. Молодость! Прошелся вдоль бережка, сел в редкую тень ивняка.

Жарко. Почему-то на берегу в отличие от лесной глуши температурные излишества чувствовались особенно сильно. Правда, и порывы ветра оказывались посильнее, приятно обдувая разгоряченное тело.

Так, что у нас теперь есть?

Плюс. Я жив после страшного катаклизма и даже помолодел, хм, практически вдвойне. Это интересно, но пока не отвлекайся. Во всяком случае, я опять молод и три десятка лет могу жить снова, не думая. Даже не верится, но, видимо, это так.

Минус. Я, кажется, один на, кажется, острове. И хотя здесь жарко, то есть проблема холода мне не грозит, — я немного подумал, добавил: — хотя ночью может быть

похолоднее. Эффект антициклона, когда жара днем сменяется заморозками ночью, мне, как кажется, не угрожает. Во, всяком случае, сильный холод здесь в темное время точно не бывает.

Пища пока более острая и даже смертельная проблема. Воды, явно пресной, много, хоть упейся, пусть и есть некоторые вопросы с качеством. А вот что положить в желудок? Целлюлоза не считается. Ее много, но человеческий желудок ее не переваривает от слова совсем.

Поискал взглядом по округе хоть какие-то плоды или ягоды, не нашел, сдался. Что же, еда — это все, не найду, банально сдохну. Прежде всего, решаем вопрос, где будем искать — на суше или на море?

Суша мне, как сухопутному существу, очень знакома. Но после страшного катаклизма его потенциал резко уменьшился. Тем более, я уже прошелся по округе и имеющиеся продукты изрядно подъял.

Сейчас, по крайней мере, пока, в более положительном свете видится водная среда. Конечно, временный водоем с пресной водой — это не море, но проживится хотя бы чем-то можно. Если, понятно, постараться.

Полностью разделся до трусов. Нормальное нижнее белье, вариант семейное, мужское, не рваное. Если не нравится, не смотрите. Да и некого мне тут стыдится, наоборот, только обрадуешься негодующим воплям. Ибо крики — это живые люди. А люди — это счастливое будущее. Один я теперь!

Гораздо больше меня беспокоила опасность обгореть. Солнце вон какое сильное, не заметишь, как сгоришь. А обгореть — это, значит, выйти из строя на несколько дней. И, может быть, на совсем. Лежать на самодельной постели в беспамятстве и глубокой слабости. А кто кормить или хотя бы поить тебя будет, Робинзон, а?

Но в осенней одежде, рассчитанной на температурные рамки +5 — +10, при нынешней более +30 я уже не мог. Будь что будет! Что я маленький мальчик, не соображу?

Вырезал палку поувесистей (спасибо ножичку) и пошел по ближайшему берегу. Пляж почему-то оказался обширным (где я все-таки?) и почему-то отдавал солью. Впрочем, последнее ощущение быстро исчезло. Откуда в пресноводном водоеме соль?

Следи лучше за округой. Если буду внимательно смотреть на одним глазом на воду, а другим на прибрежную растительность, может, и найду чего-нибудь поесть. Не жареный бифштекс и не бутерброд, конечно, но желудку хватит.

Так и потихоньку пошел. Левым смотрел на воду, правым на растительность на суше, обоими — на кромку берега, где соединялись вода и твердь. Эй, плоды и ягоды, эй звери и рыбы, я иду, царь природы!

Как я и предчувствовал, именно кромка и была наиболее оживленной. В воде лишь изредка слегка показывались какие-то животные (какие?), на суше, кроме почему-то незнакомой растительности, были только насекомые. Незнакомой я имел в виду не название, не биолог, но совсем не знакомую даже на вид, что как-то меня удивляло.

Зато кромка берега показывала мне разнообразные водоросли с различной в ней водной живностью — насекомые, улитки, мелкая рыба и проч., и охотящейся на нее живность сухопутная — в основном птицы, небольшие млекопитающие и даже пресмыкающиеся.

Помня о том, что есть водоросли съедобные — а этой травы здесь был настоящий вал по всему берегу — и проблема решалась как бы сама собой. Найди нужные и будет тебе вегетарианский рай!

Но какие водоросли из видимых здесь съедобные? Я же не жвачная корова, чтобы все хрумкать!

Пахнут все одинаково — почему-то морем, рыбой, по виду — все противные, на вкус — пожевал кусочек на пробу — стопроцентная гадость. Была у меня робкая надежда найти среди них пищу по внешнему виду и вкусу. Была и легко пропала. Это надо просто знать, а не тыкать бессмысленно палкой.

Кстати, палкой я как раз тычу не бессмысленно. Под водорослями была тьма насекомых. Будь я хотя бы немного кореец или вьетнамец — съел бы, не раздумывая, и сырыми. А так брезгую, даже термически обработанные в рот не лезут. Ведь, наверняка, большинство из них не только съедобны, но и питательны, но тошнит, как представляю, что кушаю!

Пошевелил палкой груды водорослей, вздохнул надрывно. У меня есть нехорошее предчувствие, что через несколько дней я, оголодав, буду жрать всех этих тараканов и мидий, только треск будет стоять.

Мидии... — вдруг озарило меня, — ракушки. Их же в большинстве едят! Речные и пресноводные, все равно! Даже брат в молодости рассказывал! Чем я хуже! Отъем, не убудет!

Раковин было много. В большинстве своем они могли похвастаться только пустым панцирем или неприятным содержанием, но, на уровне подъема волн, появились и свежие, живые, и тоже в немалом количестве.

Посмотрев еще раз на водные просторы — пусто, на сушу — ничего из ягод и плодов, я слегка уныло, но быстро стал собирать ракушки. На безрыбье и моллюск рыба!

Где-то среди них были устрицы, где-то литодомы, но я не видел. Сухопутный историк, воду встречаю лишь в кружке чая, чего вы от меня хотите?

И потом, все это моллюски морские, а речных и моряки через одного знают. Не тк ли, сэр?

Ракушки решил пробовать на вкус. Если неприятные или хотя бы невкусные, то буду откладывать, более или менее нормальные стану есть. Ракушки едят сырыми, это я знал хорошо. Мясо, то есть мускулы, правда, тоже надо было подвергать термообработке, то есть, данном случае, печь на открытом огне (костре), так я и не собираюсь есть их мышцы. Фу!

Стал пробовать понемногу их жидкую субстанцию. Моллюски, естественно, были не дураки и отнюдь не желали, чтобы их съели и потому плотно закрывали ракушки. Но я был очень голоден и не собирался быть вежливым с едой.

Просто ломал кончики верхней и нижней створки ракушек с одной стороны и понемногу пил, как сырое яйцо. Ну что можно сказать по итогам этой дегустации?

Без соли и без лимона, содержимое всех моллюсков было невкусно. Две ракушки были откровенно противными, но, как мне показалось, они просто умерли и после этого испортились. Остальные оказались средней паршивости. Так что, если не сдохну от отравления, то буду жить!

Следовало бы подождать, пока содержимое первых съеденных ракушек переварится (или не переварится) в желудке и что мне от этого будет. Конечно отравления я не ожидал, если и было какие чрезмерно ядовитые, то это только на уровне экватора. Но хотя бы несварение желудка или диарею я мог бы ожидать?

Но я сильно устал и был слишком голоден. А потому, не ощутив чрезмерно неприятных ощущений в организме и чувствуя адский голод, я плюнул и выпил всех тринадцать моллюсков, каковые у меня были. А потом, как пережравшийся удав, тут же прилег

отдохнуть в тенечке.

Честно говоря, ощущение в ЖКТ было не очень хорошим, в животе что-то булькало и даже угукало, в рот отдавали затхлые ощущения, у меня началась, наконец, диарея и едва успел присесть под кустик.

А в остальном ничего. ЖКТ шевелится, значит, еще живой, стул испортился, так это от необычной для моего тела еды. Не отравился же, с чем тебя и поздравляю!

Но вот сами моллюски мне очень не понравились. До такой поры, что даже видеть их не хотел, а не то, чтобы держал в руках. А уж есть, ни за что и никогда! Говорят, есть любители устриц и прочих моллюсков. И флаг им в руки, а я гордо отойду!

Сырояденье было явно не моим коньком и где-то к вечеру я нехотя принялся за костер. Никогда не был краснокожим индейцем в прерии, ни юным скаутом в походе, ни хотя бы курящим владельцем спичек. И чувствовал, я еще намучаюсь с этим огненным представителем фейерверков и прочих пламенных утех.

Впрочем, я был грамотен, все же человек с высшим образованием. Буквы знаю. И Жюль Верна, по крайней мере, читал и не раз. Так что, как разводить огонь в отсутствии спичек, я теоретически вполне знал. Правда, как оказалось, все равно не умел. Такая вот теория и проза жизни.

Самодельное кресало из моего ножа и самой крупной гальки на пляже, которую я нашел, производило снопы эффектных искр, но не более. Производить костер в качестве их качественной производной уже никак не получалось.

Я очень старался, пыхтел, как легендарный паровоз, обильно потел и изволил гневаться, но воз, как говорится, и поныне был там же. Костра не было, один недостойный меня мат.

Может, производные (сухие мох, трава, мелкий хворост) были недостойны до пламени по причине повышенной влажности, может, руки у меня росли не из того места, может, Господь Бог не соизволил, но пламени так и не было, несмотря на все усилия. Хотя, по моему, в ходе процесса я уже сам был готов не один раз воспламениться и даже взорваться.

Дальнейшие приготовления к салюту наций были прерваны внезапной темнотой. Что за чертовщина! Вообще, я знал, что таким образом сменяются день и ночь, но это в районе экватора. Здесь же у нас умеренные широты!

Как-то это было непонятно и даже волнительно. Но пока мне было не до теоретических открытий местоположения. Есть ли жизнь на Марсе, нет ли жизни на Марсе, а я стою на песке голодный и усталый. Накормить я себя сегодня уже не смогу, ведь надо еду не только найти, но и индифицировать. А то съешь в темноте какую-то бяку и отравишься. Лучше подождать до утра, останешься голодным, но целым.

Я немного помыслил. Единственное разумное действие = это нарвать травы для ложа. Видел я ее неподалеку тут же на берегу, длинная, сочная. Кажется, осока, а может нет. Какая мне разница? У осоки, конечно корни хорошие, луковицей. Пока молодые, вкусные, но я уже говорил, кушать мы будем только засветло, завтрашним днем.

Мы будем кушать, — так говорил джин в одном из мультфильмов про Мюнхгаузена. На столе у него были, кажется, плов, тушки какой-то небольшой птицы, фрукты, свежие лепешки. М-м!

Сглотнул слюну, потребовал от себя не травить душу всякими пищевыми соблазнами и решительно двинулся вперед, почти наугад, от места, где я так неудачно разжигал костер.

Трава росла длинной полосой параллельно берегу и потому пройти мимо нее было очень трудно. А потом, если я перепутаю и нарву другую, какая разница? Про себя я уже

решил, что если мне не повезет с травой (любой), то наломаю ветки ивняка. На концах кустаарников они тонкие, с листьями и из них тоже можно сделать приличное логово.

Но пока я рвал траву. Сначала хватал большими охапками, которые сорвать даже мужским рукам было не под силу. То есть я их брал, а ни сорвать, ни вырвать не мог!

Проанализировал ошибку, учел и брал уже по два — три стебля. Так они достаточно легко рвались, а когда я стал их просто выдергивать с корнями, то быстро набрал несколько охапок.

Охапка — в данном случае травяной массив, который я мог взять двумя руками, прижав к груди. То есть, сами понимаете, что взрослый мужчина в расцвете сил (плагиат одного вертокрылого), берет много. Я собирал ее у ног, пока рвал, а потом относил к маленькой ложбине у какого-то дерева, незнакомого в темноте. Здесь я решил спать.

Одеялом у меня должны были стать ветки данного дерева. Оно было большое, но, видимо, неопытное и широко расположившее ветки у самой земли. Вот их я и себе взял в качестве имущественного налога. Вообще, это была полная профанация, ничего я не утеплил и от дождика не хоронился. Но я все же порвал, собрал и кое-как положил поперек себя, когда лег в свое импровизированного ложа.

Постель была мягкая, ветки к моему удивлению, почти грели. А вообще температура была в границах комфортной. Желудок, вволю нажаловавшись и набурчавшись, уже спал. И я потихоньку задремал, даже не обратив на красочное звездное небо, чужая, как задница у негра.

Костер

Под утро я все же изрядно замерз, так сказать, задубел. Холод неприятным диверсантом пролез между ветками, через ветровку и устроился на груди и в ногах. Повозившись и не согревшись, я в какой-то миг все же решил, что так будет нехорошо и надо вставать. Но сонный мозг двумя третями проголосовал спать и велел телу заткнуться и отдыхать, пока ему разрешают.

Налицо была, как вы понимаете, полнейшая дискриминация такого природного явления, как холод, и природа взбеленилась и поднапряглась. Чем позже было утро, тем больше крепчал пусть и не мороз, так холод. И даже солнце, кое-как поднявшись над морем, на первых порах не могло облагоразумить это распоясавшееся погодное явление.

Повозившись и покряхтев, я не выдержал и встал. Холодно же все-таки, черт побери! Моя нежная интеллигентная тушка явно не выдержала текущих испытаний, стала дрожать и молча вопить, нехорошо отдаваясь в мозг. Тот, тоже не выстояв под натиском телесных воплей, стал, в свою очередь, стенать и ныть.

Та еще была какофония. И ничего, что молчаливая, зато слышимая мне. Очень неприятно, между прочим.

От этого я стал бегать еще быстрее и даже стучать себя по груди и бокам руками, заставляя тело согреться быстрее.

Веселое было первое утро на острове. И лишь осознание того, что я попал в Точку Ноль и значительно омолодел, заставляло меня не предаваться пессимистичным воплям и метаться по пескам. Так, стоял почти на месте и деловито махал верхними конечностями.

Что же, — думал я, работая руками, — судьба или, другими словами бог, в которого я так и не верил, несмотря на чудодейственные последние явления виде переноса на остров Камского водохранилища (пусть будет пока так). Так пусть пока этот бог дал мне вторую жизнь и великолепный шанс заново начать свою судьбу другим на зависть. Радуйся, дурак, ты сумел выпасть из своей обоймы и можешь переместиться на новую линию этой своей судьбы.

Разве не об этом ты потихоньку мечтал в своих самых смелых думах? Не об этом ли рисовал в легких сказках компьютерных дрем?

Решено! Назло коварной судьбе-богу пройду этот квест приключений! И зажгу костер:

А клёны, рябины,

Кострами сгорая

Всю осень теплом,

И огнём наполняют.

Ха, может и не эти деревья, но тоже неплохо бы. Но как его зажечь? В этот судьбоносный момент я и почувствовал на груди какой-то чужеродный предмет, типа небольшой палочки. Гвоздик? Или... так нужная сейчас спичка? Я со стародавних времен, с тех пор, как прошло малолетство, спичками не баловался. Не курил, в электрическом быту ими не нуждался. Но в комбинезон время от времени с моего разрешения одевался младший брат, великорослый в эти уже годы верзила. Вот он курил, как паровоз, и всюду механически, на автомате, оставлял спички и недокуренные бычки, с чем я постоянно боролся. Окурок, положенный в отрывок бумаги, тоже найденный в одном из карманов,

хотел попервой выбросить, но потом задумался.

Курить я, конечно не начну, слишком стар для привыкания к это гадости, но, может быть, как-то в хозяйстве пригодится? Ведь я в этом таинственном острове не только один, но еще и без ничего. Корзинка с мелочью грибов, нож, неподходящая одежда. Вот и все материальные возможности. А теперь вот последнее прости от брата.

При мысли от непутевого брата мне стало печально. Где он сейчас, не утонул в селе, как и все население? Или, может районная и областная администрации сумели произвести массовую эвакуацию? Ведь он же не беременная женщина, не беспомощный инвалид, крепкий мужик на излете лет. выпутается как-нибудь, еще и сам сможет кому-то помочь.

Если это не я был перенесен с куском изрядной территории. Фантастика? Может быть. А внезапный водный катаклизм разве не фантастика? Все познается в сравнении...

Помотал головой, выбрасывая ненужные мысли. Окурок в бумаге убрал поглубже в один из многочисленных карманов комбинезона. Потом вдумчиво и тщательно обыскал сначала комбинезон, а затем всю имеющую одежду. К старости лет мы почти сравнились в комплекции, как и положено братьям и иногда, хотя и редко, позволяли себе поменяться рубашками, куртками, брюками. Я, кстати, эти коммунистические привычки не одобрял, поскольку потом одежда изрядно пахла табаком, но смирился, только иногда подкалывал брательника.

Может быть, и из-за этого брат по хомячьи время от времени еще припрятывал пару спичек. Назло так сказать. Сейчас я был бы совсем не против!

Короткий, но тщательный обыск оказался весьма удачным. В том же комбинезоне в одном из нагрудных карманов я пальцами что-то нашел, вытащил на свет белый и, о боже, это оказался спичечный коробок, а в нем целых две спички! И еще немного! Ура, я спасен! У меня снова есть огонь, а вместе с ним тепло, горячая пища, и защита от кого-нибудь!

Вместе с первой спичкой у меня есть целых три спички! Посмотрел их повнимательнее. Спички не были повреждены, не имели каких-то производственных недостатков. Целых четыре полноценных спички! Я — Крез! Я — миллиардер! Пепелац я, разумеется, не куплю как в кинофильме «Кин-дза-дза», но материальных выгод еще как поимею!

Бережно спрятал спички в коробок, а его в самый глубокий и надежный карман. И понесся молодым козленком собирать топливо. Охапки сухих водорослей, хворост выше кромки берега, куда не добиралась вода, и ниже кромки, где она господствовала. Здесь тоже древесины было достаточно много, но была она так пропитана жидкостью, что даже жаркое солнце до конца его до конца не высушило.

Вначале я вообще не хотел возиться с этой гнилью, но практическая крестьянская хватка остановила меня. Не хотелось верить, а вдруг я здесь навсегда? Вдруг это все, на что меня благодетельствовала судьба — фатум? Это кажется, что леса на образовавшемся острове много. Человечество и не такие огромные массивы уничтожало. Прибираемые же водой остатки древесины — это крохотный бонус за мое здесь существование.

Понукаемые такими мыслями, я быстро стал собирать бревна, доски, жерди на песок около будущего костра — окончательно сушить перед иссушающим огнем. Что-то было уже откровенное гнилье, что-то еще уцелело, а что-то уже откровенно обрадовало. Так, оттянув на себя длинную доску — она в конце концов все-таки сломалась — я вытащил короткую якорную цепь, вещь в привычной жизни сугубо не нужная, если только в чермет (цветмет), но здесь прошедшая как дар Божий. Я обалдело и радостно перебирал ее звенья, явно не новодел, видна ручнаяковка. Но цепь настоящая, с массивными кольцами. Судя следам

рубки, цепь не разорвало, ее целенаправленно рубили, чтобы освободить корабль от цепи? От кольца пристани в порту? Я уже не узнаю, да и честно говоря не хочется. Тем более, зная современную практику, цепь, наверняка, отлили уже в XXI веке, отчеканили ее для виду для туристов и для них же рубилом отделили какое-то, весьма небольшое звено.

Я посмотрел на след рубки и изменил вывод: рубили, скорее всего, топором. Или, с натяжкой, широким рубилом.

И хватит на этом размышлять. Положил якорную цепь с непонятным металлом, которую я так и не смог идентифицировать немного в сторону, ближе к костру, к моей стоянке. Металл какой-то странный, похоже, сталь с какой-то кудрявой насадкой. Или бронза?

Бронза для незнающих — это сплав с каким-то веществом, в основном металлом, но не обязательно. Еще в средневековье ее готовили с медью и всевозможными элементами — от мышьяка до олова. А уж в XXI веке, так я даже не схожу. Продвинутая технология! Но неплохой сплав и, в основном, более легкоплавкий, чем черный металл, та же сталь, или железо. В общем, поживем — посмотрим.

На Урале у нас со средневековья делали металл, машины и всякую мелочь типа огромные шпильки и якоря для речных и морских кораблей. Так что, если в каком-либо водохранилище такие находки вогнали в неведомый ступор, то здесь только некоторое удивление и радость.

Таскал коряги, пока не обессилел, но большую полосу от мусора освободил. Ох уж эти людишки! Их самих нет, но родную природу все равно пачкаем. Нашел четыре десятка деревяшек. Из интересного и полезного. — три доски метров в пять — семь, да две жерди, явно брус для борта. Хватит на какую-нибудь лачужку, типа камера одиночная, маленькая. Всяко крыша над головой будет. Ведь средняя полоса (пока пусть!) не так уж редко поливается дождями. А зимой нередко бывают морозы до 40 градусов. Иди-ка поспи тут под кустами, если ты не зверь в зимней шкуре!

Да и безопасность. Хоть остров — и безлюдный и без зверя — но опыт показал, что ничего тут расслабляться. Скушают или украдут!

Нашел еще, к своему огромному удивлению, саблю приличных размеров. Запутавшись между досками (насильно вбили?) разбитого остова судна, она преспокойно лежала, замаскировавшись водорослями.

Клинок был, хотя я опять же не специалист, размеров больше среднего, пусть не очень. Со следами ржавчины, но довольно острый. Во всяком случае, с кустами справился довольно легко. Они, кстати, оказались в повседневном солнечном свете все же не ивняком, хотя и довольно похожими. Или я ошибся? Мне пока, в принципе, было все равно, потому как ни кушать, ни делать поделки я в любом случае не собирался. Но это был явно не ивняк, поскольку такие большие и красивые, терпко пахнущие цветы на иве не расцветают. И вообще не растут в нашей средней полосе! Опять же, где я?

Еще одна причудливая загадка, которая меня подталкивает к глубокомысленному выводу. Может быть, будь у меня время для отдыха и немного пищи для надоедливой желудка, я бы быстро решил загадку. Все-таки я — С.Л. Логинов — кандидат наук и доцент! И не такие аналитические загадки разгадывал. Но пока лишь перешел к другой интересной загадке — металлическому кувшину с украшением в виде стекляшек на горловине. Он, в частности, тоже лежал на том же разбитом остове судна.

Остов тот оказался гораздо больше размером и тяжелее, чем я полагал. Во всяком

случае, когда я его чистил от водорослей, то даже его не пошевелил. Не очень-то я сумел подвинуть его и после уборки. Главная проблема здесь заключалась в массивном киле корабля. Мало того, что он был изначально тяжелым для одного хилого интеллигента, так его еще сильно намочило. Пошевелил немного, потрудился до красных пятен перед глазами, и решил: на фига? Вода сюда уже только набегает, кроме как в сильные волнения. Так что очистить от водорослей, выдернуть доски и повернуть бревно попой кверху. Пусть сохнет, не пострадает от стыдливости. Я тут только один.

Кувшин в отличие от сабли оказался целенаправленно привязан за рукоять у горла, какой-то веревкой, сейчас настолько гнилой безобразной, что я без промедления оторвал ее бросил в водоросли, догнивать до кучи. Или хотя бы пусть сохнет, пока не понадобится.

А вот кувшин я сразу взял. Мало того, что это была моя единственная емкость, И я, еще не получив огонь, уже озаботился, как его хранить.

В самом деле, даже, если я буду находиться на одном месте, надо будет постоянно сохранить огонь. Ведь чуть, что и — лук мочало, начнем плясать сначала. Огонь затух, да здравствует другой огонь! В спичек только три и одну (дай бог одну!) надо будет зажечь уже сегодня!

Имея два клинка (нож и сабля) и большое количество кремней, можно получить кресало. Только вот имея в виду свою практику и средневековую теорию, что-то мне кажется, что этот вариант не самый лучший.

Так вот, кувшин будет самой эффективной емкостью по переносу и хранению углей! Как оно? Хороший вывод для кандидуба исторических наук?

Положил кувшин у будущего очага. Сделал последний легко, но старательно. Во первых, убрал весь древесный мусор окрест на несколько метров, выкорчевал все растения вплоть до глубоких корней. Во-вторых, нагреб с трех сторон противопожарный барьер из песка. В-третьих, дрова, за исключения «утопленников», которых обязательно надо сушить, отгреб на несколько шагов в сторону. Все, самовозгорания не будет!

Сделал дно из чистого песка и несколько больших камней — песчаника или гранита — что нашлось.

Теперь предстояло самое сложное и тонкое в этой операции по возгорания костра — добыча собственно огня. Сухие мох и трава легли на дно очага, потом, поверх тоненькие веточки, по возможности тоже сухие. Все, как вчера, когда неудачно проверял кресало. А вот дальше по-другому: под мох и траву подложим небольшую бумажку, оторванную от обертки от бычка.

Брат когда делал обертку для окурка, щедро, скорее, от лени, выделил целый старый экземпляр районной газеты «Светлый путь». Сперва это показалось ненужной щедростью. А теперь вот только радуюсь. Аля-улю, полоска газеты оторвана и подложена!

И, молчание! Под фанфары и аханье невидимых зрителей я решительно чиркнул спичкой об коробку. А чего? Будь спичка одна, то можно было и подрожать. А тут, не сожжется одна, подожжем другую. Именно этот психологический эффект позволил мне получить пламя в костре сразу, несколькими движениями.

Сначала горящая спичка подожгла бумажку, подвернутую фунтиком. Та еще робко на малой площади подпалила мох и трава. А уж последние весело понесли благую весть о горячей жизни и оживили веточки. Костер зажегся!

Не прошло и несколько минут, как я осторожно стал подкладывать ветки потолще, с мой палец толщиной. А то ведь мох и трава, как быстро разгораются, так быстро и

прогорают. Не успеешь моргнуть, как огонь потух.

Ветки посолиднее на базе предыдущего пламени горели уже дольше. Их, главное, зажечь, а дальше можно и отойти. Сходил за охапкой хвороста, скормил ее огню, а потом положил сверху самые сухие коряги. Все, если они разгорятся, костер продержится целые сутки.

Если разгорятся. Эти злые стервы, как и положено со своим стервозным характером, начали показывать свои манеры и демонстративно не хотели гореть. А более мелкие сучья уже сдавали свои позиции. Пришлось, спасая огонь, положить сверху новые ветки. Огонь стал вести себя более оптимистично, даже стало жарко. Отсел от него подальше. Я не шашлык, меня жечь не надо.

Хотелось верить, что теперь уже не потухнет. Принес на всякий случай остатки хвороста и охапку сухих водорослей.

И встал в позу Буриданова осла, не зная, что делать — готовить есть или вновь собирать ветки. Их я подбирал и частенько срезал у кустарников, подбирая, естественно, самые сухие. Почесал затылок, стимулируя мозжечок — там у русских людей, как ведомо, находится вся высшая нервная деятельность.

Жрать хотелось очень хотелось. Именно жрать, а не кушать. Но если костер потухнет, то горячей пищи не будет все равно. Поэтому, скрепя сердцем, вновь начал собирать хворост. А вообще бы, мне следовало отправиться в лес и срубить цельную березку, чтобы не мучиться. Только чем рубить, ножичком?

Саблю я, при некотором размышлении, решил совсем остановить на месте стоянки. Не дело это оружием и рубить дрова. Тем более, саблей! Даже боевым топором еще, хоть и не приветствуется, но в крайнем случае, можно. Но саблей?!

Короче, пока остается собирать только хворост и, с некоторым ограничением, древесных «утопленников» — выловленные мною из воды остатки различных сооружений, в том числе, и совсем непонятные мне, и сухие водоросли.

При чем, вторые разгораются мгновенно, если они действительно сухие, но так же быстро прогорают, а первые горят долго и целенаправленно, но разжечь их надо очень постараться.

Все-таки человек (в данном случае я) существо весьма разумное, а потому нагло-хитрое. То есть, выбрал один вариант действий, но выполнил его только частично. Потому как даже издалека увидел, брошенные в костер деревяшки загорелись. А потому, куда суется? Пора, наконец, уже завтракать, а, соответственно, перед этим приготовить этот завтрак.

Взял в руки вчерашнюю палку (непременный атрибут, если не за хворостом и корягами), кувшин и направился на вчерашний... э-э-э обед? Ужин? Набрал кусочки выброшенного накануне мяса — все, что осталось съедобного от ракушек. И никто не съел, лишь кусочки обмарались песком и мелкими насекомыми.

Последних я быстро сшиб, аргументируя это тем, что и одному добычи мало. Ведь у ракушек, кроме желеобразного тела, есть, по крайней мере, у большинства, немного мускулов. Створками-то надо вертеть и не святым моллюскиным духом. Но его так мало, а тут еще всякие дармоеды!

Вот это я и вчера был готов съесть, но не получилось. Ибо сырыми кушать я еще не был готов, ибо был не так голоден, а, значит, еще и цивилизован. А для хотя бы испекания мяса не дошел, так как огонь так и не появился.

В принципе, я хотел было сложить в кувшин и даже взял его с собой. Но уже подходя к

остаткам моллюскам дошел, что емкость у меня одна и его бы использовать по прямому назначению. То есть, пока нет углей, таскать в ней хотя бы воду, если уж не получается вино или хотя бы чай. А кусочки мяса нанизать на прутья, ведь все равно это один из наиболее возможных методов приготовления мяса, если уж у меня нет никакой кухонной посуды. Шашлык называется. Многим это очень нравится.

Конечно, их надо бы сначала замочить на сутки в специальном маринаде (вода, уксус или вино, специи и так далее). Подробности я вам докладывать я вам все не буду, по причине того, что этого все равно ничего нет, кроме воды. Да и то не у меня, а у окружающей среды.

Поставил на костер прутки с мясом мяса моллюсков. И так оно через пару минут стало одуряюще пахнуть, что у меня слюна потекла, как у собаки Павлова. А ведь убеждал себя, что не буду ничего у моллюсков есть!

Пришлось все это запить водой из кувшина. И вот здесь меня стукнуло по кумполу, как не било уже в XXI веке совсем. В XX веке било и не раз, и не только морально, но и физически, но это было давно и неправда.

А тут вдруг... вода в кувшине оказалась соленая! При чем не просто соленая. Похоже, она оказалась морская! Логическая и простая картина бытия на глазах покрывалась трещинами и разбивалась на кусочки. По крайней мере, это не Камское водохранилище!

А ведь я уже полагал, что тут не чисто, даже видел себя в острове на Тихом океане. Но в реальности считал себя еще на Каме.

Попытка родного мозга хоть как-то сохранить привычную картину бытия путем констатации факта соленой воды в водохранилище была разбита самим же мозгом.

Так получалось, что Кама, хотя и доставала могучей рекой Удмуртию только немножко, краешком, но начиналась она все равно в моем же регионе родником, а потом небольшой речушкой. И нигде, нигде (!) не упоминается, что вода в ней была соленой. Да и с какого-то перепуга, река, постоянно питаемая пресноводными притоками, вдруг станет соленой?

Значит, это все же не водохранилище, а обычное море — океан. Огромный соленый водоем посреди России? Ой ли! Нет, меня вытащили из России! Или нет, я остался в России?

Мой отчаянный и, надо сказать, довольно панический мозговой штурм был остановлен приятным-таки запахом подгорелого мяса и воплями голодного желудка. В кои-то времена его хотели накормить настоящей пищей и то премудрый мозг собирался его сжечь!

Повинуясь уже не мозгам (от него все равно толку особенно не было), а воплям желудка я поспешил вытащить уцелевшие палочки с мясом. Сгоревшие же с мясом деревянные шампура пришлось лишь проводить взглядом. Что поделать, две палочки с расположенными а них кусочками мяса мне пришлось проводить в последний путь в огненную купель.

Впрочем, посчитав количество мяса на уцелевших шампурах, я пришел к логическому выводу, что этого мало и поспешил покопаться в костре, вытаскивая найденные в золе и догорающих дровах кусочки мяса. И ничего, что все они были уже сгоревшими. Главное, это было мясо, а не уголь. По крайней мере, не все мясо подгорело до такой степени.

И вот, наконец, я мог попиршествовать! Кусочки мяса — небольшие мускулы моллюсков стали моим основным блюдом. Конечно, вкус их был ужасен. Половина шлыка так и не была зажарена и теперь мои челюсти могли сколько угодно их жевать. Эти резиновые изделия пищевой промышленности все равно упорно сопротивлялись и пришлось их после некоторой борьбы просто глотать полупрожеванным виде в надежде, что онный желудок замолчит наконец и будет делать то, что ему положено природой — переваривать

пищу.

Вторая часть пережевывалась гораздо легче, но вкусом было не лучше — это было уже подгоревшая резиновая подошва. То есть подгорать это мясо охотно соглашалось, а вот испечься нет!

Что нам кабанам или волкам с этого будет! Я отважно проглотил почти сгоревшие кусочки мяса след за сырыми, макая их в кувшин с морской (или, хотя бы соленой) водой. Потом прочувствовал и прослушал желудок. Оглушенный таким количеством тяжелой пищи, он уже был не в состоянии что-то членораздельно хотя бы думать. Но ощущения от него были очень нехорошие. Подробности я опущу, поскольку они передавались преимущественно нецензурно, но теперь я понимал, почему мясное блюдо обязательно требовалось заесть какой-то закуской. Или хотя бы запить. Не вином, боже упаси, водой.

Увы, ни заесть, ни запить у меня ничего нечем. Попробованная морская вода на вкус была такой гадкой, что я сразу почувствовал что-то нехорошее.

Мелькнула мысль — а что если такая жидкость была образована уже в кувшине, а в водоеме вода все-таки была пресной? Догадка была гениальной и расслабляющей. Понятно, что я ополоснул кувшин, но ведь смотря что там было. Грязи было бы достаточно для простого ополаскивания, а вот соли на дне, сухой и покрытой пленкой, нет. Она-то и, потихоньку растворившись, дала мне такой несравнимый вкус. Надеюсь, это были пищевые соли и я не умудрился отравиться?

Фу-у! Жаль, конечно, лишиться такой невероятной перспективы попадания, например, в другой мир, но на Земле все же лучше. И даже в средней полосе России.

Оставалось проверить мою выдающуюся догадку обычным способом — просто макнуть рукой воду на берегу и попасть ее в рот. Или просто отпить жидкость из моря.

Никогда не разрешайте детям пробовать так! Там грязь, микробы и прочая гадость. Но сейчас я был в тупике и оставалось использовать мои вкусовые сосочки во рту в качестве экспресс-анализа.

Уже ни о чем не думая, я лишь просунул в костер коряги, чтобы они оказались в огне несгоревшей частью, и потопал к воде, благо она было кругом, не заблудишься. И ближайшая было где-то в сотне метров.

Быстро прошелся до берега, беззаботно опустил руку в воду, а потом разрешил слизнуть ее с кожи языком. Вдохнул.

Что же делать, такая была хорошая теория. Просто-таки гениальная. Но как и большинство теорий неспециалистов, она была вдребезги разбита при первом же прикосновении с практикой. Вода в водоеме оказалась соленой, то есть это все-таки было море! Надеюсь, хоть на Земле, где-то на Тихом океане?

Радости и заботы
Прошлое становится длиннее
И всё тише эхо голосов.
Будто бы по липовой аллее,
Осенью идёшь среди костров.
Вдалеке не видно белой арки,
За спиной тускнеют огоньки...

Это я сне сочинил. Стих вообще-то длинный, но я не весь его привел. Так, несколько строчек привел для примера. Вот как гениальный русский ученый сумел свою таблицу привезти, а я вот стихотворение! И ничего я, кстати, про свою собственную гениальность не пишу. Я очень скромный и робкий.

Машинально облизал кожу правой руки. Ой, я же вчера проводил опыты! Повинуясь уже совершенно сумасшедшей догадке, я тщательно вымыл руки. Даже мыло бы использовал, если бы оно здесь существовало. Вдруг я сумел протащить в мой рот соль на коже конечностей? Дурацкая, конечно, теория и она умерла буквально в секунды. Я вымыл руки и сделав руку лодочкой, взял в нее воды из кувшина. Немного, крохотный глоток. Этого хватило, чтобы убедиться — вода морская, соленая. И не в кувшине, а на самом побережье. Но в емкость ее с собой набрал.

Что же, с другой стороны, превращение речного водоема в море позволило собрать в единую концепцию разрозненные факты. Правда, туда никак не вписывались мое появление и изрядный кусок территории Удмуртии. То есть они вписывались, но догадка получилась такой фантастической, что я решил пока дальше ее не развивать. А то нафантазирую на страх себе!

Вернулся обратно на так сказать стоянку, посмотрел в первую очередь на костер — горит, не потух еще до конца. Поставил кувшин с морской водой рядом с ней на песок. Пожарники сюда явятся не скоро, вернее, они не явятся уже никогда, но жидкость пусть постоит. Как бы чего не вышло!

Рассмотрел план грядущих действий на сегодняшний день. Где же я? Географические рамки я, если и узнаю, то только вечером, глядя на звездное небо. Как я раньше догадался? Вот же она разгадка!

А конкретно сейчас я должен, ох, готовить топливо и хоть какое-то продовольствие. Я теперь на самообеспечении и никто мне не поможет. И деньги стали просто бумажки, да и не взял я их с собой в лес. Здесь нет магазина. И точки общепита тоже нет, к сожалению.

Но все-таки в первую очередь я, с учетом текущей обстановки, подготовил найденную накануне саблю в полное боевое положение. Осмотрел ее на предмет возможных повреждений. Таковых не оказалось. Проверил на ощупь остроту лезвия, она оказалось ниже среднего. Усилил ее, взяв с побережья приличных размеров камень из песчаника. Мастер-оружейник я был так себе, ни проковать, ни хотя бы подремонтировать, но тупость на лезвии убрал. Потом спрятал (положил) клинок в куче хвороста. Пусть там обретается.

Следующий мой шаг был в огневом отношении. Имеется в виду, не огнестрел. О-о, до него еще далеко, как до Пекина одним методом. Нет, я побеспокоился на счет костра. Осмотрел его, пошуровав дрова для более лучшего горения, добавил еще одну корягу, в

отличие от своих товарок гнилую до нельзя. Причем, с учетом морской воды — природного консерванта — и то, что сосна не очень-то готовится к гниению, можно представить, сколько ей лет!

Я подумал, что костер в моих надежных, хотя и, честно говоря, деревянных руках и пошел добывать себе пищу. Для начала пришлось думать, где найти добычу — в лесу или на воде (на берегу). В лесу, естественно, привычнее, но с учетом недавнего апокалипсиса, здесь шансов добыть зверя, а, тем более, птицу быстро катятся к нулю. Тем более, почти нечем.

На море же я рыбачил и собирал пищу только два раза, зато вчера и сегодня. И, как никак, ушел с добычей! Правда, последняя была на уровне всего лишь ракушек, но ведь тоже продукт!

Ну а теперь, зная, что передо мной море, я буду смелее с моллюсками и разными морскими гадами. В принципе, среди них вообще не было отравленных или отравляющих особей. Другое дело, как-то они ко мне не подходили по вкусу и по консистенции. Но это пусть. Не сегодня так завтра дойду, жрать буду по степени оголодания.

В водорослях я, к сожалению, так по жизни и не разобрался. Какие съедобные, какие нет, не знаю. Это моя *terra incognita*, но про себя уже решил, что среди них также нет особо ядовитых, а потому, буду есть потихоньку молодые или нежные на внешний вид растения, авось попаду на съедобные. Голод не тетка.

А еще есть черепахи, морские звери, и, конечно, рыба! Не пропаду. Инструмента, правда, никакого, ни рыболовного, ни охотничьего (сабля проходила исключительно, как боевое оружие), но руки и голова у меня были. А, значит, увидим, сообразим, что-нибудь как-то сделаем.

Главное, чтобы на меня сам не напал смертельный враг тутошних и прочих мест типа пираты. Им я могу противопоставить только саблю и очень неумелые руки. Но, честно говоря, в таких злых людей я до конца не верил. Откуда они тут в XXI веке?

Прошелся по берегу почти там, где уже ходил. Снова водоросли, моллюски, мелкие гады. Была и рыба, в большинстве мелкая, но парочка уже ничего, при некотором воображении можно даже назвать средней.

Но вся она была мертвой и уже, увы, припахивала. Есть же снулую рыбу не только противно, но и опасно. Бактерии наш враг! Поэтому я с некоторой досадой выбросил ее обратно в море, чтобы она тут не воняла и приличным людям настроение зазря не портила.

И пошел дальше по берегу, куда дальше, чем далекое вчера. Даже испугался за оставленный костер. Мало ли что там коряги, потухнет окончательно, а у меня на всю оставшуюся жизнь всего лишь три единственные спички!

Но тут впереди в песчаном побережье показались довольно массивные тела и юркнул побыстрее за немалую гряду почти высохших водорослей. Так и есть, большие черепахи!

Я, безусловно, в морской флоре и фауне не спец, но все-таки именно это имел в виду. На песчаном берегу безлюдного острова, скорее всего, Тихого океана немалый шанс найти подобный природный инкубатор. В этом обширном океане воды много, а земли мало, песчаных берегов тем более. Черепахам же надо как-то размножаться. Это ведь живут они в своей основе в воде, а яйца все особи — и водные, и сухопутные — оставляют в прибрежном песке.

Эх, будь у меня охотничьих навыков на черепах побольше, да какое-нибудь копьё или острога, поохотился бы и на самих черепах. Конкретно такие вот черепахи во взрослом состоянии в любом случае принесут мне несколько десятков килограмм полноценного мяса.

Но ничего, на первый раз достаточно и яиц. Большие по размерам морские черепахи кладут за раз около сотни штук. И так несколько раз в год. Так что, если я возьму себе на пропитание штук тридцать — сорок, этот вид явно не вымрет.

Пока я обдумывал свои планы на будущий обед, черепахи сделали свое дело, и ушли в море. Все, за них можно не беспокоиться, назад они не вернуться. Правда, могут приплыть другие. То есть не то, что я их боюсь, черепахи — не волки, ненароком не съедят. Но если самок хорошенько пугануть, можно остаться и без яиц и без самих черепах. Мне это надо?

Однако ничего другого мне не виделось. Бегом подбежав к месту яйцекладки, я начал рыть песок на месте свежей кладки. Мне надо всего лишь минут десять, максимум пятнадцать, а потом весь песчаный участок, милые дамы, в вашем распоряжении. Плодитесь, размножайтесь!

Как какой-то примитивный дикарь быстро разрыл руками рыхлый песок. Лопатой, разумеется, лучше, но зато нет опасности разбить яйца. А стоящий копатель будет виден издали не только черепахам, но и другим опасностям, например, пиратам. Я то в них не верил, но а вдруг. Как говорится, два фута железа в тело очень убедительный довод, но уж очень для жертвы неприятный. И песок рассыпчатый, мягкий, очень поддающийся моему воздействию.

Быстро, но аккуратно сложил в пакет несколько десятков яиц, пока не посчитал, что, пожалуй, хватит. Однообразная диета, какая бы она не была вкусная и питательная, надоедает, а холодильника здесь нет. Не будем мучиться, ведь основная пища у меня будет, как я уже убедил себя, рыба.

Согнувшись, как красноармеец под фашистскими пулями, я прошмыгнул обратно. Конечно, это не домашняя яичница с колбасой, скворчащая на сковородке, зато все натурально, без растительных добавок. Я имею виду соевую колбасу со злобными химикатами.

М-да, только бы хлеб еще, — вздохнул я невзгодам судьбы, — но что делать. Уже наличие любой пищи должно было сделать несчастного Робинзона счастливым. И не жужжать тут мне!

«Поход в лавку за продуктами» я посчитал на этом законченным. Будет день, еще что-нибудь поищу. А сегодня мы будем кушать!

Обед состоял только из одного блюда. Одно яйцо я сожрал (иного слова не подберешь) сырым. Очень уж хотелось кушать. Вкус был немного другим, чем у куриных, но я бы не сказал, что это слишком помешало мне. Гораздо больше проблем дала кожистая поверхность яйца.

Что теперь? Будь твердая скорлупа, я бы просто испек их. Сварить? С кожаной оболочке? Будь даже такой вариант успешным, я как-то сомневался во вкусе подобных вареных яиц.

Помучавшись, избрал трудоемкий, но гарантированный конечный результат. Яичница! Поставил кувшин в костер. Огонь уже горел не сильно, и мне надеялось, что, в крайнем случае, ничего не сгорит и не расплавится. Но угли оставались горячими.

Подождав, пока кувшин согреется, вылил туда три яйца. Кувшин — не сковородка, сразу возникли трудности. Тем более, у меня не было никакого масла — ни животного, ни растительного, ни твердого, ни жидкого.

Но и требований у скромного меня существовало немного. Я даже соглашался на не поджаренный, но с углями вариант.

Немного послушав, как поют жаримые яйца, выхватил кувшин, и вытащил приготовленную пищу на какой-то большой растительный лист, аналог лопуха.

Яичница у меня получилась «блеск». Сверху она осталась откровенно сырой, а снизу хорошо поджаренной, вплоть до подгорелого состояния.

Зато все-таки я поучил яичницу! Не мало не стесняясь, я брал куски яичницы, даже практически рвал, когда она имела прочную основу от прикосновения к излишне горячему дну кувшина. Очень не хватало хотя бы немного соли и хлеба. Но я уже прочно убедил себя, что Робинзону на безлюдном острове и так хорошо. От голода я точно не умру!

Собственно, соли, не поваренной, но морской можно было достать. На берегу соленого моря, наверняка, нашлась бы пригоршня — другая соли. С камня наскреб бы. Но было откровенно лень. Ведь безлюдье плохо, но, с другой стороны, как хорошо, что больше никого не было! Ни под кого не подстраивайся, никакие просьбы, а тем более требования.

Захотел — сделал, не захотел — не сделал. И все, финита ля комедия! И не лезьте ко мне со своими дурацкими приказами, я ничего не вижу, ничего не слышу!

Пообедав и убрав оставшиеся яйца в тень от палящего солнца и от вездесущих глаз каких-либо хищников, немного отдохнул невдалеке от костра, пристроив на голову такой же большой лист растения.

Полежал немного, даже подремал слегка. А потом все же встал, озабоченный жизнью Робинзона. Безлюдный остров и ты почти без припасов и всяких орудий и оружия это не тот случай, чтобы почивать на лаврах небольшой победы. Пусть даже я смог резко омолодиться, но пока, как сам понимал, у меня есть очень даже действенный шанс сыграть в ящик. Или даже не в ящик, а просто сгнуть на песке. А уже потом звери и птицы растащат кости по всему острову, бр-р! Хоронить-то некому!

Встал, энергично растер лицо за неимением под рукой пресной воды. Итак, будем считать, что я сумел благополучно выжить на своей Точке Ноль — необитаемом острове где-то... ой, давай уж, в конце концов, честно. Пока ты не можешь сказать, куда тебя злодейка судьба забросила. Ни по географическим градусам долготы-широты, ни по хронологическим минутам-секундам конкретной эпохи.

Вначале я предполагал, что это мифический остров в Камском водохранилище в современности. Потом смело предположил, что где-то в Тихом океане при чем в веке XVI–XVII. Но с таким же вероятным исходом я могу предполагать, что я нахожусь в эльфийском мире... кстати, а почему эльфийском? Орском, гномьем, людоедском. Или, на крайнем случае, на планете Альфа Центавра в мире разумных птиц.

Конечно, все видимые признаки пока говорят, что вроде бы я остался на старушке Земле. Только не верю я своей судьбе, как и любой представительнице прекрасного пола. Если уж погнала она меня по Точкам нулевого поля X, то уж наверняка по всем колдобинам и рытвинам...

Я оценивающе посмотрел на умеренно где-то на экваторе яркое солнце желтого цвета. Вроде бы свое, обычное. Традиционная звезда типа желтый карлик. Планета опять же, как мне сообщают мои чувства, традиционная. Гравитационная составляющая, яркость, цвет, воздух, боже упаси, не выходят за привычные параметры. Даже представители флоры и фауны типично земные и именно в XXI веке.

Да уж. Кстати, посмотрел вверх. Где там технологические ниши человечества? Космические спутники, ну это ночью. Самолеты? Дроны? Прочие летающие устройства? А ведь точно!

Может, здесь уже который час болтается надо мной дрон. Мне надо лишь махнуть рукою, — дескать, я вас увидел, выходите, — и ТВ реалити-шоу будет завершено. Ух ты! и я попаду домой, а там меня будут ждать, очень хочется, Гризли и Снежок. И настоящий хлеб! И курица в магазине, которую запечет в электропечке брат Костя!

Покрутил головой, ища эту новомодную модель цивилизационного прогресса. Увы, то ли команда была дана не прекращать, то ли губу я чрезмерно закрутил в своих мечтах, но дронов не было. Как впрочем, и самолетов. Знакомая картина — безлюдный остров, я и вчерашние зрители — вездесущие чайки, неподвижные моллюски и прочие представители местных флоры и фауны.

Предусмотрительно посмотрел на все 360 градусов небосвода от зенита до земной тверди. Пусто, что б тебе! губозакатывательный аппарат надо будет тоже купить. Или сделать. Или найти. Ну вы меня поняли, хлопцы?

Забрал в руку песок у под ног, посмотрел на него оценивающе и окончательно сдался. Обычный песок с разными вкраплениями в виде ракушек, гравия и мелких растений. Вопрос, куда меня забросала судьба — индейка, отложим опять же до вечера, как я уже решил. Пока совершенно точно — безлюдный остров в теплом океане.

Теперь, как всегда, актуальный вопрос с пищей. Ибо, куда бы меня судьба не забросила, а кушать хочется всегда. Решено — я на море. Не важно в данном случае какое, главное, теплое! Слава богу, на Карское море я не заброшен!

А раз на море, то должен питаться рыбопродуктами, прежде всего, рыбой. Рыбачим, дружище?

Итак, днем рыбалка, ночью рассмотрение и анализ звезд. Что еще? да, надо строить жильё. Пусть хоть лачуга, пусть хоть на соплях, но со стенами и с крышей. И, наверное, с очагом.

Но это опять же позже. А пока рыболовля! Посмотрим, побродим по берегу, учтем наиболее удобные рыболовные места.

И половим... я представил грядущую рыбалку и заметно приуныл. Помечтали о дороге да забыли про ухабы. Ловить-то мне нечем! Струмента нет, — говорили еще деды, — а без струмента какая рыбалка, ...мать!

Чем можно?

— Сеть ставить? Где я тебе, мой друг, ее поставлю и где достану? А можно...

— Ловушку типа морды из ивы, — я оживился, — ивы здесь нет, но есть похожее растение с такой же гибкой лозой. Я, правда, делал морду давным-давно и из проволоки. А из ивы у меня как-то не получалось. Но ничего, жрать захочешь и не так сделаешь. Останавливало меня другое. Морда с самого начала в век когда-то прошлой давности делалась конструктивно для мелкой речной рыбы. Даже чуть крупнее типа взрослые окуни и голавли или отказывались ловиться или устраивали настоящий погром.

А тут море и морская рыба. Не говоря о том, что прозрачность воды гораздо высокая. В общем, посмотрим.

— Острога, то есть в данном случае самодельное копьё. Вот это уже наш размерчик! Не знаю, как я буду ловить, знакомый с подобной рыбалкой только теоретический, но сделать копьё должен. Ведь копьё нужно не только для рыбалки, — я уже накануне об этом размышлял, — без государства, без малейшей цивилизации, я должен иметь хотя бы примитивное оружие типа копья. А то нападет какой-нибудь дикий зверь и что я?

Или, скажем даже не пираты, хотя в моей Точке Ноль возможно и это. А хотя бы и

хулиганы? Где я тут достану полисмена?

А так, доброе слово, конечно, хорошо, но доброе слово подкрепленное копьем, звучит как-то убедительнее. В оригинале вообще звучит слово с пистолетом, но пистолет я точно не сделаю, что я Токарев или Макаров? А вот копые смогу. За качество не ручаюсь, но единица холодного оружия у меня точно будет. Лады?

Взял довольно острый, но конструктивно слабый нож, отыскал березовое деревце приблизительной толщины, срезал его после некоторого сопения, удалил ветки. Какой-то час и у меня появилась грубая основа под копые.

Чтобы ставить из него само копые, нужно, прежде всего, получить хорошую боевую часть данного оружия — острие. Испокон веков, во всяком случае, в эпоху металлургии, для боевого оружия для этого ковали наконечники. Медные, бронзовые, железные, стальные.

Увы, у меня, хотя бы сегодня, был еще примитивный каменный век. Сделать металлический наконечник я не смогу, как ни желаю. Давайте смотреть правде в глаза, я — С.Л. Логинов, — прежде всего, трепач — лектор, а не мастер — металлург. Вот от этого и будем исходить.

На сегодняшний день, я, как не старался, мог сделать только деревянное острие. Зато достаточно заостренное и хорошо обожженное. Даже без каменного наконечника. Потрогал его, поцокал языком. Затупится ведь скоро. Да и острота деревянного наконечника относительная. Но за неимением гербовой будем писать на обычной. Авось рыба не стала бронированной?

Оставалось только проверить на практике. Пошел на берег. Была солнечная погода, дул умеренный ветер, море не торопясь, накатывало волны на берег. Не за что, просто из положения.

Копые как раз для рыбалки таким неопытным рыбакам из числа Робинзонов, как я. Вообще-то я привык к рыбалке с удочкой, поэтому шел с таким инструментом, как копые, с некоторой опаской. Ведь, если ты идешь на рыбу с копьем, то и эта добыча с чем-то на тебя пройдет?

И ничего, что в воде нет медведей и волков. Зато есть акулы и большие скаты. И вопрос, какой из них смертельно опасней.

Конечно, разумом я понимал, что взрослый мужчина пропадет в море с очень большой возможностью. Но чувства с легкостью перебарывал логику и трезвую рассудительность.

Тем более, море был куда больше, чем небольшая речушка. Там воды были по щиколотку, здесь, на морских просторах, даже с краю везде по шею и дальше. То и дело сам на корм отправишься с этой рыбалкой!

В общем, в душе я довольно-таки робел. До дрожи в пальцах хоть на руках, хоть на ногах. Но, несмотря на это, решительно отправился за добычей. Подумать только, сегодня вечером я буду есть настоящую рыбу в волнительном количестве! И даже, если постараюсь, мясо морских животных! Все это будет моим, если постараюсь именно я!

Географически, правда, рыбалка ограничивалась максимум десятью метрами в глубину моря, да и то если не было ям и колдобин. И все, постоянно оглядывался на кромку прибоя, там, где вода постоянно боролась с земной твердью. И как-то на фоне этого противостояния, человек, в данном случае я, выглядел весьма жалко и беспомощно. Какой царь природы, какой творец технической цивилизации! Червяк, не больше!

Но все равно пролез, даже обувь снял, расхрабрившись. Хотя понимал, что не только какой-нибудь панцирный и иглобрюхий, маленькая галька может в любой момент печально

окончить мою рыбалку. А что делать, вся одежда и обувь на острове оказалась исключительно в единственном количестве, и в случае выхода из строя образовывалась солидная брешь.

Подумав так, я решительно снял не только обувь, но и почти всю одежду. Нечего стыдиться! Еще в начале предыдущего XX века, после Октябрьской революции, голые люди смело (а, может, бесстыдно) ходили по многолюдным городам с узенькими полосками с надписью «Долой стыд!». и полоски были

а ты тут на безлюдном острове боишься оголится? Тьфу, да твои дряблые прелести никому не нужны!

Я остановился и своей беспощадной самокритике, напомнив, что уже не старик, а почти опытный мужчина тридцати с небольшим хвостиком. Хотя прелести свои продавать не намерен — не женщина. Но тем не менее.

В общем, на рыбалке я был «одет» в два листка — на голову и на прикрытии мужских сокровищ. Листки были не фиговые, а приличного размера, державших па только на силе притяжения, но и за счет растительных веревочек, если так можно выразится. Проще говоря за стебли паразитирующих растений. Достаточно крепких, но легких.

Надеяться на защиту листков было неблагоприятно, но, по крайней мере, от любопытных взглядов и от палящего солнца точно будет защищать. Единственно, что меня беспокоило в этой, так сказать, одежде, даже не голая задница. В конце концов, может С.Л. Логинов, российский кандидат исторических наук, ходить в безлюдной местности при соответствующих условиях?

Гораздо больше меня беспокоило остальной тело, тоже ничем не прикрытое. Ой сгоришь, Сергей Леонидович до белых косточек! Местное светило давало такого жару, одежда аж дымилась. А уж интеллигентная моя шкура обгорит на раз, два и, может три.

Новый день — новые заботы

С этим и пошел. На теле два лопуха — листка, на плече и груди заплетенная буквально сегодня сумка из дикого льна (или нет?), но плетется растение замечательно даже в моих не очень-то опытных руках. Сделал у костра на сегодняшнее утро. Подумал, не получится, даже упоминать не буду. Ан нет, не плохо вышло. А то ведь плохонький пакет и пластиковая корзина — не та база, на которой можно модернизировать самостоятельную счастливую жизнь.

В руке самодельное же копьё. Не баское, но в меру острое. В принципе, его надо было назвать просто — деревянный, кое-как обструганный ножом кол. В далекой небольшой деревне, в отдаленном участке огорода, где и хозяин бывает редко, а разные уважаемые и неуважаемые гости никогда, самое ему место. А тут аж статус копьё. Не жирно будет?

Но с другой стороны, как-то это будет называться — пошел на рыбалку с колом. Глушить, что ли? Копьё еще ладно, от копьё до остроги два шага. И пусть физически это будет та же заостренная палка, но хотя бы для себя называется прилично.

Подпрыгнул мысленно, сделал круговое движение копьём. Хмыкнул. Какой я вчерашний интеллигент Сергей Леонидович Логинов? Голодный дикарь из людоедского племени Мумба-юмба к вашим услугам. И вас бы съел, если бы дотянулся (шутка). Я еще не такой голодный, чтобы на всех бросаться.

Ну ладно рассуждать. Ткнул копьём в воду относительно большую — в две ладони — рыбу. Так началась моя знаменательная рыбалка. Разумеется, рыба легко ускользнула и даже далеко не уплыла. Любопытная, что ли такая? Или, может, ждет подношения? Вот ведь наглая женщина! Хм, может и дождетя.

А вот работать с копьём надо помягче, плавно вводить в воду. Иначе я всех хозяев напугаю. Они же на дне все смотрят в самую нужную сторону — в данном случае вверх. И если я буду виден плохо из-за специфики воды и зрения водяных жителей, то появившееся копьё мгновенно напугает всех. Пусть они даже и не знают, что это. Но, наверняка, чувствуют, что опасно.

Я взял копьё за заднюю часть копьё и постарался перемещать его медленно и как можно плавнее.

Стайка рыб величиной чуть больше моей ладони насторожилась, но осталась. Я же замер, не двигая ни копьём, ни телом. С высоты моего, пусть и неопытного тела, было видно, что к этим водным овцам подкрадывается местный волк. Тоже, яшень пень, рыба, но побольше размером, — наверно, в пять. С такой плотоядной мордой, что я только порадовался, что я много больше.

Пока я отвлекал рыб — жертв, этот волк выбрал выгодную позицию, определил первоочередную добычу и, не затягивая надолго, атаковал.

Молодец! Неужели понимал, что его временный союзник — сухопутное существо, огромное для него, но уж слишком несуразное для море, — слишком нетерпеливое и ждать не может.

«Овцы» в панике разбежались, при чем некоторые прямо в меня, чуть ли не на копьё. Оставалось только сделать четкий рывок и рыба уже трепыхается на копьё.

По правде говоря, добыча была слишком небольшой для такой «остроги». но не очень. Я

поспешил перетащить его в сумку, из которой он точно не сможет удрать. Добыча, очевидно, думала также и немного пошевелившись в ткани, замерла. Жертва от природы, станешь очередной ступенькой в биологической лестнице, пройдя путь от рта до прямой кишки.

Между прочим, — рассуждал я, — великое дело человеческое принуждение. Сегодня мы со своим неизвестным другом убили две рыбки. «Фу!» — сказали бы гуманисты и обругали бы нас кровожадными захватчиками, разбойниками и грабителями природы. А потом, между прочим, отравили бы все море.

Итог — мы съели две рыбки и оставили всех остальных. Люди же уничтожили не только всех рыб, но и всю обстановку со всем живым. Гуманисты клятые!

Рыбки — и овцы и волки мне остались неведомыми — удрали. Я получил приз — рыбу в двести грамм примерно. Первое же ощущение было — маловато будет. Посмотрел, оцениваяще потрогал. Подумал, что точно мало. Со своим-то 70 кг весом да двести, пусть триста грамм рыбы? Да ни за что, даже с черепашьими яйцами? Фига ли!

Пошел еще дальше, осторожно затрагивая древком все подозрительные места. Рыбы и прочих животных, в принципе, было много. Будь я с рыболовным устройством, хотя бы даже с крючком, остальное можно сделать на месте, я бы половил массу еды. Диетической, кстати!

Но увь, в прозрачной морской воде виделось все очень хорошо и все морские аборигены удирали, повинувшись инстинкту самосохранения, и я, как дурак, бродил со своим копьем. Защититься-то я мог бы, да кто на меня нападет?

Удалось поймать и положить в сумку только осьминога. Тот решил, что его умение маскироваться лучше всех похвал и поплатился. Копье — сумка — костер!

И какого-то морского рака (не знаю биологический ли это вид, но тип весьма скользкий). Понимаю лишь, что не сухопутный, непосредственно водный. В отличие от осьминога рак был не столь самонадеян и попытался сразу удрать. И в воде он бегал куда лучше, чем на суше, но все же оказался медлителен. Поэтому я, не колеблясь, пустил в ход свое копье-кол. Страшное для ракообразных оружие, разумеется, в него не попало, но порядком сумело оглушить потенциальную жертву. Пока он собирал в кучу мозги (хоть что-то у него есть?) я коршуном (орлом-рыболовом) бросился на поле боя и цепко схватил добычу, бросив ее в сумку.

И все, ребята! Пусть там он шуршит, скребется, сочиняя очередной мемуар проигравшего. Дескать, я уже почти победил, но нечестивый враг сумел сделать некрасиво и недостойно и вот он в этой темнице!

Посмотрел взглядом победителя и вдруг увидел на воде большой плавник. То есть плавник это, наверное, кого-то из морских хищников. Акулы!

Что он здесь делает? Тоже охотится, но уже на меня. Вот же ж, вкусное будет мясо 70 кг-ой туши кандидата наук!

Подумал так с отчаяния и тут же постучал по голове. Мягко, не сильно, но прочувственно. Это ж надо так нечаянно подумать. Вот нападут акулы какие-нибудь, что я с ними буду делать? Без лодки, без огнестрельного оружия, в воде по пояс. Да они в момент меня сожрут, даже следов не останется! Тьфу!

Я не трус, но я боюсь! На всякий случай стремительно вышел на берег. Ну их, этих морских кровопийцев. Тут же на берегу все хорошо, Живи сладко, дыши полной грудью, из хищников одни муравьи, да и то не всюду. Жаль, продукты можно доставать только из моря, а то век бы близко к нему не подходил!

Нет, надо в первую очередь найти/сделать какое-нибудь устройство, удаленное и безопасное, но более-менее эффективное типа удочки. А что? копьё/острогу я не хочу, ружье/лук не могу. Да и как это, стрелять в воде? Удочка будет самый раз.

Решено! Другие проблемы — строительство лачуги, переселение с побережья в тихий лес плавно перейдут на следующие дни. Вопрос продовольствия все равно останется самым важным. Более того, он стал еще с важной отметкой безопасный. Вот ведь, как оно. И не возразишь. Своя рубашка ближе к телу!

Вернулся на свою временную стоянку. Активизировал костер, дремлющий под спудом золы и пепла. Для этого его пришлось вначале завалить сухими водорослями и мхом. А потом, дождавшись, когда пламя с дымом будет прорываться сквозь этот пласт, дополнительно закидать хворостом.

Пока костер добивался чистого и жаркого пламени, быстренько сбегал на давний лесной родник с кувшином за пресной водой. За одним попил и вымыл саму емкость.

На ужин у меня впервые было сразу три блюда! На первое — уха из рыбы и различных морепродуктов, на второе — шашлык из осьминога и десерт из болтушки черепаших яиц. Рецепт блюд, конечно, не из ресторанных распорядков, зато все оно будет мое и будет положено в мой желудок!

Подумать только, еще недавно я имел на ужин только сырые моллюски непонятно какого вида. А сейчас хочешь первое, а не хочешь второе. Еще бы чай из хотя бы той же малины. Или хотя бы из листьев смородины, она же у нас всюду есть!

Вот что милый, — отмечтавшись, дал я себе задание, — после ужина организуешь недолгую прогулку — на долгую уже времени не хватит, — и посмотришь, что есть на лесном берегу. Ты уже смотрел там обстановку, но, главным образом, в виде древесины и на очень коротком отрезке территории. Теперь же надо искать человеческие находки, даже сковородки или миски, самые простые, из жести и чугуна, будет очень мне полезно. А уж если оружие и, может даже, магические артефакты, то это будет. Плюс смородина и малина.

Ведь с такого времени, когда я оказался в эпицентре Точки Ноль, я вижу много чего чудодейственного — перенос не просто меня, а с приличным куском обстановки. И не просто по Земле, а по Вселенной и даже по параллельной Вселенной. И кажется не только по географическому пространству, но и по хронологическому, судя по обнаруженным находкам.

Так почему еще не оказаться в другом мире, я об этом уже говорил, но спекулятивно, без доказательств. Но сама догадка осталась и снова постучалась в мое сознание. И, кстати, не просто параллельный мир, а магический параллельный мир? Как говорится, если уж пить водку, так стаканами!

Помотал головой, осторожно потрогал кувшин. Моя универсальная емкость опять вышла за свои технологические рамки, превратившись в миску, да еще на открытом очаге. По моему, я не удивлюсь, если завтра буду жарить в ней блины. М-да. Если еще найду муку. И какое-то масло.

Стенки емкости меж тем стали огненно-горячими, а вода даже навскидку начала закипать. Пора было ее превращать в уху. Для этого положил в кувшин рыбу и рака (оба не чищенные) и часть почищенного и порезанного осьминога. Все с практического подхода мужчины — лентяя. Рыба и рак, в принципе, это такие рыбопродукты, которые можно и не чистить, главное не разварить. Если в бульон попадет содержимое их животов, то вкус его лишь значительно станет хуже. Но не радикально, чтобы возникло желание вылить

содержимое кувшина на землю.

Вообще, практика такого рецепта достаточно популярна и называется «уха по-чувашки». Интеллеку по-женски, разумеется, будет кудахтать и громко вякать. Но на острове я один и поэтому лишь безучастно смотрел, как вышеназванные участники ухи быстро варятся. Собственно, чем это блюдо отличается в лучшую сторону, так это быстротой приготовления. Закипевшая вода в миг превращает рыбу и рыбопродукты в готовые изделия, а само себя — в рыбный бульон. Больше возишься с картофелем, ныне отсутствующим.

Пока уха доходила до консистенции, я в быстром темпе начал жарить шашлык из осьминога. Кошмарный, я вам скажу, продукт. Но на безлюдном острове, да с хорошим аппбтитом, все пройдет в направлении живота.

Вечернее солнце было еще относительно высоко над горизонтом, когда повар (это я) решил, что ужин готов и пригласил постояльца (это тоже я) к условному столу.

Стола, собственно, как такового, не было. Две корабельные доски имитировали общий вид мебели, то ли стул, то ли стул, то ли пол. Зато посуда множилась. Из бересты, вспомнив некие теоретические знания, я попытался соорудить из нее практические поделки, создав чашки и кружки. Эстетически вид ее был не очень, но жидкость новоявленные чаши держали, пока я торопился переложить ее в желудок. А больше, честно говоря, от них и не требовалось. Это от золотой или, по крайней мере, фарфоровой посуды требуется красота, шик и блеск. А от берестяной-то зачем? Тем более, на заселенном острове.

Сделал я и несколько ложек, больше похожих на деревянные пластины с небольшим углублением в рабочей части. Суп с помощью таких ложек кушать было довольно трудно, но хотя бы облизывать можно. Та же передача бульона из чашки в желудок. Только темп пониже. А уж гуща передается с обычной скоростью!

Ел, так сказать, кидал, что было съестного в желудок. Процедура в обычной жизни довольно скучная и даже надоедливая. Ведь каждый день ешь (иной раз жрешь) по 3 раза по медицинской традиции и сколько хочешь по своему желанию.

На острове же, когда съесть можешь только то, что добыл, да еще термически переработал, данная процедура опять стала приятной и волнительной. Я даже, по традиционному обычаю, посолил уху, попробовав для вкуса. Нашел-таки, поскреб на камне у линии прибоа. Три-четыре горсти, в совокупности грамм сто. На месяц хватит, а дальше, очень надеюсь, и не нужно!

Вкушал уху, заедая рыбой и рыбопродуктами. Так увлекся, что пропустил светлое время дня, оказавшись в темное время ночи. В те сумеречные минуты суток, которое у нас называется вечер, а здесь никак не называется по причине отсутствия оно, успел соорудить лежку. Опять трава — сухая и зеленая, ветки — тонкие и не очень. Опасливо посмотрел на небо — не польет ли? С моей точки зрения, не обязательной, впрочем, для всех, господь наш небесный Иисус Христос, чем дальше, тем больше превращался в женскую особь с соответствующими характерными признаками — капризами, нелогичностью, несоответствиями. Мало ли что день был солнечным, значит, ночь станет дождливой. А у меня до сих пор крыши не было над головой!

Но нет, вопреки моим опасениям, небо было щедро расцвечено звездами, что обозначало отсутствие туч с водой сверху. Повозился у костра, накидал на него хворост, а сверху толстых коряг. Практика предыдущего времени показывала, что до утра лежать в дремотном сне ему хватит.

Ну и ладненько. Рухнул, на так сказать, ложе, посмотрел на небо. Наука или, хотя бы,

отдельные рифмоплеты от ее имени, говорит, что человек — существо разумное — отличается от всяких прочих неразумных, как раз тем, что может оторваться от скучной действительности и посмотреть на звездное небо. Животное якобы не могут. С этой точки зрения, моя кошка Гризли животная или человек? Ведь на небо она нередко смотрит и даже комментирует, мяукая. Слава богу, никто ее не понимает.

Честно говоря, сам я, видимо, существо не очень разумное, поскольку за последнее время, пока оказался на этом острове вверх ни разу не посмотрел. Просто гадал, где я и еще, кто я?

И вот теперь глянул. Мама дорогая! Звезд оказался не только много, но они еще и незнакомые! Или, хотя бы, они сгруппировались в совершенно незнакомые группы!

Честно говоря, я был уверен, что и звезды в этом небе совсем не знакомые. Но тут меня можно подловить, астроном я был слабенький. Но вот звездные скопления совершенно другие, это точно. И проблема не в том, что я оказался из северного полушария в южное. У меня такое впечатление, что я вообще оказался не в своей галактике!

Полежал еще немного, успокоил сердце. Подумал вдруг беспшабашно — на Земле я уже свою жизнь прожил. И теперь судьба (бог) повелел мне прожить еще одну жизнь в параллельной реальности? Фига ли мне визжать и плакаться о старушке планете! Аля — улю, я буду здесь самым могущественным магом! Или сильным воином! Или, по крайней мере, самым любвеобильным любовником! В прошлой жизни я еще был привереда-привередой. А сейчас, красотки всех стран, объединяйтесь!

Откуда-то издали на небе, раздался гром, смягченный расстоянием. Что это? Гроза в звездном небе или добрый смешок небожителя? И то и другое вполне возможно, а мне что думать прикажете?

По-видимому, мои грозные собеседники поняли и помогли. Откуда-то из небес, прямо в лоб упала большая холодная капля. Эффект был, как от немалого ведра ледяной воды. Я аж подпрыгнул лежа и выругался. Вот ведь женщины с низким социальным порогом, что творят! А если бы разрыв сердце? Инфаркт оно же? Или, что еще веселей, инфаркт прямой кишки?

Шутка шутками, а как пойдет дождь? Бежать-то мне больше некуда, только в море, где, как известно, хищники акулы!

Полежал в ожидании. Если побежит дождь, то только к костру. С одной стороны, буду отмокать дождем, с другой стороны, сохнуть костром. Судьба путешественника!

Конечно, лучше бы дождя не было совсем, но тут уж как получится. Три коварные особы женского пола объективно доминируют над мужчинами объективно и ты всегда будешь под ними — судьба, природа и любимая женщина. И не надо плакаться или ругаться, а стойко проходить сквозь их трудности!

Пока я грозил себе грядущими проблемами и требовал от себя быть мужественным мужчиной, прошло изрядно времени. дождь все не начинался и я потихоньку перестал нервничать. А потом провалился в мирный здоровый сон.

Пробудил меня, как всегда, утренний холод. Вот ведь зараза прилипчивая! Утренний секс я бы еще как-то оценил позитивно, а холод вызвал только нецензурные ругательства дрожащими челюстями.

Пришлось опять молодым козленком, которому надоели кусачие блохи, прыгать по побережью. На этот раз согрелся.

Между делом навалил на мирно дремлющий костер охапку полусырой травы. Трава

может быть и полусухая, все равно она чуть не задушила костер. Кое-как отпинал ее, разворошил. Огонь оживился, понял, что от него хотят. И хотя трава еще сопротивлялась, отбивая густыми, но едкими клубами дыма, я понял, что пламя побеждает. Добавил собранных вчера веток, мучаясь гимнастическими упражнениями от холода, добавил довольно куцую охапку хвороста.

Костер в кои-то времена оценил мои старания, жарко разгорелся. И я, усевшись рядом и поставив логическую точку в виде полусухой коряги, мог ненадолго посидеть, погреться.

Впрочем, поднявшееся наконец над горизонтом солнце уже нагрело окрестности. Заметно потеплело и я уже не так прилипчиво приставал к костру, как молодой муж к своей избраннице.

Подумал над своим напряженным на сегодняшний день план. Похлебал холодной ущицы с остатками рыбы. Эх, полцарства за кусочек хлеба! В таком случае на острове не надо будет надрываться.

Как бы не так! Заботы здесь роились, как мухи над, скажем так, медом. Или над полусгнившей рыбой.

Первым делом надо будет провести, ха-ха, развлекательную прогулку по побережью. Провести пусть и поверхностный, но по всей линии побережья, марш-бросок. А потом посмотрим по результатам похода. Но во всяком случае, недавняя ночь была последней, когда я спал без крыши на побережье. И утренний холод и моя чуйка опасности (можете назвать ее еще паранойей) требовали уезжать, или даже убежать в небольшую, но добротно построенную избушку. И пусть добротно ставится в большие кавычки, зато на ней будет настоящая крыша и стены из досок.

Признаюсь честно — от морозов моя пока условная лачуга не защищала. Но я их и не чувствовал, эти морозы. Зато она спасала от дождей и вездесущей влажности, и это был несомненный плюс. И утренний холод бы не потревожил.

Слопал еще пару — тройку яиц — не в качестве завтрака, а как будущий обед. Конечно, брать пропитание в сумку было более лучшим выходом, но от нее так противно пало рыбой (лентяй, мог бы и вчера хотя бы прополоскать). И потом сырые яйца даже с кожистой скорлупой несравненный кандидат в разбитие. И что тогда будешь кушать, дорогой Робинзон?

И пошел. Примерное (и условное) время было где-то около восьми. То есть несколько часов до обеденной сиесты у меня было. А потом, хочешь не хочешь, но приходилось прятаться от знойного солнца.

Начал от того места, где накануне завершил поиск древесины. И, невзирая на стороны света, побрел вдоль побережья. Здесь одна сторона света и, как не старайся, не заблудишься — островок небольшой.

Первые метры были легкие — те же пески. Затем появились камни и чем дальше, тем больше. Периодически они создавали настоящие небольшие бухты, довольно глубокие. Я оставил себе в душе заметку — как только появится рыболовные снасти, сюда надо будет обязательно сходить порыбачить. Здесь наверняка много рыбы, спасающейся от хищников. Пусть она будет мелкой, но для меня в самый раз. Если проберусь, разумеется.

Одновременно оглядывался на морские просторы. Исторические, мгм, источники Жюль Верна и Даниеля Дефо, как одни, так и другие, доказывали, что у острова героя (в данном случае это я) обязательно есть еще прочие, временами целый архипелаг. И там будут в изобилии природные богатства, разбитые корабли с оружием и инструментами. А если

повезет, то и некоторые продовольственные запасы.

А что бы главный герой не сомневался и обязательно обращал на них внимание, авторы ненароком поселял их пиратами, бандитами и прочими второстепенными персонажами типа грубых матросов и надоедливых туземцев (последние, как правило, были прекрасного пола).

Я вздохнул и довольно тоскливо, хотя и тщательно осматривал водные дали. Увы, но меня, кажется, все бросили, кроме морских тварей. И даже крохотные островки площадью пару ярдов, не искушали мои взоры.

Камни в различной конфедерации и размерах проходили немногим менее сотни метров берега. Для моего довольно крохотного острова это было уже много. А потом пошли длинные песчаные доли.

Для моих целей это было плохо — песок легко засасывал корабли в сотни тонн, а уж мелкие, но ценные предметы типа ружей или топоров поглощали в любом количестве и объеме.

Загадки разбитого корабля

Однако, по воле судьбоносного случая, именно здесь, в одной из каменных бухт, был найден грандиозный объект, мой несравненный клад героя в виде полузатопленного и довольно разбитого морского корабля — небольшого по размерам судна типа парусной шхуны. Примерно, естественно, я же не профессиональный моряк и даже не любитель. Так, прочитал однажды и теперь вот вывалил. Тем более, ни паруса, ни даже мачты уже не было, я как бы их подразумевал. Ведь не внутренний же двигатель видеть здесь!

Но даже в этом относительно маленьком кораблике при благосклонности судьбы можно было что-то найти ценное или, хотя бы, полезное. В этом я «убедился», сразу же напоровшись на покойника. То, чего я так опасался, настоятельно сунулось мне. Не в руки, конечно, бр-р, то хотя бы на глаза.

Мало того, что это был мертвец, дурно пахнувший противно выглядящий, так он еще и оказался прямо на пути! Точнее, на узком трапе корабля, никак не пройдешь, не обойдешь. Если только пролетишь, да ведь не умею, крыльев нет, сколько не проси.

Сначала хотел просто свалить в воду ногой, пусть там допревает в воде на радость морских аборигенов, но жадность с зеленым отзвуком меня остановила. Даже на первый о был богат. А для бедного отшельника с острова даже неимоверно. Все брать побрезгую, но вот, например, его оружие и куртку взять обязан.

Мертвец был все равно неприятен, хоть и пах не сильно и не упирался в глаза, если не смотреть прямо в него. Я бы и не смотрел и совсем к нему не подошел, если бы не один заманчивый артефакт на поясе. Хороший такой кинжал, хоть оружие, хоть орудие труда. К моему ножичку как раз в комплект пойдет на острове! И еще одежда.

Немного наклонился, стараясь смотреть строго на цел и быстренько вытащил кинжал в ножнах. По большому счету надо было взять пояс, но мне так сильно претило, прямо-таки физически тошнило.

Перешагнул через незнакомца на корабль, потом решительно вернулся, уже смело взял пояс, кожаную куртку. И сбросил труп в воду. Мертвому уже все равно, а мне так комфортнее. И так я его чувствую даже сквозь пласт воды. Надо бы, кстати, взять на ней нечто вроде портупей.

Плевать, найду нечто вроде веревки, хоть на корабле, хоть сплету из дикого льна, кем бы он не был. Пошмонал еще, стараясь не подходить к мертвецу, нашел настоящую острогу, — по сухопутному говоря, копьё с тремя остриями. Еще какую-то хламиду явно растительного происхождения, не новую и не свежую. Ладно, не привередничай, альтернативы все равно нет.

Больше на палубе ничего не было. Не удивительно. Я, кстати, ошибся, судно оказалось не средневековой шхуной, парусной в своей основе, а где-то совсем древней галерой, даже не средних веков, а эпохи античности. Разумеется, там корабли назывались по-другому. Не знаю, не специалист. Но корабль этот явно в своей основе весельный с прямым вспомогательным парусом.

Это ж куда я попал, милостивые государи? Во времена античности? Фига се! Не надо! Не хочу, не буду и не верю!

Зная за собой такую слабость — умение делать выводы из минимума фактов и

проводить мнимую лжереальность к как бы действительности я стремительно... остановился. В науке есть такое понятие — спекулятивность. Это когда ученый из реальности производит сказку. И ты не торопись в былинники, успеешь еще. Набирай твердые факты!

Где люди из экипажа? Чувствуется, вольные были гребцы или, скорее, рабы, но их уже смыло, живыми или мертвыми. Остались только два ряда весел с оковами на них, почему я оказался так был убежден, что тут точно были не вольные гребцы.

И никого, ни команды, ни гребцов, ни надсмотрщиков, ни рабов. Какая-то ужасная загадка в этом. Если куда делась команда, можно еще пенять — утонула, была смыта гигантскими волнами. Но как, каким образом исчезли закованные рабы, уже были совершенно непонятно. Такая образовалась картина, что некие подневольные люди сумели избавиться от оков, а потом побыстрее попрыгали за борт.

Бр-р! Ну, ты и писатель, уборных дверей маратель. Послать бы вас, писатели... Вот-вот и меня тоже. Решительно еще раз обвел взглядом палубу. Живых, как и мертвых по-прежнему не было, материальных ценностей тоже. Ищем дальше!

Спустился во внутренности, каковые были разделены на грузовой трюм побольше и несколько кают поменьше. При чем не в люк, а в пробоину. Любое желание уплыть с острова мгновенно исчезло. Как говорится, любой обычный человек может полететь, но исключительно верху вниз, и, как правило, с летальным исходом. В таком состоянии судно может уплыть только в одном направлении — на дно. Оно тебе надо? Рыбу я люблю, но не до такой степени, чтобы кормить ее своими бранными останками.

После этого пошел дальше. Как я и думал, предназначение корабля было универсальным — чего-то торгуем, что наиболее выгодно и, судя по количеству вооруженных людей, при возможности грабим.

Честно говоря, последний вывод был больше сделан из теоретических знаний по зарубежной истории, чем из различных прямых свидетельств о деятельности команды корабля. Но два факта — рабы, а, значит, необходимость постоянного пополнения их числа и изрядное количество запасного оружия — уже четко свидетельствовали в пользу этого вывода. И, вообще, как бы наши современники XXI века не облагораживали античное время, но профессиональные историки вам твердо скажут, что это, прежде всего, рабовладельческий период в развитии человечества и вся цивилизация зиждилась на подневольном и тяжелом труде зависимых людей. А уже потом умные философы и прекрасные скульпторы.

А так, для меня корабль был манной небесной. Из имущества местного кузнеца я сумел собрать походную кузницу. Частично она, конечно, была сугубо стационарной, то есть абсолютно несъемной, но горн, наковальня, молоты, клещи и некоторые кузнечные инструменты, немного металла и угля я отсюда взял и несколькими рейдами вытащил на берег, поближе к месту так сказать жительства. И теперь уверенно смотрел на свое островное будущее. Нынешняя цивилизация, как бы не надували щеки любители пластика, базируется на черном металле. И он у меня есть! Крючки и клинки, наконечники боевого оружия и орудий труда я мог ковать по своим потребностям. Разумеется, я не преувеличивал свои качества кузнеца, но коли есть орудия труда, то есть и их производные.

Уж поверьте на слово профессиональному историку. Не буду гарантировать качество изделий, но нужное количество произведу, безусловно. Переживу!

Кроме этого, я сумел получить небольшие запасы продовольствия: крупы, зерно,

сушенное мясо и рыба, немного овощей и фруктов, вино и масло. С продуктами не все было хорошо — крупы, в их число, несомненно, входило и зерно, было излишне грубым и примитивным, вино — кислым, масло — протухшим. Но ведь были! А качество...

Сначала я сделал скидку из-за рабов, которых кормили и мало, и плохо. Потом сообразил, что ведь это далекая античность. Кормежка здесь будет натуральной, безусловно, но грубой и излишне простой. Терпи! Искусственные добавки и утонченность остались в XXI веке.

Впрочем, Робинсонам и этого хватит! Немного заплесневелой муки с мелкими червями, уж совершенно несъедобной, я спустил за борт, а остальное перетащил к своей походной кузне. Даже не менее заплесневелые сухари и противное масло. А уж валеные виноград и персики я ел уже при переноске грузов. Живем!

Из прочего мне достались еще одежда в небольшом количестве, условно чистая, то есть ее носили, но немного, початая штука растительной ткани, немного ниток, иголок, даже портняжные ножницы в очень грубом исполнении.

Из посуды мне досталось в наследство небольшой котел, где готовили еду явно для избранных, сковородка, треножник, чтобы можно было ставить на костер вышеперечисленные, несколько чашек, кружек, ложек. Все из непонятного металла, но не из железа или из стали. Может, из олова? Бог с ним, главное, есть. Можно варить — жарить, не пытаюсь извращаться с кувшином.

Конечно, холодное оружие. Помимо кинжала и остроги, достались еще три меча и две сабли. Два топора, причем один рабочий, но острый и даже арбалет с колчаном стрел. Все для рядовых воинов, сделано примитивно и грубо. Но, по-моему, не в моем положении требовать рыцарские мечи или булавы?

Арбалет же вернул меня в догадки о хронологическом периоде. Куда я попал? По-моему, во времена Греции и Рима были только луки. А арбалеты оказались лишь в средневековье. Или я что-то путаю?

Вытащил это все из корабля на ближайший берег и поспешил вернуться с частью имущества «домой», на место, где я жег костер и ночевал несколько ночей. Потом поразмыслил над своей идеей отселиться в лес, вспомнил ужасного мертвеца непонятного биологического вида и начал перемещаться прямо сейчас. А что ее тянуть? Зато уже к обеду я могу готовить настоящую пищу из настоящей посуды!

Провел пару-тройку рейдов с грузами, посмотрел на оставшийся объем, и откровенно приуныл. А что я так рвусь в лес? Здесь, конечно, опасно, зато можно получить много морской добычи и не только. И обзор хороший. Решено. Настоящий ведь джентльмен хозяин своему слову. Хочет — дает его, хочет — берет обратно. Захотел пойти в лес — пошел, не захотел — не пошел. Подумал так и вернул груз.

Затем попытался собрать рыболовную снасть и поймать рыбу. Ее ведь здесь изрядно и она совсем не пугана! Мне много не надо, если поймаю даже пару каких-либо рыб по одному килограмму, уже замечательно. Два килограмма белковой пищи!

Выбрал новое «постоянное» местожительство, очень хорошее. Неподалеку небольшая, пусть и веселая речка вырыла приличную бухту. Здесь будет очень хорошо жить — тепло, безветренно, хороший обзор моря, рядом вода — речка и дрова — березовая роща, подходящая сюда одним концом. И выплывавший по морю стройматериал совсем неподалеку. Ух!

Перетаскал все законноизбранное имущество на влюбленное место. За одним туда же

переехали на моем хребте имеющиеся доски и даже полусырые (полусухие?) дрова из числа «утопленников» с побережья. Все пойдет. Не в костер, так на лачугу.

Последние, кстати, заставили меня остановиться на мысль о каком-то своем странном поведении. Оставил почти целый корабль с на две-трети целой обшивки. При чем не просто оставил, ушел с намерением никогда не возвращаться. Про себя я подумал, что ведь не от страха. Заподозрить пожилого человека... нет, уже почти тридцатилетнего бойца (!) в мистическом страхе может только настоящая женщина. Красивая, сексуально привлекательная, но капризная и дурная по жизни.

Что же меня отвратило от корабля, какой-то негатив... отвращение, нежелание быть там? При этом, как-то явно ощущалось, что чувства эти навязывались мне внешне, а организм (душа) как бы даже сопротивлялись.

Мысль, пришедшая не из головы, из живота, сначала показалась дикой — технологический человек XXI века скорее поверит в инопланетную тарелку, чем в домашний летающий ковер. Но потом неприятие прошло. У меня ведь уже давно, практически с самого неожиданного катаклизма подспудно держалась мысль — а не затащила ли меня Точка Ноль в магический мир? Или хотя бы на границу к нему?

Вариант настолько же сюрреалистический, насколько реалистический. В наш век, когда ученые всерьез думают о машине времени и предполагают о параллельных мирах с разными, в том числе магическими, параметрами, мое невольное путешествие предполагается всего лишь как конкретный пример одной из реальности Вселенной. А корабль со странным мертвецом и отвращающим не званых гостей... Ибо просто чувство отвращения к чужому кораблю вызывает непонятный шок. Слишком много почти необъясняемых фактов и явлений. А вот понимание, что на тебя влияют технически ли, магически ли, отторжения не вызывает. По крайней мере, для читающих и знающих.

Отсюда промежуточный вывод — на корабле я испытал чуждое влияние на эмоции. И влияние это магическое или технически-магическое.

Доказательства? Прямых нет, потому и промежуточный вывод. Но другие отсутствуют и я даже не знаю в каком направлении искать.

Отдельным рейдом был поход на старое место за огнем. При чем сам костер я специально не потушил. Конечно, с точки зрения противопожарных мероприятий тихий ужас. Зато я перестраховался на случай, если не удастся разжечь пламя в лесу.

Кувшин, наконец-то, исполнил предназначенную ему функцию. Я именно в нем принес почти половину емкости горящих углей. А в сумку на всякий случай положил бересту и сухой мох. Вдруг пламя совершенно погаснет и на последних его жарких вздохах мне удастся реанимировать.

А в песчаной бухте мною уже изготовлено большое кострище. В лесу умеренной полосы костер поджигался и наполнялся совсем по-другому, чем в африканском побережье. Никаких сухих водорослей и былых коряг, надоевших мне до икоты на берегу! Сначала дедовская береста с соседних берез. Сколько раз я тут проходил, с сожалением оглядывая богатый «древесный сарай». Ведь перерастут березы зазря древесную молодость, молча сгниют, отдавшись на милость различных червячков, жучков и прочих древесных вредителей.

Вот только не надо и меня ставить в общий строй лесных грабителей! Бересту я сдирал осторожно, стараясь не повреждать каналов, по которым проистекали соки. От моих действий деревья не высохали. Вообще, у всех так называемых защитников природы, т. н.

экологов с Запада, есть одна некая слабость. Не обладая соответствующей базой знаний (либо система западного образования была плохой, либо сами реципиенты не поднажали), они работали на основе собственных представлений и чувств, куда как не совпадающих с реальным положением обстановки.

Особенно меня и умаляли и откровенно злили западных концепции так называемых женщин. Так называемых, поскольку на Западе женское имя прикрывало или вчерашних мужиков, или мужеподобных девушек.

Нет, конечно, каждый ходит с ума по своему, но при всем при этом, попрошу в нашу чащобу таких сумасшедших не пускать! Своих хватает.

К бересте подложил сухой хвой высохшей елочки. Красная, как огонь, так и говорит — не трогай, я огонь. Воспламенится, как порох! А отсюда уже тоненьких сухих веточек и веток больших елей, измазанных смолой. и все, костер будет стойко гореть, знай, добавляй дровец.

Но для этого надо было принести огня, что я откровенно почему-то побаивался. Не разумом, там все было логично и добротнo. И даже не душой, слабосильным копчиком. Что ему тут было надо?

Однако, перенес долгожданные угли. А то, что по пути нечаянно шлепнулся в лесу и почти обжегся о кувшин, так ведь почти. Зато угли продолжали тлеть и были готовы в любой момент вспыхнуть, нашлась бы хорошая растопка.

Поставил кувшин, постоял немного на доброе дело по русскому обычаю. Что же, дождь не собирается идти внезапно, как татарин. Ветер не хулиганит, не ветродуиствует. Чего стоим, кого ждем?

Осторожно положил в кострище на растопку несколько углей. Те были уже ослаблены, подвержены серым цветом. Но, чтобы оживить, бересты хватит. Ха, и чего я так много приволок углей?

Чуть подождал, пока береста загорится первым, еще тревожным огнем, подвесил над ней на ветке красную сухую хвою. Той много не требовалось, в миг стала трещать, требовать и ее участия в костре. Подложил ее на бересту, опять подождал, пока разгорится. Костер от такой щедрой подачи поперхнулся, густо задымил. Но справился, весело заалел пламенем. Добавил веточек уже не боясь затушить огонь. Потом положил веток потолще, постарше.

Уже пристроил треногу из чугуна или местного незнакомого сплава. Цивилизация, однако! Не надо стараться пристраивать прямо в костер металлическую емкость под суп или кашу. Швырнул на треногу и ждешь, пока закипит.

Впрочем, кипятка я ждать не стал, пока ингредиенты еще размякнут, вода десять раз пустит пузыри. Сначала кинул сушеное мясо. С размаху вытащил чуть ли не половину, два изрядных куска. Ишь ты, а потом как? Под это тревожной мысли один кусок положил обратно, второй поменьше разделил, один положил обратно, второй, наконец, положил в воду.

Посмотрел, как он весело бултыхается, добавил крупу. Ее можно было не жалеть, в корабле было достаточно. а то сохранишь до плесени. Не Плюшкин же!

Теперь положим веток и можно подождать. Заодно более тщательно и не торопясь осмотреть кухонные запасы с корабля. Там я осмотрел наиболее важные, а остальные просто сгреб в одну большую тряпку. Было некогда, зато сейчас времени хоть сколько!

Я подозревал и даже видел кое-что и поэтому не стал оттягивать. Вдруг и в сегодняшнюю похлебку можно положить? Облагородить так сказать.

Отложил соль, ну это я уже видел. У меня и своей хватило. Как никак самый ценный для человека минерал. Правда, у меня соль была неочищенная морская, да еще и грязная, а тут каменная, специально подобранная для пищи. И, о радость, помимо щепотки соли в растительной тряпочке, мне досталась еще четвертьведерная деревянная емкость соли. Специально туда положили от сырости и влажного воздуха. Ведь она особенно от них портится. Вот и положили для сохранения и для меня.

Тряпочка по-соседству оказалась наполнена смесью перцев и прочих пряностей. Ой, как я обрадовался этой находке. Ведь только на днях горевал по поводу специального раствора для шашлыка. Во всем процессе приготовления шашлыка это наиболее тонкая и важная часть. А как ты сделаешь раствор без специй? Не волшебник еще.

Даже засвистел от веселого настроения нечто бравурное и хомяческое, типа «О дайте, дайте мне свободу и большой кусок мяса».

После этого громоздкий сухарь со следами масла и соуса уже не так сильно впечатлил. То ли от того, что я его видел и заранее предполагал, то ли эмоции сдулись. Впрочем, судя потому, что кусок животного масла в пергаменте меня тоже не обрадовал, налицо было эмоциональное истощение. Или, опять же, масло оказалось бараньим, вонючим было, с моей точки зрения, даже когда оно оказалось свежим. А сейчас масло стало не только вонючим, но и приторно-старым. Бр-р.

Ладно, в любом случае, у меня появилось около нескольких десятков килограмм пищи. И хотя сущенное мясо и совершенно необработанное зерно никак было не сравнить, но на ближайшие дни я от голода не умру!

Попробовал похлебку, пришел к выводу, что крупы условно готовы, а, значит, похлебка сварилась. Мясо все равно буду варится еще раз. Жирный стал бульон и достаточно.

Аккуратно налил из миски в чашку, пожалев, что в корабле не было поварешки. Хотя, возможно, для античности такая посуда еще и не существовала?

А-а, мне уже все равно! Положил в чашку с похлебкой часть сухаря. Все-таки давно я не ел горячее первое! М-м! пусть это лишь похлебка, то есть по мне, суп со всем, что есть. Но ведь горячий, жирный, с солью и немножко перцем! И даже с хлебом, хоть и с условным.

И стол был очень своеобразным — притащенный пенёк от спиленного в прошлом году кем-то дерева. Как таковой, столом он был идеальным — ровная плоскость с приличной поверхностью, куда спокойно ставилась чашка, ложка и немного хлеба в виде сухари. И ничего, что последний быстро переключался в чашку. Натюрморт уже состоялся.

В эту бочку с медом, однако, попадала большая ложка с дегтем. Поставить ноги во время обеда было некуда. Я уж и под себя подворачивал, ив левую — правую сторону вытягивал. Все равно к окончанию трапезы ноги у меня жаловались на боль и неприличное притеснение.

И пусть. Немножко полежал, отдыхая от сытной сегодня пищи и от жаркого в полдень солнца. И поторопился, перечисляя в голове текущие заботы:

Во-первых, надо прямо сейчас создать рыболовную снасть, типа удочку. Все комплектующие есть. Или хотя бы суррогаты, но ведь есть. А отсюда,

Во-вторых, сходить на рыбалку и поймать хотя бы пару небольших рыбок. А в оптимуме — сделать рыболовство эффективным ремеслом. Чем еще заниматься на безлюдном острове в бескрайнем морском просторе.

Ну, и в-третьих, просто для напоминания себе же, потом построить лачугу. Пусть из досок, но с надежной и прочной крышей.

Успеешь? Конечно, нет! Ведь что интересно. когда работал заведующим кафедрой, крутился так, аж подметки рвались на ходу. Теперь пенсионер, правда, омолодевший, на безлюдном острове, а все одно, ничего не успеваю. Может, это я такой дурной и надо просто меньше работать? Ха, а чего тогда есть? Или многие так живут и работают, но не нянькают, потому как и не знают другой жизни. И только гнилой интеллигент типа меня мусорит атмосферу отчаянными воплями?

Плюнул, немного обозленный на себя и отправился решать первую задачу. Мы будем строить крупную стройку социализма, скажем, э-э-э, БАМ, условно и одну прекрасную удочку. В рамках СССР примеры несопоставимы, то в рамках жизни отдаленного отшельника даже очень.

Удочка обычная, простая состоит из двух многосоставных частей — удилища и непосредственно снасти. С удилищем проще. Берешь прут — сухой и длинный, но прочный. Если нечего делать и хочешь повыделываться — делаешь многосоставными с различными прибабахами типа катушки. Не хочешь, — значит, и так сойдет. Потому как с точки зрения многофункциональной, то есть ловли рыбы, это никак не сказывается.

А вот со снастью намучался. Ибо даже самая простая и примитивная предполагает весьма сложное устройство с многими разнообразными деталями. Имея, как и большинство цивилизованных мужчин, опыт создания удочек, прежде всего, начал с крючка. Ибо это без него и снасть не снасть, особенно на безлюдном острове.

В нормальной стране как решают эту проблему? Идут в магазин и покупают крючок сообразно поставленным задач. Тут государства нет, а. может и самого человечества, спаси господи. Есть только я и моя кузня. А кузнец из меня еще тот. Хоть чего скую. А может и ничего.

Впервые в жизни зажег горн. Кое-как и как попало. Не говоря уже о времени самого процесса. Хорошо хоть само изделия имело возможность допуска в размерах и объеме. Но и тогда в примитивном варианте это была изогнутая проволока, заостренная дополнительно. Рыбу ловить с его помощью тоже было можно, хотя и уже с определенной трудностью.

А большего, как показал кузнечный молот и примитивные клещи, я еще не мог. Ковал, старался, несколько раз слегка обжегся и чуть не покалечился, но крючок был безобразным. Пожалуй, впервые я порадовался одиночеству на острове. А то ведь не то что приобрели, даром бы не взяли.

Ну, ничего, лиха беда начало. Один крючок, очень не функциональный, но ведь есть! А раз имеется возможность критиковать, то это, помимо прочего, еще и подтверждает наличие какой-то материальной базы.

Успокоив себя этим, кое-как закалил в речке только что выкованный крючок. За одно хоть немного облегчил страдания обожженных рук. И переключился к последующей проблеме — леске.

В современной цивилизации XXI века априори подразумевается, что леска капроновая. Островная жизнь, однако, радикально подкорректировала понимание материальной культуры. Здешняя леска представляет собой кое-как переплетенные нитки, до этого извлеченные из веревки растительного происхождения (какой конкретно так и не понял). Оба процесса, естественно, были проведены мною. Но если расплести трехметровую веревку с помощью терпения и такой-то матери я сумел быстро. То обратное действие — плетение лески из примерно несколько ниток заняло оставшуюся часть дня. Почему такая нечеткость? Да потому что не баба я! Извините, не представительница прекрасного пола. И практику

плетения хоть человеческих кос, хоть якорных веревок не имею! Тем более лески.

Окончательный вариант товарного образца лески выглядел безобразно. Но прочность ее оказалась до статочной — я, как ни старался, порвать леску не сумел, а потому постановил работу считать оконченной. А себя — условно реабилитированным.

Вот и все мои планы. Светлая часть дня закончилась, и только костер пламенем освещал меня и мои пессимистичные думы. За что бы я не брался, пусть даже элементарное и простое, не успеваю. Что за черт!

При свете костра выстругал примитивную деревянную лопату, вырыл новое ложе — старое осталось вместе с кострищем на побережье, устлал его еловыми лапами, сверху охапками травы, сколько хватило сил. И, напоследок, подкормив напоследок костер, рухнул на ложе.

А вот и гости, хвостатые и без оных

Не знаю уж, что там в природе стряслось, облака ли на небе оказались чрезмерно теплые, или костер, накормленный толстыми сосновыми корягами, делился теплом до самого утра, только привычный мой повседневный будильник — безжалостный утренний холод — сегодня совсем не сработал. Я безмятежным сном младенца проспал все довольно долгое утро и проснулся только при медленном прожаривании жарким дневным солнцем моей тушки.

Проснулся очумевшим и проваренным, наполненным вялыми матюгами, даже для себя неинтересными. Тело — вареное, голова — тупая. Окунулся в пресной чуть прохладной воде речки немного подальше от моря, чтобы морская соленая не поднялась. Река была неподалеку, так что усилий это не потребовало. Невольно посмотрел на мельтешащую рыбу, обычную, пресноводную. Видимо море подвинуло их от ставшим соленным устье, а тут на всех жратвы не хватает, ишь как заинтересовано толкаются рядом, мол, человек, не дашь чего-нибудь поесть, ты же царь природы, обо всех должен побеспокоиться.

Ага, побеспокоюсь. Надо здесь обязательно поставить ловушки типа морды из ивы или нечто подобного. Хоть пара рыбных обедов будет и то замечательно. После этого, помечтав об ароматной ухе, мне как-то мясной суп с сушеным супом стал совершенно не комильфо.

Вот ведь гад такой (это я о себе)! Буржуин несчастный из псевдодемократического королевства пиндосов! Давно ли радовался полусгоревшему, полусырому подошве из резины, случайно называвшимся мясом моллюсков. Ну скажите мне, пожалуйста, какое мясо может быть у моллюсков, природное извращение, типа как у людей колбасы из сои, или раньше кофе из пережженного овса. Ни вкуса, ни удовольствия и чувствуешь себя дурак дураком.

А теперь вот и мясо не хочешь есть. Настоящее мясо из настоящего земного животного. И даже, судя по всему, ни собака, ни кошка, ни даже крыса. Просто несвежее сушеное мясо с «очаровательными» послевкусиями... Вы когда-нибудь ели почти несоленое, кое-как просушенное мясо, хранившееся долгое время в не стиранном мешке в морском влажном воздухе? Смею вас уверить, калории в нем остаются. А вкус, м-да, ром надо пить побольше во время еды. Я все удивлялся (Сергей Леонидович, если вы забыли) сердитости этого спиртного напитка. Советский тройной одеколон по сравнению с ним — божественная амброзия. Зато, оказывается, после этого на ура идет похлебка из сушеного мяса. И даже мясо из моллюсков в качестве противоположности не надо. Тем более, его хватает лишь на один обед (ужин), а рома нет, эх!

Пробурчав, озадачился — охота или рыбалка, мясо или рыба? Эх, где вымяукающие пушистики, горячие любители жителей подводных куц. Рыбы то есть, если не понятно. Уж они-то силой бы, лаской бы, направили меня ловить рыбу. Никогда не видел таких страстных любителей рыб, как мои кошачьи, что б монголы им будут хозяевами в небесной жизни, ха-ха.

Так, где у меня лежит корабельное оружие, и не могу ли прихватизировать на охоту? Сабли все три штуки сразу побоку, меч — тоже, как и боевые топоры. А вот рабочий топор можно придержать, но не на собственно сегодняшнюю охоту, а на работу с окружающим деревом. Дрова знаете, опять же строительство дома. Как там без топора кормилица?

О, нашел! Арбалет, точнее, видимо, самострел. Так мне кажется, хотя я сам не большой

знаток. Но пустить его с ограниченными возможностями, особенно таким «умельцем», как я, можно.

Наверное. Попробуем, если стрела у меня пойдет и даже в то направление, куда я нацеливался, то я условный душегуб и меня можно пускать в охоту. Если же нет, то тренироваться все равно надо. Воин из арбалета или все же самострела, это как... как... воин без арбалета! Ну вы меня поняли, мужики?

Все-таки, не зря говорится, что глаза боятся, а руки делают. У меня, видимо, в роду был известный охотник, который оставил в генах умение пускать стрелы в мишень. Во всяком случае, уже где-то к обеду я сносно пускал стрелы и после долгого прицеливания попадал в еловую шишку в ветке. Ну хотя бы с третьей — четвертой, но ведь шишка была на земле!

Постановил учебную часть охоты считать оконченной. Кто не доучился, — посмотрел на свои руки, — будет доучиваться по ходу!

А что делать? Жара стоит, как в доменной печи, жрать хочется, как бабе на третий день диеты. Вы скажите, откуда я это знаю? Жена подсказала, она-то любые диеты проходила за свою женскую жизнь — и сухие, и водные, и яблочные, и серо-буро-малиновые.

В общем, лучше плохо охотиться, чем хорошо тренироваться. Итог в худшем случае будет одинаковый, а в лучшем случае я хоть одну птичку подобью. А то и две. Столовой-то здесь по-прежнему не существует, хочешь есть — готовь сам. Только опять из сушеного (считай, почти гнилого) мяса? Бр-р! Благодарю покорно.

Прохаживаясь по острову, как я и предполагал, местность заметно изменилась, флора, а за ней и фауна трансформировались с умеренного до экваториального. То есть, где-то существовали островки нашего леса, где-то, предположим, африканского или где растут пальмы? А где-то они причудливо перемешались и наши елки мирно росли с ихними лианами. При чем, поскольку погода здесь была все же экваториальная (морской вариант), то я бы нашим растением не завидовал. Вытеснят их из этого острова. Как пить дать!

Ну а фауна перемешались еще быстрее и клесты, как ни в чем не бывало, соседствовали с попугаям. М-да, — я не выдержал и облизнулся, глядя на стайку пернатых. В чем-то мне повезло, и не только с температурой, но и с вообще полосой проживания. На экваторе биологический вес на единицу площади куда больше. А значит мне прожить легче и совсем без моря, куда, честно говоря, меня совсем не тянуло.

К сожалению, экваториальные радости меня тянули не долго, по лесу шагов на десять, не меньше. А потом откуда-то издалека, чуть ли не из другого острова, донесся гулкий львиный рык, холодя мне кровь. Льва и смотреть-то по телевизору неприятно, а в лесу встречаться, да еще без огнестрела и даже без копья даже очень опасно. А я только с арбалетом и рабочим топором. Ужас какой! Нет, ребята, такой хоккей нам не нужен. Поединок со львом я, пожалуй, проиграю в девяти случаях из десяти. То есть, встреча с этим хищником для меня будет обязательно смертельной.

Срочную эвакуацию из леса я, однако, остановил сразу несколькими причинам — во-первых, еды дома, по-прежнему, не было, во-вторых, рык был далеким, хищник, наверняка, пообедает кем-то другим, не мной. В-третьих, на фига козе баян? Кто-то же вытащил меня сюда, неужели только для того, чтобы скормить льву. Не дороговат ли будет бифштекс кандидата наук, тем более из старого лежалого мяса?

Единственно, что я из этого сделал, так это переложил топор из-за спины на пояс из растительной веревки. Виселон там неудобно и даже опасно, с нехорошей возможностью подрезать, прежде всего, свою же тушку. Зато был в случае опасности под рукой. Ну а в

руках у меня был по-прежнему арбалет. Льва из него я, конечно, не остановлю со ста процентной (может и девяносто девятой) возможностью, зато птицу мог, а это было хорошо.

Тем более, первая же стрельба по реальной мишени показала — я умею! Три выстрела стрелами и три тушки попугаев казались у меня на поясе, заметно потеснив топор. Птицы были крупнее, чем те что летали с клестами, где-то размером с больших голубей. А, может, это и не попугай совсем, но такие же яркие и, хотелось верить, вкусные.

Мясо было достаточно и я единодушно проголосовал обоими руками, и левой и правой, и направился на выход из опасного леса. Холодильников здесь не было за тысячи километров (верст, лье, не знаю еще что) и поэтому охотиться было необходимо только в том объеме, сколько я съем, не больше.

На выходе из леса я чуть было не подстрелил кролика. Единственно, что меня остановило, это знакомый окрас — белая шкурка с черными лапками и головой. А потом этот «кролик» радостно мяукнул. Снежок, бродяга! Я приветливо раскрыл объятия, куда кот быстро нырнул. Начались веселое мяканье, ласковые поглаживания со моей стороны и облизывания с его. Снежок, видимо, очень был рад встрече, его тушка от усов-вибрис до хвоста дрожали, а мяв нередко переходил в радостный писк.

Я вначале даже не осмеливался узнать, где его мама черная кошка Гризли. Сказать он, понятно дело, не сможет, но как-то движениями или, хотя бы, мордашкой даст понять. И вдруг он покажет, что кошка мертва. Я не то, что буду весьма опечален, но грустно мне будет точно. Бедная моя черная пушинка!

И вдруг, обнимая Снежка, я увидел зеленые глаза. И только потом, вот загадка, я увидел всю черную кошку, которая прижалась к елке буквально в двух-трех метрах от меня. Ха, будь она львом или даже пантерой, меня бы точно уже доедали!

— Гризли, малышка! — не менее радостно, чем при встрече его сына, гаркнул я, — иди скорее ко мне! Дай я тебя обниму!

Меня очень даже беспокоила сдержанность кошки. Почему она так же, как Снежок, сразу не рванулась ко мне? Одичала или, не дай бог, заболела бешенством? У диких зверей это запросто и домашние животные так же легко заражаются. И тогда ее придется усыпить.

Однако Гризли после моего радостного оклика тоже окрасила мордашку торжествующим мявом. Она такая же! Просто в отличие от своего шептунного сына она правильно опасалась, что их человек из-за медленной реакции может неправильно понять и еще их убить.

И ведь правильно сделала. Я ведь едва не подстрелил его, а что это произошло, так это еще более, чем она думала, медлительная реакция. Впрочем, все это было уже в прошлом.

— Дорогие мои! — ликующе сказал я, слегка прижав их обоих к своей груди, — я поймал трех птичек. Сейчас мы пойдем к костру, обработаем их и сварим во вкусной похлебке, а потом вместе съедем!

Мои кошачьи согласились с этим своим негромким мявом. При чем Гризли то и дело настораживалась. Я-то ничего не ощущал, но ее зрение, слух и обоняние было в несколько раз лучше моих. Что уж тут сравниваться? Мне оставалось только учитывать, что реакция кошки была не резкой, видимо, хищники были не в опасной близости. Да и Снежок, слегка настораживаясь, никаких тревожных сигналов не давал.

Я все-таки поостерегся и быстренько вышел из леса. Ну его к бесу, там за каждым деревом была потенциальная опасность больших зубов и и не менее больших когтей хищных зверей, от которых я даже не то, что не мог отбиться, даже не мог почувствовать их!

После леса, на морском берегу, было гораздо легче. Здесь то и дело пролетали ветра, освежая и даже охлаждая. И психологически мне так не тревожилось, ведь я никогда не видел и просто не слышал никаких опасных экваториальных зверей. И даже на земле, в траве и в морских водорослях я не видел следов лап и когтей. Значит, их никогда здесь не было! Ура, я могу отложить опасно-острый топор!

Поискал в недавнем кострище, нашел в нем несколько алеющих углей, активировал огонь с помощью сухих водорослей и дров, поставил на треногу котелок с речной водой. Потом взялся за птиц, почистил кожу с перьями, отрезал головы, вычистил животы от всяческих внутренностей.

Гризли и Снежок спокойно глядели за моими хлопотами с костром, но когда и стал работать с птицами, забеспокоились, начали мяучить, продать ушами, шевелить хвостом и лапами, то есть делать все, чтобы я понял — они очень голодны и весьма желают покушать мяса, хотя бы даже сырого.

Я со своей стороны мог лишь им позавидовать — мне и психологически и физиологически из-за слабости ЖКТ — сырое мясо и внутренности кушать было категорически нельзя. Приходилось грустно ждать, облизываясь, пока сварится похлебка и тушки птиц в ней.

А все биологические отходы я, разумеется, отдал моим любимым кошкам. Как всегда, первым делом Снежок утащил добычу у матери. А та, тоже по обыкновению, не стала сопротивляться. Вообще, кошачьи в отличие от разумных людей, не выравнивали в правах самцов и самок. Слишком уж ни разные были у них обязанности. И во время принятия пищи, при равенстве прочего, всегда первым ел кот. Если, конечно, кошка не была голоднее. Ну это понятно.

Я, как бы между прочим, давно уже стал третьей стороной кошачьего спора в виде грозного судьи и обильного интенданта. Вот и сейчас, оставшись ни с чем, она жалобно мяукнула и сделала мне глазки. Прямо-таки несчастная барышня у разбитого корыта, но которой, в отличие от старухи есть чем завлечь кавалера.

Засмеялся про себя. Вслух нельзя, она хоть и женщина (самка) как бы неразумная, но живая и имеет различные чувства. Не дай бог обидится, потом заколеблешься извиняться. Ибо Гризли, как и все женщины, находиться на фундаментальном базисе — во всем всегда виноват твой мужчина. Ее мужчина — это я, Сергей Леонидович Логинов собственной персоной. Снежок же в ее глазах на мужчину никак не тянул, как впрочем, и в моих тоже. Тот еще малолетний шалопай.

С другой стороны, Гризли, кроме нескольких недостатков, имеет ряд достоинств, например, мгновенно забывать все обиды при виде вкусно пахнущих припасов.

— Гризли, — позвал я кошку и предложил ей замечательную голову от следующего обрабатывающего попугая. При виде такого лакомства она сразу и бесповоротно забыла все свои обиды, сказала восторженное «мяу», покачала шикарным хвостом, мол, давай, и захрустела подачкой. От меня она, впрочем, стремилась далеко не уходить, что весьма меня обеспокоило. Ладно, если это будет кровожадный и беспощадный головорез Снежок. А если смиренный лев? Он хоть и спокойный, и невозмутимый, а любит мясо и не любит очень умных. Съесть ведь меня, о-ох!

Подтащил поближе к себе топор, а потом вообще вновь прикрепил себе обратно на пояс. Ничего, что мешается, зато подойдет хищник, а я вот он, с оружием! Обработал всех птиц, положил в уже закипающую воду. Все, существенная часть супа подготовлена,

осталось только поддерживать огонь.

Так что еще нужно для похлебки? М-да, а вот дальше хуже. Как говорят наши друзья татары, картофель — ек, овощи — бар. Осталась лишь одна крупа, которая при дневном свете выглядела совсем уж непрезентабельно. Нет, зеленью она еще ни на вид, ни на запах не пошла, но ведь понятно — старая уже, затхлая, скот, пардон, рабы, не будут кушать. А тут ты получается берешь собственными руками и кладешь в котелок. Эх!

Тяжело вздохнул, но в кипящую воду все равно высыпал. А что, ты ведь не пушистик, не будешь одно вареное мясо кушать с водой, которую по этому поводу гордо называют бульоном. Зато я буду читать кошке стихи, примерно такие:

Мне казалось, что всё ещё будет.

Будут встречи под полной луной.

И прогулки под зонтиком будут,

И свиданья, свиданья с тобой.

Мне казалось, что всё ещё будет.

Жизнь длинна и печали не в счёт.

И никто, никогда не забудет,

К вам прийти, отмечать Новый год.

Мне казалось, что всё ещё будет.

Поцелуи, свиданья, мечта.

И ничто, и никто не задует,

И гореть будет вечно свеча.

Мне казалось, что всё ещё будет.

Мы с тобой на вершине горы.

И нас счастье опять не минует,

Мы вернёмся в родные сады.

М-да. Всяко не кусту посвящаю, хоть и не человеку. Живой кошке, как бы это не было смешно.

Пока я переживал не очень-то приятные чувства, подошла Гризли. И, умница, почувствовав у меня неприятные эмоции, погладила ногу пушистой головой. Потом как бы ненароком мявкнула и ненароком махнула в сторону ближайших кустов.

Если бы она была человеком мужского пола, то я бы точно подумал — кошка сигнализировала мне, «мужики, атас, бабы крадутся». Мол спиртное прячем, разговоры о приличном замнем, будем культурными мальчиками.

Но поскольку она все же кошка, то есть неразумное животное, неразумного женского пола, то есть вдвойне не человек, я выводов никаких не сделал, а уже открыто цепко посмотрел окружающую местность. Тут смущаться нечего, скромники умирают первыми и весьма тяжело и мучительно.

Пригляделся в сторону кустов первый раз, не заметил. Снисходительно погладил, нагнувшись, Гризли. Ошиблась, милая, там никого не оказалось. Но кошка раздраженно отбросила руку поглаженной спиной и сама внимательно посмотрела в том же направлении. Так обычно кошачьи смотрят на маскирующуюся добычу, типа мыши, которую надо поймать и съесть.

Ха, мои мелкие живые, но все равно настоящие не настолько разумные люди, чтобы так гнусно обманывать. Что-то здесь нечисто. Ведь если ты не можешь увидеть цель, совсем не означает, что ее там нет. Скорее всего, либо у тебя чуйка не сработала, либо органы чувств

хреновато настроены.

Я еще присмотрелся и довольно ослабился. А вот и искомая цель и весьма, кстати привлекательная. Красивая молодая брюнетка лет двадцати с неотразимым бюстом третьего размера попыталась еще как бы скрытно понаблюдать за костром и его весьма скромными обладателями, но поняла, что она обнаружена. Тогда просто встала и громко сказала:

— Вика, Виктор, я, наконец-то обнаружила людей. Мы спасены от голода и от этой опасной природы!

Вот же ж! — я едва чуть не упал от неожиданности, — а не я ее увидел и не дал неприметно пройти? Ох уж эти обалделые девки, если бы не приметные прелести, никогда бы не подошел к ним за целый километр!

Но вслух галантно заметил:

— О, какая красивая девушка обнаружилась! А с кем она так незатейливо разговаривает, не откроет ли секрет.

Моя новая знакомая проехала по склону песчаного бархана, едва не упала, хотя и держалась за ветки кустарника, чертыхнулась и уже для меня поздоровалась:

— Привет честной компании. Я — Наталья, Наташа, — а это мои близкие родственники девушка Виктория и мальчик Виктор. Мы несчастные голодные потеряшки Два дня уже маемся без горячей еды и кипяченой воды. Не покормите для начала?

Наташа подошла к костру, но встала поодаль. Так, чтобы и находится в шаговой безопасности и дать осмотреть мне. Что-то мне было неудобно. Даже двух ее знакомых, тоже девушку и подростку, то есть совсем неопасных собеседников, как-то не снижало красного уровня. Ой, как тревожно-то, колдуньи что ли? Рука само собой легла на топор.

Фигура моя в этот миг, видимо, сама представляла большую опасность или, как минимум, означала отказ от горячей еды и отдыха, и если последняя была сугубо потенциальной, то первая виделась и даже пахла очень даже приятно, по себе сужу!

— Выслушайте нас, пожалуйста, — сказала торопливо Наталья, которая было у них кем-то вроде командира или просто главаря, — идите уже! — прикрикнула она на своих спутников, которые как-то не спешили подходить к костру и продолжила с некоторой мольбой, а то и истерикой: — вы не поверите, но мы не только заблудились в этих пущах, но и неожиданно помолодели, при чем, чем старше были, тем меньше молодели. Я со своих сорока лет с копейками опустила до, как вы видите, до двадцати с небольшим, дочь Вика с двадцати восьми до примерно семнадцати, а ее сын Виктор, соответственно, мой внук, со своих подростковых шестнадцати до каких-то десяти. Вот! — Она искоса посмотрела на вставшие рядом с ней юную девушку почти девочку и совсем уж маленькую мальчишку лет так семи — восьми. Потом глянула на меня, направив взгляд с просьбой о помощи и обещанием взвешенных удовольствий.

Да уж! — я ответно просигнализировал ей откровенно мужским и, чего уж там говорить, откровенно похотливым взглядом. А что вы хотите, я теперь здоровый мужчина в расцвете сил. Гормоны играют, а тут еще эти красавицы со своими едва прикрытыми прелестями и неприкрытыми обещаниями.

Наталья и не думала смущаться, только сурово оценивающе посмотрела на меня, — мол, так и будем стоять и трепаться у костра? Догорит ведь, а суп выкипит!

Прокомментировал так ее последние взоры, я быстренько пришел а себя. Страницы меня больше не пугали, колдовство обернулось в беспомощность. Пусть садятся скореек огню, похлебка вот-вот будет готова.

Гости не заставили ждать, приземлившись на своего рода бревно — бывший брус бывшего корабля, валявшего на местном пляже невесть сколько лет.

— Уважаемые друзья, — подчеркнул я сразу же высокий для меня их статус, — в ваши приключения, невероятны по сути и откровенно завиральные на словах для обычных людей, я полностью и абсолютно до конца верю. Почему, спросите вы, — обратился я к единственному мужскому представителю среди гостей.

Тот сильно не засмутился, не покраснев мальчишеским лицом, хотя и стеснительно забурчал, не снисходя до совместного диалога.

— А потому, — не стал я больше тревожить их стойкость и мужественность, — я тоже прошел эту процедуру омоложения. Как вы видите, я как бы выгляжу крепкий мужчина около тридцати лет. А ведь в действительности я уже пенсионер по старости!

— Да вы что! — буквально обрадовалась Наталья, найдя такого же бедолагу, как она, — и как вы теперь живете?

— Я-то? — удивился сермяжный я, — да жизни радуюсь, не чувствуя гадских болезней и представляя, как я буду жить второй раз с моим-то огромным опытом и большими знаниями.

— М-м?! — соизволила поразиться она тоже, но продолжать свою мысль не стала, чему я был чрезвычайно рад.

— С вашего позволения, у меня есть много рассказов о жизни в постапокалипсисе и даже предложений, как это пережить полегче, — сказал умудренный я, и внезапно закруглился: — но, может быть, вначале поедим?

Наталья замолчала в скепсисе, но его родственники, более молодые и, видимо, голодные, приняли это предложение с восторгом. Благо мясной суп благоухал перед их голодными глазами и носами очень уж привлекательно, просто до икоты в пустых желудках.

Я «вежливо» предложил Наталье быть хозяйкой. Почему вежливо в кавычках? Да я нагло спихнул на нее все заботы по скудному хозяйству, проблемы в котором нарастали с каждой секундой. Резкий протест не возник лишь буквально в первую очередь из-за полного котелка мясной похлебки с тушками попугаев и неопределенности в будущем. Ведь я в душе прекрасно понимал этих феминисток, которые орали о своих правах только при покровительстве мужчин, а при отсутствии оных тотчас же испуганно замолкали. А сейчас в наличии существует только один представитель сильного пола, которого лучшего не дразнить — смоемся.

Пораскинув мозгами, Наталья молча приняла обязанности главхозяйки, зато потом, правда начала настырно ныть. О, как они это ноют! Благо, и объективные причины были налицо — посуды изначально было в расчете на одного человека и она оказывалась далеко не в комплекте. И еды было для четверых маловато.

Однако, я не собирался идти на поводу к синих красавиц. Пусть тарелок не хватало, но оловянных ложек было примерно по количеству людей. И мясо сварилось, а крупа была почти готова. И соль, между прочим, в нужном объеме. С остатками сухаря (каждому досталось по кусочку) ужин был оценен, как прекрасный.

Утренние споры о будущем

Поели-то мы в целом вкусно, но чувствовалось, что все ложились спать довольно голодными. Речь шла, конечно, только о людях, кошки наелись «по ватерлинию» остатками птиц, которые как бы разумные посчитали несъедобными, а как бы неразумные с удовольствием проглотили. И кого после этого считать sapiens?

В темноте и в усталости мы еще смогли разделить мою спальную зону на мужскую и женские сферы и посчитали, что этот день может закончиться. Спать!

Увы, следующий день начался как большинство остальных, то есть с кошмарного холода. А я уже не мог просто зарыться в зелень растений и кое-как продремать, дрожа и стелая. Нет, женщины (условные девушки) ласково попросили меня ХОТЯ БЫ разжечь костер, если больше ничего нет утепляющего.

По практике взаимоотношений с представителями слабого пола я знал, что ласковый тон раздраженной женщины (юной девы) очень быстро перейдет в злой. Она все равно своего добьется, а вот мужчина будет пострадавшим и хорошо, если не побитый. Да и самому, если уж честно, становилось холодно. Милые мои пушистики, тесно прижавшиеся к тела из-за давнего отсутствия или из чужаков поблизости, или, наконец, предутреннего холода, грели, как масляные радиаторы, безопасно и горячо, но согреть меня не могли.

Кряхтя, как престарелый дед (обычная еще недавняя ситуация), прошел к кострищу, проделал традиционные для этого места процедуры. Костер после некоторой заминки — было еще рано, на востоке едва-едва показывались утренние проблески и спать хотел не только бедный Я, но и огонь — все-таки разогрелся, быстренько пожрал все ему поданное, облизнулся алыми огоньками пламени, попросил еще. Подбросил мелкого сухого хвороста, подождал, пока костер вновь разойдется, подал его огневому величеству уже толстые коряги. Теперь, если они разойдутся, то пламя будет гореть не только до утра, но и до раннего дня, когда жаркое солнце начнет поджаривать и без того горелый несчастный остров.

В принципе, милые девчата (а также котята), надеюсь не обидятся, если я нарву охапку травы и додремлю остатки сна у костра, а не в спальне. А то там как-то мне казалось не по себе — две женщины на два мужчины. Бр-р, извращение какое-то.

Меня, однако, опередили. Наташа, этот гибрид женщины и девушки, точнее, пожилой и молодой женщины (пожилой по характеру, молодой по физическим параметрам), швырнула около костра охапку веток и травы, заботливо отодвинула ее от огня, удобно уселась и только потом вспомнила про вежливость:

— Ничего, что я тут устроюсь у костра?

Я ехидно отозвался, благо искать повода для сарказма искать было уже не надо:

— Конечно, ведь вы все равно уже легли. Не гнать же вас отсюда.

Ехидство мое, однако, прошло втуне. Наташа как бы ничего не поняла, грациозно легла на лежанку, заодно показала свои прелести. Минимум одежды, какой она сохранила, и только приковывал мой мужской взгляд. А одеяла укрыться у нее не было, даже если бы она хотела. Ух, эта манящая картина! Сволочь все же эта Наташа, все понимает, но продолжает слишком открыто лежать!

Откуда-то из темноты появилась еще одна женщина, только на этот раз в шубке и с хвостом — кошка Гризли. Я почувствовал себя очень популярным у прекрасной половины не

только человечества. Правда, особой пользы мне это не приносило. Одна лежала на охапке и с большим трудом смогла вспомнить, кто дома хозяин, другая — хвостатая, вспомнила, но только для того, чтобы занять мои ноги. А ведь, если кошка-мать здесь, значит, и сын-переросток тут же обретается!

Наташа, в теплоте и при мужском внимании, казалось бы, опять разоспалась, предаваясь Морфею. Но только я мысленно (только мысленно!) пролез к ней по ложбинке груди в манящую каждого мужчину область женского тела, как она открыла глаза и с удовольствием сказала:

— Как же это, оказывается, здорово, находится в прицеле манящего взгляда хотя бы одного мужчины! В первой моей молодости я и стеснялась и раздражалась от внимания представителей сильного пола. Им же от тебя надо лишь одно. А потом, с голами, постепенно понимаешь, что тебе от них тоже надо это же. Но к времени этого понимания ты уже бываешь никому не нужна.

И вот снова это благословенное время, когда ты еще весьма нужна и желанна. Ах, как приятно!

— Хм, — хмыкнул я, — но вот жеон я рядом. Дама не против?

— Ща, шнурки только поглажу! — фыркнула своевольная Наташа, — от слов до дел обычно очень большое расстояние. Помни об этом. Даже твоя кошка постоянно ищет ласку, — он помолчала, после долгой паузы добавила, — так что ищите и да найдете со временем. Я между прочем работаю хорошим модельером. Меня даже в императорский дворец приглашают!

А по русски говоришь без акцента! — даже не удивился, а просто констатировал я. Оставалась только спросить, в какой стране она живет.

— Российской империи, — удивилась в свою очередь она, — где же еще?

Логично барышня, в твоём мире Россия может быть только империей. Проблема только, в каком количестве этих параллельных миров?

Кажется, ученые астрономы, что постепенно догадываются (только так!), вселенная разделена на параллельные миры, не так уж и не правы.

— А век какой? — спросил я, почти не пытаясь догадаться. И так понятно.

— Двадцать первый! — уже начала терять терпения незнакомка Наташа, кокетливо, правда, улыбаясь.

«Что же, хозяин — барин, — подумал старый ловелас Логинов, — остановимся пока, что она красивая, но неприступная женщина и займемся другими важными делами, если дама не хочет, например, сном.»

Аккуратно снял Гризли со своих ног, положил на песок. Погладил ее по спинке, когда она недовольно открыла глаза, разбуженная. Кошка, успокоенная, заснула дальше, а у левой руки вдруг ревниво замыкал Снежок. Дескать, ты меня тоже разбудил, теперь гладь, извиняйся.

Кто бымогподумать! Конечно, погладил Снежка по его шубке, по пути сообщив ему, как он красивый и мужественный. Кот, успокоенный, лег рядом с матерью на песок, на что та рассержено зашипела, типа явился не запылится. Где шатался, сукин сын?

Тот ей что-то пытался объяснить, крутя большим хвостом и мяукая высоким голосом. Но я уже ушел. Во-первых, все равно его не понял, более того, я почти половину разговора вообще не увидел и не почувствовал. Это же люди львиную долю информации передают только вербальным способом и непонятно чем гордятся. А вот кошки «рассказывают» при

помощи мяуканья, перемещения отдельных частей тела и испускания запаха. И воспринимают это как должное. Во как!

Взял рабочий топор, нарубил веток с прибрежных кустарников, нарвал высокой травы, сгреб все это в охапку, поеживаясь от утренней совести. Наивно подумал, что у теплого костра сейчас разозосплюсь. Ага, ноги только положу! Кинутая мной охапка произвела на Наташу эффект шумного грохота, как горсть булыжников об металлический кузов грузовика. Она резко вскинулась, села, хотела что-то сказать резкое, но сдержалась, только пожаловалась:

— Вы так внезапно ушли и не предупредили, что я за вас испугалась! А одной ночью так страшно!

Начинается в колхозе утро! Я что их обязательно должен предупреждать? Ха-ха не хо-хо?

У нас здесь, между прочим, гражданское общество, — проинформировал я ее, — и каждый должен помогать другому. И вы, отказав мне в интима, сами нарушили согласие!

Сказал и даже возгордился собой. Как я ее, так им бабам! Однако, гордость моя существовала недолго, до следующих слов Наташи:

— А я вам и не отказывала, просто попросила быть со мною галантным, разве это так трудно понять?

Опять сам дурак! Я же давным — давно зарекся спорить с женщинами. Все одно ты с ним проспоришь. У меня даже Гриззли умудряется быть победителем. Нет, говорить она, слава богу, не может, но так независимо и гордо покачивает хвостом после разговора со мной, что просто хочется пнуть ей в пендель.

Но ничего мне сказать не удалось по одной причине — к костру вышли Вика с Виком, как называли они между собой Виктором, и сразу потянулись к костру греться. При этом Вика обратилась с Наташей с претензией:

— Почему она, когда ушла к огню, не позвала их с собой? Они там чуть не умерли с холода и со страху.

Вот-вот, и без микроскопа видно, кто у кого дочь, ха-ха! Впрочем, как и чья мать. Наташа с ходу, без раздумий, отмела их претензии и привела свои:

— Они де так шумно спали, читай храпели, что у нее заболела голова и она отошла буквально на пять метров. А кто им мешал присоединиться, не понятно. Сергей Леонидович никому не возбранял греться, сделав большойкостер.

В данном случае я бы полностью встал на сторону Наташи. Как-то дочь несуразно наехала на мать, будто с молодостью она потеряла большую часть разума.

Порадовал меня Вик. Дав выговорится своим родственницам, он обратился уже о мне с конструктивным вопросом:

— Дядя Сережа, а что мы будем кушать на завтрак?

Хороший вопрос, пять ему и грамоту на общешкольной парадной линейке. Жаль только ответить ему нечем. Впрочем, всегда есть возможность похохмить:

— Дорогие мои, на завтрак у нас будет неограниченная порция чистой холодной воды!

Я сказал и сразу понял, что зря я полез к этим мегерам шутить. Дошучусь, калекой сделают, лишив, например, мужского достоинства.

Вика, посмотрев на мать взглядом английской королевы, холодно спросила, как припечатала:

— А ничего более существенного нет?

— Есть, — вздохнул я, — похлебка из крупы с сушеным мячом. Все бы ничего, но крупа затхлая и частично испорченная, а мясо напоминает полусгоревшую резину, как по виду, так и вкусу. Лично я эту похлебку уже ел и больше ни за что не буду. Хотя с голодухи, наверное, один раз пройдет.

Мама и дочь переглянулись, содержание разговора глаз было нехорошим, типа, в какую дыру мы попали!

— Милостивые государыни, — предупредил я их критику, — напомню вам, то вчера вы появились у моего костра внезапно, совсем неожиданно. «И без объявления войны», — добавил я мысленно, — я вчера гостеприимно угощал вас своим ужином, которого мне с кошками должно было хватить и на завтрашнее утро. А теперь на четверых пусто, ведь сохранять напередздесь практически невозможно.

Так что предлагаю вам излишне не лаяться и не искать виновных — они то, безусловно, найдутся, но что нам это даст? Лучше запланируем на день завтрашний забот по ловле и копчению рыбы и зверей, гораздо эффективнее будет.

— А вы не попытались выбраться отсюда? — жалобно спросила Наташа. По-видимому за прошлые дни скитаний у них почему-то не терялась надежда найти людей и тем самым без проблем спастись.

Людей они нашли. С сожалением, в одном количестве — меня. И проблем это практически не решило.

— Куда? — тоном взрослого дяди, разговаривающего с неразумными младенцами, спросил умный и логичный Я.

— Послушайте, — вмешалась в разговор Вика. Она явно нервничала, но мысли выдвинула на первый взгляд логичную: — построим или, в крайнем случае, найдем мало-мальский кораблик и куда-нибудь поплывем. Земля ведь круглая, все равно куда-то приплывем?

Ну Вика, ну красавица, став юной практически девчонкой, с натяжкой девушкой, она получила юные прелести, но совершенно разучилась трезво мыслить. Ели вообще думать.

Даже сын ее Вик, маленький мальчонка, совсем еще учащийся самостоятельно жить — что ходить, что ложкой орудовать за обеденным столом, у нас условным — и тот поразился:

— Мама, так же нельзя! А если мы окажемся в море месяц, а то и два, что будем есть? Голодовать или меня под нож? Уж лучше на острове остаться, тут хоть мизерный шанс есть выжить.

Воодушевленный мужской поддержкой Вика — а он хоть маленький и в прошлой жизни, до острова, и в настоящей, после «модификации» источником, а все одно логично думать не перестал — я уже более настойчиво проводил свою линию:

— Милые дамы всех возрастов, давайте мыслить реально: корабля у нас нет, ни строить его, ни ремонтировать мы не можем.

— Ремонтировать? — теперь уже Наталья насторожилась, — у вас есть конкретный корабль?

— Есть, — кивнул я, — хотел на него сегодня вас сводить за оставшимися вещами и припасами. Но это довольно большая парусная шхуна, при чем или тяжелые паруса или тридцать гребцов. Вы умеете им управлять? Я — нет! Никогда не плавал даже на речном катерке, а уж тем более на парусном корабле.

Гости мои, точнее женщины, смутились. Видимо, и инициатор дочь Вика, и пассивно ее поддерживающая мать Наташа ставили главным матросом меня. Ох, мать моя женщина, а не

послать ли вас, дорогие прелестницы куда подальше, желательно через лес с тропическими хищниками?

— Я, кстати, посмотрел в один из ночей, будучи еще один — мы на острове, скорее всего, в Тихом океане. Тут в любую сторону тысячи километров, хоть на Запад, хоть на Юг, — подчеркнул, резюмируя, — плыть на полуразрушенном корабле, с не обученной так сказать командой, без припасов, не известно куда и не известно как могут только сумасшедшие или женщины.

— Что, да как вы смеете?! — дружно в два голоса возмутилась женская часть общества, явно обозлясь на меня. Я почувствовал, что, пожалуй, перегнул палку. Бить меня, конечно, они не будут, просто не смогут, но и любой интим, даже легкие поцелуйчики в щечку мне не видать, как своих ушей. Ведь зеркал здесь нет!

Сразу немедленно притих, обязательно извинился: — дорогие дамы, мне нет прощения, я хам и бестолков, готов понести любое наказание, — и, после драматической паузы, сказал, как в ледяную воду прыгнул: — бейте, можно даже палками, я не буду сопротивляться!

Наталя и Виктория переглянулись, слава богу, не зло. Но, по моему, бить они меня все-таки собирались. Только одна женщина имела другое мнение, которое и озвучила, зарывчав. Гризли словно предупреждала: — прежде чем нападете на моего хозяина, будете иметь дело со мной.

Домашняя кошка, какая бы она не была злой, вызывает у людей только умиление. Вот если бы она оказалась в несколько раз больше, а так! Я подхватил Гризли на руки, прижал к своей груди, признался:

— Ах ты моя красавица! Моя пушистая прелесть! Одна только ты и меня любишь и меня защищаешь!

Гризли на мои слова заурчала, мяукнула, стала бодаться головой в лицо. Потом строго посмотрела прямо в глаза своими зелеными гляделками:

— Мол, если будут обижаться, сразу походи, не стесняйся. Я их в клочья разорву, когтями исцарапаю!

Дамы мои, как и полагалось, заулыбались, смягчились, несмотря на угрозы. А вот их старшие сородичи их сильно напугали. В ответ на рычание Гризли с некоторым промедлением из леса, но уже довольно близко послышался утробный рев льва. Затем послышались чьи-то вопли-всхлипы.

Женщины мои (наши) сразу забыли про обиды и мелочные злобы, переметнулись за меня и за Вика. Ха, ну за меня-то ладно. Я взял лежащий рядом рабочий топор, вооружаясь. По крайней мере, один тяжелый, а то смертельный удар я точно нанесу. Но Вик-то как сможет защитить, предложитъестьсвою тушку первой? Дескать, пока меня будут кушать, можете бежать?

— Наташа, — попросил я бывшую мать, слишком прижавшуюся к моей спине сладострастной любому мужчине крепкой грудью, — по морскому побережью львы не ходят. Я точно не видел несколько дней ни самих хищников, ни их следов.

— Вот видите, — Вика бесцеремонно влезла в наш разговор дрожащим голосом, подав довод против, — на корабле львов не будет. Только акулы, но они в море, а не в каютах.

— И последнее, — как ни в чем не бывало продолжать я аргументировать свою позицию, — касаясь куда плыть, надо иметь в виду опасность не только безбрежный океан, но и огромные параллельные миры.

— Что ты имеешь в виду, милый? — ласково, но в то же время обеспокоено спросила

Наташа. Она продолжала прижиматься ко мне и уже не из-за львов. Она словно показывала всем, в первую очередь дочери Виктории, что с сего момента это ее мужчина и нечего тут смотреть на чужую собственность!

И я понимал, что это реальность. Между ними, девочками, могут быть такие кровавые бойни за мужчин, что даже близкие родственные связи не будут учитываться. Как говорится, мама не горюй. Тем более, это уже пожилая и зрелая женщины, а не видимые глазом пигалицы.

Но сам по-прежнему заговорил только о добром, милом и теоретическом. Ну вас бабы! Между двумя дерущимися женщинами встанешь, как правило, от обоих попадешь, не физически, так хотя бы злыми словами.

Словно ничего не понимая, заговорил, обращаясь ко всем сразу:

— То, девочки-мальчики, что мы все биологически люди, это безусловно и не стоит здесь спорить и рвать волосы, стремясь доказать доказуемое. Но, — повернулся я к мое желанной любушке, между делом уже вцепившейся мне в волосы, — в социальной сфере мы, как минимум, не одинаковые, — посмотрел на удивленную моську Наташи, пояснил: — и проблема здесь не только в разных социальных слоях, в конце концов общество у нас довольно однородное. Мы, милые мои, из разных параллельных миров.

— Мгм, — мягко не согласилась со мной Наташа. По лицу было видно, что она лихорадочно думает не только о зримых доводах в споре со мной, но и смотрит на новую космологическую картину, неожиданно вдруг усложнившуюся.

— Ерунда! — более безапелляционно и доказательно провозгласила его дочь Вика. И только мальчик Вик промолчал, а лишь вытаращил глаза.

— Например, мы все живем в России, вы не против этого? — спросил их милых, но таких бестолковых спорщиков, готовых ругаться по любому доводу, даже, что небо у нас над головой, а Земля под ногами, — но у вас Россия императорская, а у меня республиканская, — объявил я торжествующе.

Ха, женщины не были бы женщинами, если бы не пытались оспорить объективную реальность субъективными доводами.

— Может, у вас республикой называется империя, — тут же озвучила догадку Вика. Доказательство было обалденное, ее мама Наташа даже не обратила на эти слова никакого внимания. Видно было, что она просто стесняется ее интеллектуального уровня. Впрочем, сама Вика вскоре заметно скисла и принялась думать. Работа прекрасным полом страшно не любимая, но очень нужная, особенно в такие моменты. Обычно женщины предпочитают придумывать несуществующие, то есть сказочные картины, а не анализировать действующие реальности. Но с мужчинами это не проходит, особенно с не подчиненными и приходится ломать свои мозги.

Женщины напряженно думали, ая собирал и понемногу подбрасывал дрова, одновременно на всякий случай оглядывая окрестности. Всяк продуктивно молчал. Стояла предугренимая тишина, прерывая лишь трелями птиц, ревом и рычанием хищников. Я на эти звуки привычно не обращал внимания, даже на львов. Подумаешь, и не такие автомобили топтали, хе-хе. Повернул голову только на треск валежника в костре, станет тихо — сигнал для меня подбрасывать очередную порцию дров.

А вот гости мои то и дело вздрагивали, пугаясь и старались находится около меня. В этом, кстати, они соревновались с моими кошачьими. При чем кошки то дело рычали и ворчали, особенно Грizzly. Снежок же, как галантный кавалер, оставаясь около меня,

стремился подпускать и женщин.

— М-да! — наконец сказала Наташа как итог долгих размышлений, — наука не только не против параллельных миров, они даже уже смогли наладить с ними. По-видимому, мы попали в странную хронологическую диффузию, своего рода перекресток миров. И надо держаться ухо остро. Ладно бы, если хотя бы попадем в мир Сергея, а вдруг в фашистскую Россию или даже мусульманский халифат, ученые не отрицают даже такую модель общества. Вот счастья-то будет, быть четвертой женой любимого мужа. А то и побыть плененной наложницей, которую каждый день будут насиловать.

Вика! — требовательно обратилась мама к дочери, — мы остаемся. И не спорь, это лучший вариант!

Хм, то ли в этой параллели были такие семейные отношения и младшие обязательно подчинялись старшим, то ли в этой конкретной семье мать заграбастала все права, но Вика не стала спорить, хотя было явно, что с ней она не согласилась. Я, как чужак с чужой параллели, вникать в детали не стал. Будет интим хорошо, не будет тоже не плохо, но в эту семейную диктатуру я точно не полезу.

— Сергей! — уже другим тоном, в котором чего только не было — и обещание подчиниться, и доброта и ласка, и даже сексуальные утехы! — как ты планируешь сегодняшний день?

— М-гм, — прокашлялся я, — первым делом надо набрать еду на завтрак. Ведь на голодный желудок жизнь кажется весьма плохой. Я предлагаю идти к воде. Там мы точно найдем что пожевать, на крайняк, пойдут даже моллюски и водоросли.

Последние я произнес довольно со скепсисом, что, как не старался, прозвучало в голосе. Ну не актер я, а водоросли мне точно неизвестны. Пусть этой морской травой я ни разу не травился, но и пользы никакой не получал.

— Поедим! — поддержала меня Наташа, хотя и со вздохом. Я с интересом посмотрел на нее, требуя продолжения. Она только для меня объяснила: — мы эти дни только водорослями и питались. С голода не умерли, но оптимизма от нее не добавилась. А так, у нас есть специалист по выживанию, да, Вик?

— Сейчас уже теоретически, — вздохнул мальчик, сказал мне: — я входил в организацию скаутов и мы с парням в том числе ходили в походы по выживанию, без специально взятой пищи, без оружия и орудий труда проходили по пятьсот — шестьсот километров. Я столько растений съедобных знаю, правда, только умеренной полосы, испособы, как ловить птичек, зверей и рыб ловушками.

— И то хорошо, — порадовался я за него, — я, страшно сказать, за долгую жизнь меньше узнал. Потом сварим, пожарим, отправимся в экспедицию на кораблю, я там точно не все взял, а ближе к вечеру женщины будут готовить ужин, а мужчины пойдут на охоту. ОК?

Последний пункт у наших феминисток не вызвал большой радости. Опасаясь, что опять начнется бесполезный спор на тему: «Что делать?» и «Кто виноват?». Два эти вопросы обычно идет парой, а у женщин, кроме того, добавляется и проблемой «Чем бить?», я быстренько прибавил: а прямо сейчас я предлагаю немножко покушать.

— Мяу! — согласились со мной пушистики.

— Чем, холодной водой? — добавила скепсиса Вика.

Зачем я маленький не умер?

Будни и акула

Холодной водой мы, понятно дело, за завтраком не обошлись, но проблем от этого не уменьшилось. Капризная Вика, увидев редкий для России продукт — черепаши яйца в кожаной оболочке — суксилась и брезгливо покачала головой:

— Фу, какая гадость, я не буду это есть.

Такая чистоплюйская позиция, однако, не встретила одобрения даже у его спутников. Наташа, погладив пальчиков кожу яиц, молча пожала плечами, показывая отрицательное отношения, легко сказала:

— Не ешь, у нас, наверняка, найдутся вонючие водоросли. Подкормишься, не растаешь, если так.

Кушать водоросли Вике хотелось еще меньше. Уж не знаю, какой та была до молодежной трансформации, но теперь тоненькая, невпопад бестолковая девчоночка кроме как жалости вперемежку с желанием выпороть и забыть эту проблему не вызывала.

Я с топором на поясе бодро сходил за водой на небольшую реку или на большой ручей — вариант предпочтения на выбор — и поставил котелок на треногу в огне. Больше готовить ранний легкий завтрак было никак и ни в чем. Когда вода закипит, яйца надо было аккуратно опустить в котелок, поддержать их там немного и после съесть их без хлеба и соли.

Легкая логистика, невнятная, как раз на нас нищих. Подумав, хлопнув себя по лбу — у меня же есть соль, что это я, такой же бестолковый!

Принес солонку, гордо показал имеющую соль. Где наша не бывала!

— Будем есть вареные яйца с солью и запивать их холодной водой. Скучно, зато здоровый образ жизни.

Трудно сказать, какова была реальная реакция гостей, вслух они ни как не прокомментировали, ни положительно, ни отрицательно, хоть бы обматерили, я бы не обиделся.

Ну и пусть! Пока вода грелась, а это все-таки на костре не быстро, я решил пустить в ход металлические наконечники, приделать к ним древки. Судя по форме и по массе, одно из них был под ударное среднетяжелое копьё, второе под легкое метательное. У восточных славян оно называлось сулицей, а вот как у древних греков уже не помню. Склероз, батенька, гм... или трудная жизнь. В общем класс дротиков, а остальное дьявольские подробности.

Древко первому я уже почти сделал давно, только поначалу без металла, теперь вот приделал наконечник. Такое чувство, что деревянное копьё просто облизнулось с таким смертоносным украшением. Если раньше, как не пытался, все равно больше чем палкой называть его не хотелось. А сейчас это было настоящее оружие и бедняга лев, пусть и назывался царем зверей, легко станет несчастной жертвой.

Дротик же я делал легким, метательным с небольшим древком. У него он был принципиально как ручка для метания. Значит и особо прочным и тяжелым ему быть не надо. Тем более, лучшей кандидатурой для него была Наташа, а она была женщина, то есть, слабенькой, с нежными ручками и дряблой спиной. Тут даже речь не шло о метании, воткнуть бы в зверя получше.

Когда вода в котле начинала кипеть, я как раз закончил с оружием и теперь чувством

сделанного полезного дела начал класть яйца в кипяток. Заодно посчитал и пришел к неприятному выводу — из-за недостатка яиц двое обойдутся не пятью, а четверыми штуками. И я даже готов сказать, какие это будут мужчины.

Мелочь, а нехорошо. Надо бы Вику все-таки оставить без черепаших яиц. Да ведь не получится, сам первым начнешь рычать. Как такую девочку лапочку без еды оставишь? Водоросли — это всего лишь трава, с яйцами их не сравнишь, не говоря уже о том, что она находится, как ей и положено, в море, а в мире еще ночь с чернильной темнотой и ревом хищников.

Но горячие яйца с солью были замечательными и даже холодная вода, а не горячий чай не роняли его уровень. Поели, не скажешь, что и теперь не голодны, а все же настроение у всех четверых стало выше. Да и вообще, медицина рекомендует и-за стола выходить чуть голодными. Вот, по науке живем!

Пока завтракали, резко посветлело. Это еще раз нам подтвердило, что мы где-то в районе экватора. Лишь там ночь и день начинались, как по сигналу электрического выключателя. Раз — и нет света, раз — и есть.

Еще распланировали утро, теперь уже детально, как это будет на практике. По предложению Наташи, первым делом сходим порыбачить на море втроем — Наташа, Вик и я, Сергей Леонидович. Вика останется на стоянке поддерживать костер. При чем рыбачить будем способом остроги. Дескать, она умеет.

План этот, кстати, был похерен, но только, к сожалению, частично, в плане комплектации экспедиции рыбаков. Вика заявила, что она одна ни за что не останется. И поскольку из остальных троих никого оставлять было нельзя, даже Наташу, но только не как рыбака, то Вику тоже взяли, оставив стоянку на свой страх и риск.

А вот кандидатуру Наташи никто не отринул.

Ой, какой пессимизм наполнился по всему своему телу! Ой, какой сарказм проявился! Я, в принципе, не очень-то люблю фашистов, более того, я их откровенно ненавижу. Не конкретных людей, а как немецкий народ и фашистскую идеологию. Деды мои воевали и я буду плевать. Но с этим тезисом я полностью согласен — женщины годятся только на три К (по немецки) — дети, кухня, церковь. Ловля рыбы, да еще таким профессиональным способом, в этот перечень не входил и я чувствовал, наловим мы здесь ноль целых, ноль десятых. И ведь не поругаешься, ишь, как она прелестями смотрит. А ведь потом от ворот поворот сделает и грызи камни!

Но потом, после долгих и напряженных размышлений, я пришел к выводу, что ловец рыбы из Наташи плохой, зато, в крайнем случае, она может стать блестящей приманкой. Итак, будет ловить на мелководе (не выше пояса) рыбу и параллельно сама быть мясом для больших морских хищников, типа акул. А я буду их подло подкарауливать. Копьем относительно мелкую рыбу не пронзишь, а вот акулу как раз забьешь и вытащишь на берег.

Так и расположились. Вик и Вика были совсем уж на мелководе, под руководством мальчика собирали всякую съедобную траву, моллюсков, если повезет мелкую рыбешку и различных ракообразных, Наташа было немного поодаль и чуть-чуть глубже, беря более крупную рыбу на дротик. А я, изображая очень влюбленного ловеласа, стоял с ней рядом, но поближе к берегу. Дурачился, читал стихи:

Я эту женщину люблю.

Она со мной почти что рядом.

Я каждый миг благодарю,

За любованье этим взглядом.

Я эту женщину люблю.

Она мне даже улыбнулась.

Я тихо господа молю,

Чтобы она не отвернулась.

Я эту женщину люблю.

Она меня почти ласкает.

А я её боготворю.

Она меня не отпускает.

Я эту женщину люблю.

Она меня, наверно, тоже.

Я эти годы, подожду.

И ей в любви признаюсь позже*.

(*печатается в сокращении)

Наташа все-таки должна была выполнить свою роль на рыбалке, предназначенную женщине природой — подманивать хищников. Ну а если мне сильно не повезет и я промахнусь, отдав мою красивую приманку на съедение, то так и быть, приму эту жертву стойко, хе-хе.

На самом деле, конечно, отдавать тело Наташи я не собирался ни сухопутным хищникам, ни морским. Она моя, моя лапушка и это говорю вам я, не доцент и кандидат наук, а, прежде всего, сильный (относительно, естественно) самец.

Хотя она ведь сама в воду полезла, никто ее насильственно не тащил. И про акулу в Тихом океане она прекрасно знала, хотя бы теоретически. Что же теперь злится на меня, бедного?

Наташа в конце концов сама стала подозревать, что океан — это не река и здесь можно самой попасть в виде добыче. Но поняла ли она четко я не знал. Единственно, что наводило на такой вывод, так это ее поведение. Она перестала на меня злиться и даже охотно и как-то боязно прижималась ко мне. Вот ведь зараза какая, ну как я с ней буду любиться в море, при виде дочери и внука?

Впрочем, через пару часов рыбалки сначала Наташа поймала на дротик неизвестную мне серебристую рыбу, килограммов пять, потом появился санитар моря — большая акула. Хищник, как и положено, к цели подплывал незаметно, Наташа увидела ее только тогда она вышла уже на боевой курс, открыв пасть и показав проклятие зубного врача — частокол великолепных зубов.

Женщина заорала так громко и отчаянно, что копьё в моей руке дрогнуло. По-моему, акула тоже сбилась с курса, нацелившись уже на меня. В этот момент снизошло на меня озарение, от чего женщины так громко и визгливо постоянно орут. Ей от природы это дано — отпугивать хищников. А в социальном обществе, где из страшных зверей только несчастные мужчины, ор предназначен только им!

Вот ведь нехорошие образины! Со злости я четко и сильно врезал в искомую цель — глаз животного. Вообще, череп у акулы достаточно прочный и уж мое копьё его точно не пробьет. Но глазное отверстие его слабое место и я в него попал! Хей-о-хей! А что целился я в правый глаз, а попал в левый, то ведь вы ни кому не скажете, правда? И вообще, главное цель, а не план!

Акула так судорожно рванулась, что я машинально отпустил копьё. Ведь в море бы

улетел, честное слово! А вот тушу акулы я уже проводил сожалеючи, подумав, что она скрылась в глубинах океана. Что поделать, несколько сот килограмм мяса и сала, пусть и непривычного, а, значит, невкусного. Но в любом случае, это белковый продукт, где еще его добудешь? А копые, которое, скорее всего, уже найдешь? Эх, с-собака морская!

Но я, оказывается, зря себя ругал и подсчитывал потери. Не прошло и часа, как туша мертвой акулы уже билось в волнах прибоя с копыем в голове. Океан словно отдал не его добычу. В принципе верно, нам она будет важнее.

Вытащил кое-как на сушу тушу. Тяжелая, гадство! Наташа возилась с ней рядом, больше мешала, чем помогала. Но негромко и прочувственно так поблагодарила, так, что у меня душа буквально воспарила:

— Спасибо тебе, Сережа, ты меня сегодня спас. И если бы только от нехорошей смерти, наверняка акула бы только откусила конечности. Как тогда я стану мучаться на острове? И даже потом на континентальной России, в обычном существовании. Ужас, всю долгую жизнь жить инвалидом!

Она задумчиво пнула акулу, не со зла, просто так. Медленно, словно себя убеждая в приведенной мысли добавила:

— В этом таинственном острове, на котором что только не бывает, в том числе и сказочное чудо. Кажется, я уже почти убедила себя, что наша встреча не случайна, а предопределена судьбой?

Наташа посмотрела на меня, как на апостола Петра, знающего и понимающего в жизни все сокровенное. Что же, у меня был нужный ответ:

— Не знаю как в вашем мире, у нас многие верят, что каждый человек проходит свою Точку Ноль. Она может быть разной — и физической, и моральной, но трудной и иногда мучительной. Если ты провалишься и не сможешь пройти, то что-то не получишь, если пройдешь, тебя ждет награда. Вот, видимо, ты и будешь моя награда!

Наташа счастливо разулыбалась, на щеках ее появились привлекательные ямочки, так любимые мною:

— Вот ведь нехороший человек, вяка — заподяка! Я-то думаю, что мне по личной жизни все не везет, дочь одну родила едва, а вон что оказывается! Тогда ты просто должен жениться на мне!

Сказала, а у самой-то губы подрагивают. Боится, что откажусь? Я ведь никак не обязан, тем более, даже не поцеловались? И все остальное, что у мужчин с женщинами должно быть.

С другой стороны, я теперь в прекрасном возрасте, здоров и крепок. А рядом чудо женщина, прелестная, но опытная. Чего жду, пока не уведут? Лучше все равно не найдешь, да и не надо уже.

Упал в песок около побитой акулы на одно колено, поцеловал за левую руку и торжественно заявил:

— Милая, дорогая моя Наташа! С недавних пор я люблю тебя больше всех и прошу выйти за меня замуж!

Моя незабвенная, чудесная, хотя немного капризная женщина сделала задумчивый вид, дескать, я в тягости, что делать, потом рассмеялась:

— После того, как я у тебя буквально висела на шее, проверяла ее на прочность, грех еще как бы размышлять. А то вдруг передумаешь. Согласна!

Последнее слово она произнесла так же торжественно и поцеловала в губы. Кажется,

любовная картина завершилась? Жалко ЗАГС отсутствует, или, хотя бы, церковь. Бракосочетание бы провели. Но пока на острове можно только мечтать. Надеюсь, Наташа не обидится на меня?

Потом, уже семейной парой, мы попытались потащить свою нелегкую добычу... и не смогли, даже с места не сдвинулись. Вот ведь тяжеленная туша, будто какой громоздкий мамонт. Нет, одним рейсом мы явно не унесем. Побегаю я с добычей.

Наташа подумала про себя также, даже куда шире:

— Подожди, милый, надо собраться с родственниками, рассказать, хотя бы в двоих словах, что получилось у них с собой. Они хоть и младшие в семье, а все же такие родные. не смотри, что они маленькие, они все понимают.

Ну, это она зря, сам такой же помолодевший. Или она считает, что у меня толстокожесть, как у носорога? Зря. Главное, чтобы не долго, а то мясо на раскаленном песке испортится. Кстати, про песок-то...

Попытался стащить акулу в прохладное море. С трудом, но сумел. Зверюга словно понимала, что это ее родная среда, двигалась легче. Ф-у-у-х!

Подожли Вик с Викой. Точнее, наоборот, если по возрасту, Вика с Виком. Мне кажется, надо что-то с этими родственными связями делать. Не вообще, но с этими конкретными женщинами и парнем — мальчиком. Надо хотя бы договорится не обращаться, а то тут и так все перепуталось с возрастам.

— Дорогие мои! — сказала матриарх семьи, — мы с Сережей решили пожениться, вот! Можете теперь его называть Вика — папой, Вик — дедом.

Родственники ничуть не удивились, более того, как-то по-человечески прочувствовали. Вика даже позавидовала маме, она-то мужчину на острове точно не найдет. Вик — обрадовался, есть теперь родственное плечо, на которое при случае можно и опереться.

Я по этому случаю тоже мог сказать свои пять копеечек:

— Дорогие мои! Поздравляю вас, мы стали сплоченные и крепче и можем легче бороться с агрессивной средой. Но вот эти дочери — мамы — бабы мне откровенно не нравятся. Мы же все помолодели и даже стали юными! Предлагаю называть друг друга только по имени.

— То есть, я буду называть тебя только Сережей? — осторожно поинтересовался мальчик Вик.

Он что думает, что престарелый пенсионер может обидеться? Три раза ха-ха! Да он только обрадуется!

— Да, Вик, ты можешь называть меня Сережей, — охотно согласился я, — а вы как? — обратился к женщинам.

— Я так только ЗА! — как-то даже обрадовалась молодая, — надеюсь, все у нас получится.

— М-гм, это она сейчас про что, про интим? — озадачился я, — эй, я не Казанова и не султан с тысячей наложниц!

Наташа, похоже, подумала про то же. Хе-хе, муж и жена — одна сатана. Она четко обозначала границу своего имущества:

— Дочка, то есть Вика, при всем при том, это все равно мой муж!

И демонстративно прижалась ко мне. Я не возражал, обняв ее за плечи, но в пространство заметил:

— Кажется, уже есть понемножку хочется. Может, потащим хотя бы часть добычи на

стоянку? Женщины будут готовить, мужчины — таскать дальнейшее.

Опытная Наташа, хорошо понимавшая, что путь к сердцу мужчины лежит через желудок, да и дети в количестве двух штук находятся в любом варианте на ней, тот час же свернула разговор, скомандовав:

— Детишки и ты, мой муж, собираемся и идем, — и уже обращаясь непосредственно ко мне, спросила: — а что возьмем в первый рейс?

Вот ведь молодчина Наташа, надо будет спросить нее, не получила ли она образование психолога, хотя бы каких-нибудь курсов? Или по природе такая умница затейница? Сама ведь все понимает, но спросила у супруга, мол, ты у нас голова. Как же не любить мою голубку!

— Да моя милая, — я посмотрел на нее все понимающим взглядом, но прокомментировал: — возьмем ту пищу, что наиболее нам привычна и быстрее готовится — рыба, что ты поймала, мелкая рыбешка и ракообразные. Набранные Викой и Виком.

Парень на это гордо поднял мою сумку, довольно-таки большую по объему. Однако же, они тоже работали и руки умелые и рабочие. Вот же ж, предупредил ведь, что они гораздо старше, чем выглядят и сам поймался, как мальчишка!

Одобрительно кивнул головой, добавил:

— А я сейчас быстренько отрублю заднюю часть акулы. Может, Наташенька, куда-нибудь пригодиться. Акулятина нам не очень вкусна, но это не тот случай, чтобы выкобениваться.

Ни кто мне не возразил, хотя и особым восторгов не было. Ничего, мои родные, будет время, зайдем в ресторан или, хотя бы, в забегаловку, заберем там вкуснятину. А пока ешьте жаренную акулятину и уху на первое.

Разрубил тушу на две части. То ли топор был излишне тупой, то ли акуля кожа прочная, но постараться мне пришлось. И то отработался последним. Никто мне слова плохого не сказал, но как-то было неприятно. И акулятину пожадничал, много взял. Пришлось его больше тащить по земле, чем переть на плече. С учетом, что солнце уже было жарким, поход был неприятно-адским. Хотя в полдень я бы вообще согнулся на прямом солнце. Так что незачем скулить и жаловаться на жизнь, будет еще хуже.

На стоянке работа к нас оказалась разделена сугубо гендерно: женщины начали готовить заготовки под блюда, а мы, мужчины, занялись костром. Собственно это подразумевало две части — зажечь огонь и принести дрова, желательны сухие.

Подтащил растопку в виде бересты, сухой хвои и мелкого хвороста, тихонько спросил Вика, чтобы его не позорить, сохранились ли у него после омолаживания навыки с костром?

Вик тоже тихонечко произнес, что вроде бы сохранились, хотя бы теоретически. Но на практике ему надо бы хоть раз с огнем поработать. А то он не уверен.

Я не стал настаивать. Торопиться, в принципе, некуда, акулу они все равно не съедят и слава богу. А в лесу, между прочим, живности много и они куда вкуснее. Что дергаться напрасно?

Спичек у него уже несколько дней оставалось две и, хотелось верить, столько же и будет. Гости в этом отношении ничего нового не принесли. Никто из них не курил и поэтому источники огня в виде спичек или зажигалки не носил. На острове они занимались сыроедением и непонятно, как дальше жили бы, если бы не напорились на меня с костром. Ведь именно запах дыма, — по признанию Вика, — заставил их идти в неприметную прибрежную лощину.

А я-то наивный, думал, что надежно спрятался! Ха-ха, голову-то спрятал и думал, что в сохранности. А задница-то у всех на виду! Пусть он не женщина, не надо бояться, что общупают, и сексуальных извращений вроде бы нет. А как зубами, и нечеловеческими, а львиными? Вот я му... чудака!

Ругая себя мысленно, нашел в гуще золе угли, показал их Вике. Положил на них немного сухой травы, подождал, пока они покроются небольшими огоньками, положил бересту. Подождал, пока и она разгорится, положил небольшими порциями хворост. Технология вроде бы простая, но с закавыкой. Как говорится, плохому танцору всегда что-то мешает сугубо мужское. Без опыта костер будет трудно разжечь.

Но Вик вроде бы и опытен, хотя бы к костру найдет, как подойти. Правда, в прошлой жизни, но ведь мышечная память она очень стойкая. Посмотрел, как он хотя бы дрова подкладывает, на ветру, чтобы дым и искры на себя не летели, уже понял, свой человек!

Хлопнул по плечу легонько в признании, попросил его посидеть у костра, разжечь огонь сильно, до хорошего жара. А там, или я подойду, поставлю треногу и котелок с водой, либо Наташа. Хотя она вряд ли с учетом работы. Это ведь я «люблю» уху по-чувашки из-за лени и брезгливости, а женщины, довольные взятыми у меня острыми ножами, чистили споро и тщательно.

Вот ведь как оно! Погуляешь по незнакомому острову без практически ничего, так и мусор полюбишь. Или простые ножи, как изысканные украшения.

Но и время они тратят немало. Едва не сделал им замечания по этому поводу. Сдержался, зачем с ними понапрасну ругаться? Пустой желудок сам скажет без слов, а Наташа, как я понял, женщина умная и практичная, не оставит мужчин без еды?

Сам отправился за дровами. Натаскал с помощью топора и растительной веревки — самоделки несколько охапок мелких и средних веток, потом направился на побережье, по следам бывших кораблекрушений. За несколько сот лет (даже тысячелетий?) дров здесь набралось с лихвой. Я даже не знаю, какой это мир — мой или параллельный, но путешественников здесь было достаточно и тонули они регулярно. Жалко, конечно, зато нам дров досталось много даже без помощи окрестных лесов.

Правда, если говорить о дровах, то можно хвалить только количественно. И дело не только в поиске различных находок в виде холодного оружия и металлической посуды. Это, так сказать, вторичные результаты поиска. И даже не доски, которых я специально искал в преддверии строительства домика.

Сами дрова — брусья, старые сломанные весла, доски и обломки без точного предназначения были сырыми вдрызг. Относительно сухие я уже собрал и даже сжег. Что делать, сухими дрова являлись после устойчивой сушки на взгорьях берега, туда, где морская вода оказывалась не часто. С одной стороны, это было хорошо, дрова не мокли и под жарким солнцем становились сухими. Но из-за этого же дров здесь оказывалось исключительно мало.

А лесных дров из-за недостатка и мелколесья оказывалось весьма мало. И те же пальмы, пусть они были высокими и толстыми, но для костра не годились. Или я их так и не научился сжигать?

Приходилось таскать дрова с берега несколькими эшелонами по несколько сот метров. И только довольно сухие, то есть, которые можно было жечь даже на небольшом костре и которые долго держали угли.

Вот как!

Семейный Робинзон

Притащил кучу дров, не до полной, к сожалению, консистенции готовых. Так сказать, условно сухих. Как там наши женщины, мои девочки, как уже можно сказать жену и дочь (падчерицу) будут поддерживать огонь? Вик костер поддерживал без проблем, но на то он и парень, почти мужчина, несмотря, что на видимость совсем еще мальчик. Но женщины совершенно другой контингент, можно говорить, условно специфический. Справятся ли?

Интерес мой был отнюдь не теоретический, типа есть ли жизнь на Марсе или нет, а совершенно шкурный — буду я есть в ближайшее время или нет, поэтому был придирчив до наглости. Ладно еще посуды у нас сильно не хватало, а то бы получал по лбу поварешкой. Так же заработал от Наташи «привет» — сдержанное ругательство (не матерщинное) и пошел по указанному ею адресу.

То есть отправился я к конкретному месту — побережью с остатками акулы, если их еще не съели. И не обязательно люди — стервятников и в природе хватает. А вообще, ну и черт с ними. По внутренностям я еще погрущу, а исчезновением мяса и сала только обрадуюсь. Нам и так хватит.

С собой взял копье, рабочий топор, обязательно нож и Вика с сумкой. Он хотя и ребенок, а все равно с острыми ушами и глазами и цепкими, хотя слабыми еще ручками. За неимением взрослого парня хватит и этого. Он даже был с настоящим ножом, которым можно было резать и колоть. По клинку я, правда, подержал свою бороду (условно). Можно ли давать бестолковому ребенку настоящий клинок? И даже, что ему гораздо больше лет, чем видно, до конце не остановило моих терзаний. Едва к Наташе не обратился, бестолковый. В конце концов постановил — пусть сам мучается и постарался забыть свою же задуманную проблему.

Акула лежала там, куда я его кое-как притолкал — в прибрежной полосе около морских камней. Выпотрошил ее, сложив внутренности и нутряной жир, а остальное, после некоторого внутреннего сопротивления, отправил плавать в открытое море. Плавай, рыбка!

Что еще? Поискал с Виком по морскому побережью мелкую живность и съедобные водоросли. Результат «обрадовал» — полный ноль и первого, и второго. Если бы не черепашие пастбище, про которое едва не забыл и которое дало мне очередную порцию яиц, то итог было бы печальный. Но так, обед мы кое-как соберем, а вот ужин, а заодно и завтрак, еще требуется найти и забить.

Единственный плюс — полузасыпанная обшивка когда-то бывшей частью корабля — обнаружил, стыдно сказать, Вик. Да и то, как обнаружил? По своей вековой привычке пинать все, что попадает — камни, ракушки, ветки, а то и просто песчаные бугорки, вырыл внешнюю сторону одной доски. А уж я докопал остальную часть, порывшись в сыром песке и довольно неприлично пахнущем иле. Вырыл и даже поставил стоймя около хилом кустарнике. Обшивка была насквозь сырой и от этого весьма тяжелой, тоже гнусно пахла. Зато я увидел хороший стройматериал для будущего домика. При чем не только доски, но и медные (бронзовые) гвозди. Единственного представителя последних, я, при помощи топора, кое-как вытащил, но металл гвоздя так и не идентифицировал. Не металлург, хотя сами гвозди от этого не стали хуже.

Еще нашел своими собственными руками сломанный клинок. Что это было ранее, я

своими теоретическими мозгами так допетрить и не смог. Но сейчас он больше всего походил на небольшую лопатку. Широкая рукоять и примерно десятисантиметровый остаток лезвия позволял мне хорошо копать, а больше я от него не требовал.

Я уже посчитал, что вытащил все полезное из одного «ништяка», собираясь было идти далее, но Вик вдруг было что-то активно продолжил рыть и гордо показал мне комок грязи. Я осторожно взял его, поскольку предполагал что угодно — от жалящего скорпиона до нейтрального, но воняющего куска ткани. Прополоскал его в морской воде и увидел, что почти угадал — это был артефакт, только не матерчатый, а металлический. Большая монета, грубо сделанная, как я увидел, еще раз прополоскав. По-видимому, средневековая, даже не машинной обработки, а ручной. И не русская, но и не азиатская. Европейская? Пока меня в этом откровенно радовало только то, что это был неплохой металл, которого можно было обработать, а золотая она или бронзовая, какая мне разница... пардон, какая нам разница?

Поискали с Виком вместе, натаскали еще с десятков монет. Путем аналитического размышления я обратил внимание, что, хотя монет лежало в приличном качестве и между досками обшивки и в песке, но в последнем все же было больше. Значит? Порыл сломанным клинком тщательнее и довольно легко нашел в песке и иле своего рода денежный клад — полуразрушенную емкость из цветного металла (точнее я не узнал). Из нее-то и монеты потихоньку вываливались. Видимо, пора было выходить кладу обратно на белый свет.

Будь я «в цивилизации», обрадовался бы созидательной деятельности лепрекона, который, как известно, разбрасывает клады. А так мы примерно набрали килограмм металла. С учетом безлюдного острова, а, значит, и отсутствия любого рынка, сломанный клинок был более ценен. Все в мире относительно.

Пришли как раз к обеду. Ароматная уха и частично прожаренная, но немного все же сгоревшая, немного сырая акулятина. Наш шеф-повар Наташа, смущенная качеством второго блюда, не нашла ничего лучшего, как наехать на меня. Вежливо так, хотя мне все равно в пересказе в обычный матерщинный русский язык стало очень неприятно. Мол, не хрена (ничего) не делаете, шландаете только, а жрать (кушать) приезжаете. Не фига себе наезд!

Позвольте, позвольте! — удивился я, — но ведь это не просто ругань женщины к мужчины, которую можно пресечь физически, а административный поединок — главповар (вообще-то шеф-повар, но мне так ближе к сути на данном моменте) и просто глав! Идет настоящая революция и смена правящего класса! Я так не могу, даже если хочу.

— Сережа, подожди, я ведь только хотела сказать тебе, — рискнула ответить изрядно смущенная, даже обалдевшая от такого энергичного возражения Наташа.

— Нет, это не сказать, а обругать! — немедленно возразил я, правдивый и пронизательный, — сначала тут был мужчинами, который все обустроил, а потом пришла женщина, который собирается все нагло стибрить!

— Сережа, нет! — почти умоляюще запротестовала Наташа.

— Ах нет! — зловеще сказал я и потребовал: — либо ты признаешь себя дурой, либо ты пытаешься совершить островной переворот!

Наташа помолчала, посмотрела на всех добрыми глазами и решилась: — Да я дура, создала нехорошую ситуацию. Прости меня, Сереженька!

— Прощаю, — проворчал я, но предупредил: — у нас здесь на острове практически чрезвычайная ситуация. И нам надо либо ввести диктатуру, либо ввести первобытный коммунизм. Предлагаю..., - я помедлил и предложил: — первобытный коммунизм!

— Ох, а я думала, ты потребуешь, чтобы у нас стала диктатура, а себя диктатором и

гаремным мужем! — прощепетала Вика

Ха, все же получается, что бабы дуры, не потому что они дуры, а потому, что они бабы. Не поняла дочь моего иезуитства. Диктатура подразумевает хоть небольшую, но все же ответственность диктатора перед обществом, тогда как в первобытном коммунизме, прав было много, при чем, чем сильнее индивид, тем у него можно прав, а ответственности никакой — коммунизм же как никак!

— Вика, рассмотрим этот нюанс в практическом срезе, — ответил я дочери, то есть падчерице, поскольку она все еще ждала ответа, а потом взялся за законотворческую деятельность: — хочу, чтобы любую критику наказывать либо прилюдным поцелуем, либо таким же щелчком. При чем критику считает оной сам критик.

— Да я против, — протянула Вика, но так неуверенно, что стало ясно — если ее не поддержат, она сразу же сдаться.

Потому я сразу же обнаглел:

— Вика, ты кажется, не поняла, я сказал — хочу, а не предлагаю. Мне не надо согласовывать, я уже все решил!

— Да? — удивилась Вика и задумалась. Похоже, она, наконец-то поняла, что означает звонкий термин первобытный коммунизм.

— Наташа, — потребовал я от своей жены, — ты убираешь свою критику сильного пола или мне подвести под него закон намбе уан?

— Предложение мое проявилось очень сильно и требовательно и я совершенно не удивился, что Наташа сразу согласилась.

А я спокойно налил в свою тарелку ароматную уху, которая уже битый час дразнила нос, а вместе с тем и весь организм прекрасным вкусом.

Становится самодуром я не собирался. Но и подлаживаться под женскую пятку тоже. Будучи трудящимся в женском коллективе, я прекрасно понимал, что лучше сразу поставить себя над женским коллективом, чем каждодневно бодаться с ее членами. И сам намаешься и женщин умучаешь.

— М-м, — промычал я, показывая жене котелок с ухой и пустую тарелку. Типа, тебе налить, или как?

Наташа не осмелилась отказать и уха была налита. Рыбу на листке растения она положит сама.

Соухую продекларировал стихи:

Как я жил без тебя столько лет?

Без твоих изумительных глаз,

Без невинных касаний одежд,

Без пропущенных пауз и фраз?

Как я жил без тебя столько лет?

Как дышал и ходил без тебя?

Как встречал одиноко рассвет?

И не видел, не слышал тебя?

Как я жил без тебя столько лет?

Где летала и как ты жила?

Я ищу бесполезно ответ.

И смотрю каждый вечер в глаза.

Как я жил без тебя столько лет?

А вчера вдруг увидел тебя.

Словно вспыхнул чарующий свет

И погасла вся жизнь до тебя!

Наташа точно смутилась, а яналил Вику. А вот Вика немного смущенно отказалась, сказав, что она сама. Сама так сама. Я положил кусочек рыбы в тарелки и отсел по причине отсутствия места. На пне и так лежали котелок с ухой, лопух с отдельно положенной рыбы, наконец, сковородка с мясом акулы. Где уж там тарелки!

Значит так! — подумал я про себя, — сегодня же надо смастерить примитивненький обеденный стол. Доски есть, гвозди есть, молоток легко можно заменить топором. Решено. Потом, после охоты в лес, надо сходить в корабль, пусть и страшно и неохота. И взять оттуда по максимуму нужные вещи. Вот тогда у нас будет рай!

Подумал и грустно улыбнулся. Рай на острове не будет никогда. Во-первых, материальная база примитивная, во-вторых, человек — животное социальное и может быть счастливым только в обществе, в-третьих, здесь слишком много угроз — от диких зверей, до не менее диких чудес. Ведь источник с эффектом молодости, это еще не все, ой как не все, помяните меня!

И, вообще, здесь чрезвычайная ситуация с Точкой Ноль, здесь всех проверяют и счастливым быть нельзя!

Закончил философский опус и похлебал уху, закусывая ее вместо хлеба или сухаря куском рыбы. А Наташенька моя настоящая женщина, прелестная и глупая, умелица и повариха. Почти из ничего такую пищу сделала. Какое яство, пальчики оближешь. Даже куски акулятины, по крайней мере, по вкусу не неприятны, хотя и необычны.

Мда-с, поели, теперь поспим, в смысле, что-нибудь сделаем полегче. Желудок полный, полуденная жара ужасная, даже ветер не помогает. Самое время мастерить устройство под довольно нелепым названием морда. Ну, название — названием, а речную рыбу она ловит эффективно. По крайней мере, в удмуртской реке ловила, теперь посмотрим, как на острове станет.

Нарубил топором молодых гибких веток, зачистил их от зелени, смастерил морду. Она, в общем-то сооружается просто (или я так делаю). Раз — ивовая посуда, два — конус, три — задняя крышка. Все просто, если руки от того места растут. А у меня руки трудно сказать откуда (хотя не от задницы, точно). На пару часов хватило смастерить одну морду. Что же, лиха беда началось!

Теперь, когда полуденная жара стихла, можно и поактивничать. Правда, сначала надо определиться — на корабль или на охоту, на охоту или на корабль?

Спустился в речку, установил морду по практике — отверстие по течению, сама морда в мелководье. Ух, если есть рыба действительно, то попадется, зуб даю!

А совершать выбор маршрута решил сделать своей жене. ЖЕНА — это звучит гордо и звучно! Но когда он озвучил самой Наташе, та пришла в совершеннейший ужас и залепетала откровенную ерунду. И это взрослая женщина!

Пришлось все решать самому. Единственно он все же потрафил ей — Наташа что-то говорила сегодня о настоящем мясе, значит пройдем в лес. Только женщин с собой на охоту брать не будем! Честно говоря, я и Вика бы не взял, но тот так горел желанием поохотиться, таким огнем горели его чистые глаза, что еще и ему сказать НЕТ он уже не сказал.

То есть разделились гендерно — мужчины пошли на опасную охоту, женщины остались на безопасной стоянке. Хотя в любом случае, все это весьма условно. Понимая это, я своим

почти диктаторским решением решил: обе сабли по количеству женщин оставить у костра. Пусть защищаются, если что.

А на охоту мы возьмем атакующее оружие — арбалет (это мне), дротик (Вику). И копьё как бы в бою у меня, если надо будет, но нести его станет все же Вик. Некто вроде оруженосец. А то у меня же не десять рук, и арбалет и копьё.

Арбалет у нашей экспедиции, как не крути, главное наступательное оружие, я им и хотел добыть и птицу и зверя. Так что держи его крепче и стреляй метче, а то останутся женщины голодными. Да и полтора мужчины (я да маленький Вик) тоже не возрадуются.

Женщины, разумеется, загалдели, когда мы пошли на охоту. Им и мяса поскорее хотелось и побольше, и страшно было без нас. Но, что характерно, с нами на охоту не просились, знали, что их место на стоянке у костра. Вот как я их построил!

А может и не я, но все равно приятно, что расстались без жалоб и ругани. Вика погладила сына по голове, с Наташей мы по-деловому поцеловались. И скоро расстались, а то у женщин нервы не выдержат.

Прошли от морского побережья к лесу, но потом двинулись не прямо в лес, а вправо. Птицу мы и так добьем. Но нам требовалось найти новые места охоты, а то на четыре рта пернатых мы точно долго не оставим. А так, может кого добьем, а если нет, то на обратном пути как-нибудь завернем на «птичник».

Непуганые места, впрочем, были изобильны зверем. Не прошло мы и несколько сот шагов, как наткнулись на приличного размера оленя, по моему, из Африки. Хотя Вик сразу же прошептал, что это индийский замбар. А, в общем, какая разница, главное, что это было мясо, а я подбил его с первой же стрелы. Погордился бы, если перед кем было. Первая же стрела вонзилась в шею животному, хотя я целил ему в грудь, мечтая попасть в сердце.

Ну в шею, так в шею, какая разница, я же не брал обязательства попасть в грудь. В шею даже лучше, там столько сосудов! И, видимо, в один из них я удачно попал. Во всяком случае, словив стрелу, олень сначала резво от нас поскакал, уйдя практически с глаз долой среди деревьев, но потом обессилено рухнул.

Мы же споро побежали следом. Волчьи традиции на охоте — ранить зверя и преследовать его, пока он не изойдет из крови. Разумеется, хорошо бы ранить его серьезно, чтобы он рухнул невдалеке, но это как получится. А уж сразу убить стрелой оленя невозможно, даже не мечтайте, слюни только израсходуете. Не тот уровень.

Так и думал, не торопясь преследуя оленя. Не торопясь, поскольку за мной был еще Вик. А тот, хоть и обладал разумом подростка 16 лет, почти взрослого парня, но физически с некоторых пор был мальчиком средней комплекции и бежать быстро не мог. А у него, между прочим, было копьё и метательный дротик, которого он не успел (!) или не захотел (!!). м-да, Вик этим оружием, особенно копьем, воспользоваться не может, я же должен работать, прежде всего, арбалетом, которое я успел перезарядить.

Если говорить коротко, олень от нас ушел, ладно хоть я заметил его направление. А он не успел уйти в сторону после того, как спрятался от нас. И уже через некоторое время, Вик даже не успел обессилеть, я заметил оленя. Ура, мясо в обалденном количестве! А мне даже не придется его убить, олень уже был мертв. Бросился к туше оленя, в первую очередь вырезал стрелу, их и так уже немного. Заодно отрезал голову, уж извините за такую кровожадную подробность, отложил ее в сторону. Только потом отвлекся на мальчика. Вдруг тот на что-то серьезное меня отвлекал?

— Смотри, здание! — показал он рукой, — а там, наверняка, опасность!

— Опасность? — я немедленно упал на землю, прикрываясь в складках ландшафта, лицом к направлению опасности, готовый в любую минуту использовать оружие. Жаль только, в руках у меня был не грозный и безотказный АКМ, а малоэффективный арбалет. Лишь после этого опознал сооружение.

— Да ведь это дежурка нашего асфальтобетонного завода, лежавшего где-то около километра от села. Я каждый раз прохожу мимо него, когда иду в лес по грибы в этом направлении. Вот и на этот раз шел с котами, правда не в сам заводик, а около него на расстоянии сто метров, но, в принципе, все в нем видел, в том числе и это здание.

Он хоть и звался АБЗ, но без всякого преувеличения, дотягивал только до небольшой мастерской с десятком человек, правда, с двигателем. Производилось здесь перемешивание различных смесей действительно в основном бетон. Но, главное, заводик уже несколько лет не работал и находился здесь постоянно только дежурный сторож. Какая ерунда!

В голове, правда, постукивало предостережение об опасности, но так, на всякий случай. Если здесь появился индийский олень.

— Индийский замбар, — снова аккуратно подсказал Вик, доверчиво держась за мою штанину.

Знаешь тропическую фауну? — на этот раз любопытствовал я. Мне это ничего не стоило, а мальчику приятно.

— Нет, куда там, — вздохнул Вик, — урывками.

— Ну хотя бы так, — возразил я ему, — мне вон и этого не досталось.

Насторожился непонятным звукам. Если олень здесь гуляет, то почему не могут появиться другие дикие звери. И травоядные... Травоядные то они травоядные, но не очень-то беззащитные. Стукнут копытом или боднут рогами, и все, помирай, Гришкой знали. А еще в это волшебном краю бывают и чудо-юда. Хоть сам не видел и даже не слышал, но всяко бывает.

Напуганный Виком и своим воображением к дежурке подошел осторожно, почти крадучась, арбалет навскидку, как автомат АКМ. С нашей стороны никого не было, никто ни ревел, ни воплем, ни даже похрюкиванием нас не пугал. Стремительно, с перекатыванием, оказался на другой стороне. Там... тоже никого не оказалось.

Все равно, не расслабляемся, вдруг там за дверями зомби стоит, ха-ха. Пусть Вик на безопасном расстоянии стоит, но я тоже не должен умирать, зря что ли женился на такой клевой женщине? Впрочем, дверь я открыл спокойно, ведь перед этим немного прослушался и окончательно убедился — там никого нет. Любое живое существо — живое или псевдоживое типа зомби — издает столько шума, что точно будешь знать, кто там? А здесь и нет никого! И дверь закрыта только проволочной пружиной, ходи, не хочу. А я и хотел!

В дежурку я, честно говоря, пришел с другой целью, даже с двумя:

— Просмотреть любые полезные вещи — от посуды и инструментов до мебели. У нас то ведь ничего нет, даже есть на не чем. А тут уже сразу видно — два стола и четыре, нет пять стульев. Цивилизация пройдет семимильными шагами, надо только их перенести на стоянку. А еще надо пересмотреть все укромные места, есть тут у них всяческие блага человечества, сами же рабочие рассказывали:

— и второе, не менее важное по значимости. Оставить в тени и в герметически укромном месте тушу убитого оленя. Раз умертвили живой организм, то уж не зря. А тем завтра обязательно придем и вся мясо заберем.

Откуда-то со стороны раздался осторожный свист. Вик беспокоится. Правильно, может

меня здесь уже доедают, ему надо срочно отсюда улепетывать. Больше-то он ничего не может в твои детские годы. Да и мясо надо на костер.

Вышел из дежурки на улицу, не просто просигналил мальчишке, а утащил тушу оленя к двери дежурки, отбрыкиваясь от надоедливых насекомых разных размеров и мастей. Твою же Богоматерь, весом, наверное, в два центра! Угораздило же меня подбить именно этого быка. Будь холодильник или, хотя бы, погода похолоднее, радовались в пределах недели. А так будем давиться сегодня — завтра, чтобы послезавтра выбросить испорченные остатки. И даже солонина не поможет, все одно испортится, пусть и немного попозже.

Заодно уж, коли начался возиться с мясом, разделался с тушей. Отрезал задние ноги — наш сегодняшний паек, который мне еще нести. Вспорол живот. Условно предположим, что это теленок обычный домашней коровы. То есть у которого кушать можно почти все. Вот и оленя тоже. Максимум, вредители будут, так увидим, не аппетитно, ну и что? А инфекция... Вы что, господин хороший, вечно жить собираетесь?

Другое дело, как Вик нести собирается. Единственная наша (моя) сумка, изгвазданная продуктами моря, да и не опорожненная от них, осталась на стоянке. На руках нести, так их не хватит!

Думать было, в сущности, нечего. Несколькими размашистыми движениями ножа освободил шкуру, положил туда внутренности. Пусть пока лежат!

По моему объективному времени ночь уже вскоре наступит. А это явление происходит таким образом: был свет, стала тьма и ты стоишь в темноте с открытым от изумления, как дурак.

А нам еще по бездорожью идти, когда-то еще километр, а сегодня будет целый километр.

— Давай-ка побыстрее линяем, — сказал я Вику. Сам скорее выдвинул столовые ящики. Нашел лишь непонятно как попавшая сюда толстую стальную проволоку длиной с полметра. И все! А-а, завтра, найдем!

Оставил в дежурке на столе куски мяса, «взамен» взяв один стул. Сделаем так: две оленьи ноги соединим проволокой и подвесим на левое плечо. А в правой руке я возьму стул. арбалет при помощи «штатной» веревочки можно перебросить на спину.

Стоп, а как Вик? Посмотрел на него. Мальчик — голова, сразу видно, что опытный. Сумел связать шкуру в единое целое, а потом протянуть древко копья. Получилось два в одном — и груз уложил удобнее, и левую руку оставил свободной. Только вот дротик в этот натюрморт куда не вписывался.

— Дай сюда, — просто приказал я Вику и не слушая его, отобрал дротик. Оп, а они как будто вместе и так родились. Рука, охватывая стул, одновременно прихватывает древко дротика. А грозный наконечник безопасно выглядывает вперед. Еще и оружие какое возьму «на взвод» на всякий случай. А то ведь совсем без оружия в опасной местности!

Вик продолжал вянгать, поскольку считал, что я себя перегрузил, а его, наоборот, недогрузил. Но я просто пошел по разведанному маршруту и мальчику пришлось идти следом. Одному в незнакомой местности ему было элементарно страшно.

И ничего, что груз был тяжелым и неудобным, звериная тропа никак не походила на дорогу, а Вик время скулил. Главное, что мы прошли весь маршрут днем, а на стоянку никто не напал.

Уф!

Семейные «идиллии» и прочие возможности

Приход мужской составной островных потеряшек в составе 1,5 единицы индивидуумов... Или даже так, одной целой — это я, Сергей Леонидович Логинов собственной персоной. А вот Вика (мальчика) оценить пока еще можно было весьма скромно — 0,1 или даже 0,001, пока даже на полное имя не дожил, походил у женских родственников под куцым огрызком Вика. Ладно хоть изначально нормальное имя было хорошее, а то как бы меня назвали в этом случае — Сер? Тьфу ты меня, господи, сразу туалетом запахло.

Впрочем, ладно. Короче, приход меня с Виком (кстати, не путайте с мамой Викторией, это совершенно разные имена перед сокращением) приходил торжественно- шумно. Женщины мои дорогие, конечно же, в первую очередь жена Наташа, а потом уже падчерица Виктория, Вика радовались, прежде всего, нашему появлению, а уже потом нашей добычей. Благо ее в ночной мгле и не видно было совсем.

Да вот так, хоть я доложил в предыдущей главе своего жизнеописания, что организованный отход (хорошо хоть еще не позорное отступление!) был свершен в светлое время суток, но куцый отрезок окончания, буквально десяток шагов до стоянки мы совершали в стремительно наступающей темноте. Прямо как я уже и говорил — сразу и быстро, прямо хоть ложись и разлагайся до следующего дня. Пришли в концовке буквально на ощупь, глядя на ориентир костра.

И, конечно, нашим женщинам (моим женщинам, если уж честно) в этой темноте было, если не страшно, то уж дискомфортно, безусловно. Ведь темнота это не только темно, хоть глаза выколи. Это даже, в первую очередь, страшные тягучие звуки тропического леса, с его непонятым ваваканием, страшным писком — визгом, оглушительным треском. И даже не знаешь, что и как, но очень не хорошо. По себе представляю. Скажем, буквально в соседних зарослях жалобно закричал умирающий ребенок. Аж кровь в жилах заледенела. А ведь это всего лишь кролик предсмертно закричал. Жалко его, естественно, но ведь льву тоже хочется кушать и он тоже наш.

Так у костра всю ночь и пробоишься, А тут их мужчины пришли — сильные, уверенные в себе! Наташа на радостях меня расцеловала и даже Вика чмокнула куда-то между щекой и ухом и поскорее отодвинулась от недовольного взгляда красивой мамы в другую сторону околостровской площади.

Женщины хотели нас сразу покормить чем-то рыбьем-рачьем, приготовленном из морской добыче, но я, отложив незаметно стул, поднял освобожденную руку в запрещающем жесте. Сначала дело, а потом вкусная, питательная еда. Кстати...

Взял у Вика шкуру, развернул ее и торжественно вручил Наташе внутренности, как прекрасные цветы. Ха, а вы попробуйте побыть несколько суток на вегетарианском силосе, потом на одной рыбе и морских членистоногих. Выберите тогда цветы или печенку (сердце, селезенку и еще чего, в слабом освещении костра не разберешь)?

Подруги сдержанно отреагировали, ожидая еще какой-то добавки. Ведь не пришли же мы с одними внутренностями, а все остальное мясо оставили? Не стал разочаровывать женщин, показал им тяжелые задние ноги оленя.

Наконец-то они, не сдержавшись, завизжали в ультразвуковом спектре так, что Вик с

воплем: «Мама!» кинулся затыкать свои бедные уши. Впрочем, звуковой беспредел длился недолго, больно уж всем покушать хотелось нечто мясного запеченного. Что же, исходя из гендерного разделения труда, резать и мыть добычу разрешил дамам, а вот подвешивать на освежившем костре стали только мужчины. И не только взрослый я, но и молоденький Вик.

Вы, между прочим, зря подумали, что я мужской реваншист и постоянно отодвигаю женщин сразу. Нет, просто я считаю, что нам, людям, природой положено, то мы и можем, согласно половому разделению. Я вот, например, никогда не рвусь рожать, пусть даже и на западные коврижки в виде несколько миллионов долларов. Вот и вы, милые, нежные дамы не суйтесь к открытому огню, еще обгорите ненароком...

— Руки обожгла, милая? — спросил я у Вики наугад, когда она у жаркого костра как-то взбаламошенно и жалобно вскрикнула. Ну, зачем полезла, знаешь ведь, твой сынуля, такой маленький, но такой уже опытный, сделает гораздо лучше и без этой несносной боли.

— Да. Сережа... Сергей Леонидович, — поправились она, метнув взгляд в сторону находящейся в постоянном карауле матери.

Я же только ухмыльнулся, постаравшись сделать этот как можно незаметнее. Ох уж эти женские мелочные беспределы, когда родные мать и дочь делят одного дорогого мужчину! Не фиг, что ли, делать совершенно? Так кусок мяса ошинкуйте!

Насильственно повернул голову моей юной и очень красивой, но такой бестолковой падчерицы от грозной и неумолимой мамы в сторону от небольшой реки (просторного родника):

— Отпусти руки в уже слегка прохладную воду, тебе и полегчает. Зуб даю на любой спор, моя прелестница!

— Там темно и страшно, — очень занятно и привлекательно потупилась Вика. Будь мне двадцать мальчишеских лет, обслюнявился бы на все лицо. Но поскольку мне было уже больше (значительно больше), молча насильственно повел ее в направлении одного источника. Женщины ведь!

А то бы я ее не понял с простенькими намерениями! В семи-восьми шагах от большого костра, находясь под охраной бдительных вооруженных мужчин (я — арбалетом и копьем, Вик — метательным дротиком) боятся только соромится. Да даже царь зверей лев побоится напасть на женщин с их собственным страшным оружием — ультразвуковым визгом многоцелевого назначения, да еще с костром и мужчинами.

Просто эта очень хитрая и в то же время наивная женщина или даже девушка (я имею, прежде всего, не физический или даже сексуальный аспект, а моральный) хотела вытащить в сторону единственного на острове мужчину (сын Вик не в счет) и там, в темноте, его пожрать до последнего кусочка.

Щучу, конечно, ни сожрать и даже не изнасиловать девочка Вика еще не может из-за ожогов рук. И ведь куда, дурочка, недавно полезла? Костер — это вам не газовая горелка, здесь просто так не выключишь при опасности. А термальные раны, по себе знаю, очень больны и очень неприятны. Не дай бог получить ожог! Она же еще имеет волю молчать и терпеть. Сразу видно, что внутри этой юной детули находится взрослая женщина с каменным характером.

Встал от доморощенного шашлыка, попросил Вика посмотреть, чтобы тот не подгорел и хоть по кусочку попал маме Наташе и дочери Вике. И молча повел девочку, обхватив ее за талию. При чем, вы опять, наверняка, не то подумали. Руки у нее обожжены, пусть не полностью, но очень больно даже чуть-чуть притронешься. И чтобы ее отвести без

голословного и бестолкового бормотания, остается только потянуть за талию. А как еще? Ноги — низко, за грудь — откровенно безнравственно, за прическу — ей самой противно. Да не культурно это — лапать грязными руками такие воздушные волосы.

Пришел к воде, на самом видном, между прочем, месте, посадил ее, заставил опустить руки в прохладную воду. Больно еще, милая? Понимаю, по большому счету тебе бы сейчас проколоть антибиотика и витамины, обмазать мазью или, хотя бы, стрептоцидом места жгучего ожога. Но нет ведь ничего, кроме этого родника!

Прохладная вода позволила ей немного облегчить боль и вернуться в действующую реальность. Рядом же такой красивый и притягательный мужчина! Вика несмело улыбнулась, посмотрела на меня, как ей казалось, сексуально-мило, а мне жалостливо-грустно. Я ее не обманул, щедро глянул в ответ, посулил:

— У нас нет ничего жесткого и медицинского, так что ничем колоть тебя не будем. И врач-мужчина не станет нахально щупать тебя хотя бы взглядом. Все будет хорошо!

Ну все, как мог, поддержал, Вика заулыбалась и уже не робко-болезненно, а притягательно-завлекательно. Мужчины без памяти, парни задрыгали конечностями. Отошла хоть немного, милая. А то! Сексуальные отношения самые базисные, дошедшие до нас от еще примитивных троглодитов. Штамповать себе подобных при любой возможности — это закон всех живых, иначе сдохнешь, как вид. И если Вика об этом вспомнила, то слава богу!

Подмигнул ей поощряюще, не в плане разврата, понятно, а как поддерживающе слабое здоровье. Мы еще и проживем!

Так, теперь из практики. Теоретически-голословно я знал, что в сыром виде речной ил местами лечебный, или иногда лечебный, и он здорово помогает. Короче, попробуем на деле. Вам ила не надо? Ну а у нас хуже уже не будет, не в страшную же пасть здоровенному крокодилу я ее засовываю?

Осторожно обмазал все обожженные места рук, стараясь не делать ей больно. Натерпелась уже. Затем обхватил ладонями ей голову в сфере висков, постарался перенести жизненную энергию. Биоперенос называется. Иногда очень даже помогает. Не знаю, я не шаман, получилось ли чего, не скажу. Во всяком случае, в результате я явно ослаб, а Вика смогла заснуть, отойдя от сильной боли. Тогда это мне казалось самым обыденным и само собой разумеющимся. Я же не знал, что в будущем это девчуля вытащит это в качестве железобетонной причины таскаться всюду за пушистым мной!

Но пока все было хорошо. Даже Наташа, пришедшая к нам с контрольной проверкой, не нашлась к чему придрататься и устроить большой скандал. Хотя шла она сюда с четкой задачей — поймать и огрести обоим — мне с дочерью — на горячем. Тоже мне подумала, что я ей Казанова — сначала позаниматься любовью с матерью, потом еще и с дочерью?! Кстати у меня еще и с Наташей интима не было, гребаный остров! Может, она и из-за этого столь придирчива и вспылчива до нельзя?

Но нет, так нет. Вика уютно лежала на жиденькой охалке молодых ветвей кустарника, положив голову мне на живот вместо подушки. Ничего фривольного в этом не было, скорее отцовского. Наташа, что не менее важно, считала так же. Она смягчилась, присела на корточки около нас, тихонечко спросила:

— Выздоровливает понемногу?

— Должна, — поддержал я ее, в душе подивившись решительному оптимизму. Был бы здесь антибиотик или другие сильнодействующие лекарства, можно было не тревожиться и

мне. Но на острове это будет кошмар! Или, хотя бы дней десять — двадцать тяжелого времени у нас и беспробудной лежки у нее. Ничего не поделаешь, дикие места, цивилизацией здесь еще не пахло!

Видимо, что-то у меня пробилось на лице, Наташа в скепсисе покачала головой, то ли не согласная с моим пессимизмом, то ли, наоборот, громя в думах мой оптимизм.

— Кушать будешь? — спросила она меня, настраиваясь на серую обыденность, где все всегда голодно, а еды не хватает.

— Буду, — подтвердил я радостно, — тащи, что осталось. Мясо нечего жалеть, испортится только понапрасну.

— Я так рада за тебя, и за себя тоже, — улыбнулась Наташа, — обычно приходится бдительно экономить, чтобы хоть немного осталось на завтра. А с тобой разжиреешь, не заметив!

Она дала мне легкий подзатыльник, любя, конечно. Я ей в ответ шепнул, что у нас есть некоторая возможность придержать форму, остались бы одни. Наташа многообещающе провела по лицу.

Семейный интим, легкий и волшебный, был грубо нарушен родимой дочерью. Не общей, правда, но тем не менее. Она, казалось бы, спала десятым спокойным сном, не видя и не слыша нас. Но вдруг сказала, не открывая глаз:

— Мама мне тоже, пожалуйста, принеси пару кусочков этого вкусного мяса. Очень уж кушать хочется, аж желудок поскуливает.

Однако, я не стал идти на поводу у Вики, придя к совсем другому, радикально противоположенному выводу:

— Не зачем сюда таскать мясо, лучше как-нибудь сами дойдем до костра. Ты относительно легкая, прошвырнемся как-нибудь, не обломимся.

Вика хотела было возразить просто из принципа, как женщина мужчине. Но текущая температура было жестко за меня, и ей пришлось промолчать. Ведь погода в этом районе была сугубо экваториальной — жаркой днем, и относительно холодной ночью. При чем, я полагал, что весьма относительной. До нуля градусов здесь не доходило очень даже много. А тело, нагревшись днем, ночью очень резко реагировало на любую прохладу. Получишь воспаление легких или даже ОРЗ, тоже достаточно.

А у костра все же тепло и уютно, можно поесть и поспать до полуденной жары. Так и проспишь всю нехорошую болезнь.

К моему большому удивлению, девочка моя, поднявшись с моей помощью, пошла легко, правда, опираясь на меня. Но все равно, это весьма заподозрило меня. Она, что дурит меня (нас)? Таким образом, потихоньку отбирает мужчину у мамы? Вот ведь какая гадина.

Или, это я столь эффективно ее лечил? Обалдеть какой лечебный ил, переход энергии от меня к ней сугубо сильный? Спасибо, конечно, очень тронут. На публике я, пожалуй, соглашусь, особенно при красивых женщинах. Но про себя промолчу, хе-хе. Слишком уж я стар, и пусть водный источник меня омолодил, но разум-то такой же, пусть и пропитан сейчас гормонами.

Вика, между прочим, мои испытующие взгляды видела, но явно сознательно промолчала, что резко меня подвигло к первой из предложенных версий. С женщинами всегда так — не верь им, подозревай, в 99 % из 100 не ошибешься. Как они живут после этого?

Хмыкнул, поел у костра еще теплый шашлык. Его вручила, естественно, Наташа. Молча

со скепсисом показала на Вику: «Болеет девочка или просто придуривается?»

Показал так же жестами, что, скорее, придуривается. То есть ожог у ней вполне есть, но не такой уж теперь сильный и не такой болезненный. Правду люди говорят — маму трудно обмануть. Его еще можно, да и то не полностью, как-никак отчим, родная душа, пусть не своя кровь.

— День уже начался, поэтому встаем, народ! — скомандовал я, — сам хочу спать, но время уже около пяти, а проблем сегодня много, как бы и не успеть за день. Посему, чтобы хоть немного поесть, надо поработать!

Дела, конечно, были не столь печальны, чтобы так бешено трудится, но как-то так. И вообще, трудится никогда не вредно, а вот лениться точно нельзя. Раз нельзя уже поспать, ищем дела трудовые. И врубаемся в них, как можем.

— Вика, — обратился сразу же к падчерице, — не только хищные звери, но и все проблемы приходят, прежде всего, к самым слабым членам семьи. Ты наше самое слабое звено, придется начать с тебя. Как ты?

Вика на прямой вопрос в упор сначала попыталась отвертеться. И я ее понимаю. Разумеется, она бы хотела притвориться больной. Страдающая девушка всегда вызывает жалость. А когда она и не болеет совсем, то под этим соусом может проводить какие-нибудь личные животрепещущие проблемы.

Но с другой стороны, безлюдный остров — это очень необычная ситуация, люди здесь злые и чрезмерно занятые своими заботами. Как бы ей и не попало, ведь жалость многогранна, могут так пожалеть, что потом икаться станет много и невнятно. Тем более, ее вроде бы и так уже подозревают в обычном симулянстве.

Правильные мысли. Чтобы подтолкнуть ее и в дальнейшем в этом направлении, надо сказать пару нужных и «ласковых» слов. Поэтому решительно продолжил:

— Впрочем, не говори, дай я лучше тебя проверю тактильно.

На эти слова Вика сначала оживленно шевельнулась. Постаралась придать себе сексуальную пазу. Она же теперь юная девушка и еще лежит! Но под грозным взглядом мамы Наташи оживление ее быстро исчезло. Когда тебе уже за тридцать и ты в некотором расстоянии от родительницы, ее желания еще можно игнорировать. Но когда уже меньше двадцати и ты опять, пусть хоть временно, но зависишь от «старой» женщины, всякое желание исчезает.

Тем более, этот мужчина, как бы и ее и одновременно мамы, так не считает. Или тоже боится взгляда своей Наташи? Когда Вика попыталась под его вытянутую руку подсунуть лоб, ведь так правильно? Но он, «не видя», взял ее левую конечность, ловко обойдя стороной лоб.

Вот же противный гад, он еще потом как поплачется! А пока что ж, она вяло опустила руку, почти как для поцелуя, хотя оба понимали, что для медицинской процедуры проверки пульса.

— Мне уже стало легче, — доверительно сказа она, как юная девушка взрослому мужчине — доверителю, которому можно верить, но добавила: — хотя ожоги еще болят и в целом лихорадит. Немножко, — поспешно добавила она, видя, что снова начинает проверять пульс.

— Немножко еще болеешь, — пошел он у нее на поводу, смотря, однако на Наташу. И вывод у «отца семейства» был уже совсем не в ее пользу: — но в целом, учитывая экстренную ситуацию, можно сказать, что Вика уже условно здорова. Пусть сидит у костра и

помогает готовить пищу. И она время проводит и всем хорошо.

— Мне бы еще обмыть руки от ила, — жалобно попросилась Вика, показывая свои грязные верхние конечности. Мол, дяденька, пожалей засранку.

Но Логинов и тут ее обломал на радость Наташе, сказав отрывисто, хоть и ласково:

— Наташа, помой дочери руки и не допускай больше до костра, а то еще раз будет и не так весело. Умрет ведь, бедолага!

Лучше бы он ее ударил ее по лицу... нежно и бережно, конечно. А то так оскорбил, да еще не однократно и весьма грубо. А она ведь девушка!

Но я решил уже не вмешиваться в проблемы женской сферы. А то там всегда найдутся трудности и гадости, только поворачивайся. А он кормить, между прочим, должен их же. А не накормит, сами же озлобятся.

— Вик, как жизнь? — ласково спросил он мальчика. Видя его вялую реакцию, сам продолжил: — вижу, что хорошо! Пойдем, дружище, сейчас на корабль? Будет интересно.

Что тут началось! Путешествие это было давно отмечаемое и для женщин весьма увлекательное. Разумеется, они тоже желали!

А он хотел, между прочим, идти только с Виком, но женщины так заволновались! Пусть Вика с болезнью, хотя и не очень на самом деле тяжелой, легко отобьется. Но ведь и Наташа страшно загомонила, и я понимал, что ее уже никак не остановишь. Эх!

Вместо того, чтобы быстро и почти не видно мы вдвоем прощмыгнули к кораблю и обратно, пришлось идти шумной медлительной ватагой, гремя и крича по всей округе. Мда-с!

Одно хорошо, был короткий промежуток времени между ночью и днем, когда ночные звери уже спали, а дневные еще спали. Или, по крайней мере, так было и в лесу обреталось довольно тихо.

Активность женщин я успокоил весьма просто — предложил им самим всюду совать любопытный нос, объяснив это тем, что агрессивные звери их съедят и тем успокоятся. Зато мы пройдем спокойно и без опаски за свою жизнь.

Наташа и отчасти Вика этим оскорбились и частично успокоились. Во всяком случае, всю дорогу шли за мной обиженно, не разговаривая и не реагируя на мои слова. Да, в общем-то, и ладно. Дисциплина была на уровне, особенно после показа какого-то животного, по моему, шакала, по степени опасности, не больше. Женщины его испугались, однако, как льва и от кончика моего копья от меня не удалялись.

У меня же было такое впечатление, что мы где-то сумели проплутать, видимо я немного ошибся. Во всяком случае, к кораблю мы прошли только в жаркий полдень или на уровне этого, а ведь это всего лишь остров! Где тут полдня проплутать? У меня в эту экспедицию точно укрепилось подозрение про агломерацию на линии пространство — время. Что-то здесь не то. Очень даже!

И если на других территориях это всего лишь была параноидальная подозрительность, то на этом острове с источником молодости (термин мой), и неожиданных находок типа сторожки АБЗ, которая вдруг появилась в это мире с приличным куском земли моего мира, все возможно.

У меня, кстати, появились два тревожных вопроса:

во-первых, а что если переносом от умеренной полосы в тропическую все не окончилось и я уже сам в параллельном мире? То есть не Наташа с родственниками плутает в мирах, а я?;

и во-вторых, не ограничится ли двумя сбросами натиск на остров? Я-то ведь сюда попал, так почему бы еще не попасть людям — пиратам, разбойникам, просто бандитам?

И ведь этими нехорошими вопросами имеющаяся повестка, видимо, не ограничаться. И по сравнению с ними, капризы Наташеньки и Викули кажутся такими безопасными и просто домашними, совсем не опасными.

Но будущее событие на корабле совсем уже показалось мне угрожающим. Остров, до сего времени грозившийся дикими зверями, голодом и холодом, навис вдруг смертельной мистикой.

Впрочем, все по порядку. Мои новые родственники сюда еще не ходили и долгое путешествие их не удивило. Больше их мучили, как я уже говорил, нападения внезапных зверей, а еще жара, усталость и так далее. Вика, скажем, заблудилась в колючем кустарнике и изрядно исцарапалась. Наташа внезапно ударилась ногой о камень. К счастью, без перелома, а небольшую рану я замотал местным лопухом, дойдет как-нибудь.

А потом перед нами появился знакомый мне корабль и, к большому удивлению, даже обалдению, мертвец на досках причала. Он был таким обычным и обыденным, что я даже подумал, не другой ли? Мало ли что, на острове полно опасностей и человек здесь явно оказался не один, Наташа с младшими родственниками не исключение.

Но потом подошел поближе и увидел — тот же! И если конкретные черты лица я не заполнил, а общие могли и совпасть. Мало ли, например, арабов иди, хотя бы, негров. Но знакомая куртка меня уже напрягла, а такой же кинжал дове до шока. Я вытащил клинок, взятый у этого же мертвеца, и тщательно сравнил. Ножны, рукоять, все такое!

Это неожиданно привело меня в неистовство. XXI век на дворе, что вы меня пугаете доморощенной мистикой? Пытаетесь на слабо отвадить от корабельного имущества? Фиг вам, негодяи!

Решительно столкнул труп в море, как уже делал в прошлый раз. Мертвец так же с шумом упал. И даже, вроде бы, еще легче и безшумнее.

Теперь корабль в нашем полном распоряжении!

«Черный» корабль и темные замыслы

— И вот это все твое?! — восторженно — вопросительно спросила Виктория, цепко держа сына. Или, наоборот, держась за него. Я как-то не в суматохе не определился, а девушка (пусть будет так!) слабая после ожогов и, по-моему, еще и боится здесь. Сидела бы на стоянке, так нет, поперлась и Вика потащила.

Мы смело пошли на чужой корабль, даже не зная, куда вляпались. Впрочем, ладно, скажу заранее, никто не умер и даже не был изнасилован. И все благодаря мне, Сергею Леонидовичу Логинову.

— Нет, это все НАШЕ, — голосом выделил я, приказал: — а теперь слушай мок команду: — мы с Наташей пойдем прошерстим трюмы. Я уже был там, но тогда брал на одного и много что оставил. Вика и Вик остаются на палубе в ранге часовых. При первой же опасности подавайте сигнал голосом и ныряете к нам. Ясно, шантрапа?

— Мне страшно, — сухо и как-то безжизненно заявила девушка, — я хочу с вами... с тобой!

Вот ведь... кикимора! А, видимо, ей действительно страшно. Ничего, на этот случай есть эффектный случай- напугать так, что самый опасный буду я. И она будет бояться меня, а не гипотетическую опасность.

— Это война и мы в военном положении! Если что не понятно, буду дополнительно разъяснять, Вика, — я взял ее за подбородок и пояснил: — вицей по заднице. И без сексуального контекста!

Я что сказал наоборот — с сексуальным контекстом? Или так повлияла моя рука? Вика вдруг покраснела, щечки у нее покраснелись. Прямо-таки девушка на пороге секса. И ей он очень хочется.

Не обратил на это внимания, иначе с этими бабами будешь трындеть весь день. Командно сказал:

— Сидите на скамейке гребцов, никуда не ходите и ничего не ищите. Старший — Вик. Пойдем, Наташа!

Схватил ее на руку, чтобы она не сопротивлялась и спустился в темноту трюма. Там было тихо и так же по-прежнему. Это успокоило меня и настроило на деловой лад:

— Значит так, Наташа, наша главная задача — утащить отсюда максимум предметов и продовольствия. Поэтому что мы должны сделать?

— Что сделать? — эхом отозвалась Наташа и испуганно посмотрела на меня. Что же они так испуганны-то так. По природе такие, или обстановка радикально изменилась и они все не придут в себя?

— Ищем сумку или, хотя бы, кусок материи. Одновременно цепляем на себя оружие, одежду, инструменты, все, что попадет. Понятно? Лишнего на острове ничеготнет!

— Ага, — бромортала она и вцепилась в правую руку, как клещ после долгой голодовке. Нет, это невыносимо! Заставил мою женщину вцепится в левую руку, если уж невмоготу, и потащил ее по внутренностям корабля. Будем получать из лимона лимонад, если ничего лучшего не найти. Ведь коли женщины вцепились в меня и потащили Вика, значит, у меня оказалось три пары рук. Тащите, паразиты.

Сумок мы, конечно, не нашли, но, к моему крайнему удивлению, сразу же наткнулись

на нечто вроде чехлов из грубой ткани. Что уж они туда заворачивали, непонятно, ну а мы будем класть туда все, что здесь попадет вне особенно на ценности.

Сказано — сделано. В один чехол положили максимум найденной посуды, практически все, — чашки, ложки, даже кружки. Большой котел я перехватил просто за плечо. Так сойдет, а на палубе все равно пересмотрим груз исходя из количества грузчиков. А вот не фиг тут ползать под ногами и ныть, что страшно!

С чувством неимоверного удовольствия я собирался покинуть эту часть трюма, прихватив, как я думал, почти все, но не тут-то было! Все-таки женщины это другие люди. Или, это совсем не люди. Ангелы какие-то или, хм, чумазые черти.

В общем, Наташа где-то нашла большой сундук или, точнее, ларь, а в нем — завал продовольствия. Вот ведь какая пробивная!

Внутренность корабля состояла из досок, скрепленных шпангоутами, здесь, судя по грязи и старости, было очевидно, что судну уже не один десяток лет. А может и сотню! А если учитывать темноту, фига ли я найду! Свет-то здесь от преломленной дыры, огонь же зажигать я опасался. Деревянный все-таки корабль.

А вот Наташа, слабаягородская женщина, классическое гомо интеллею, сумела найти! Кто из нас лучше приспособлен к островной примитивной жизни после этого?

Разумеется, мы вцепись в эти продукты, пусть грубо обработанные, пусть старые и замшелые, всеми руками и зубами. Крупа или зерно! Хлеб или сухари, масло в кувшине! Продукты были старые и слабо отработанные, но это были продукты — мешочек с чем-то растительным и рассыпчатым килограммов на десять, куски чего-то хлебного численностью на десяток и кувшин среднего размера. Хо-хо, да с нашим свежим мясом тут на две недели обалденного питания!

Продукты мы полностью сложили в чехол Наташи, несмотря на ее тихое, но настойчивое нытье. Я сам понимал, что женщине с ее ручками и ножками будет очень тяжело и она, скорее всего, до стоянки груз не дотащит. Ну, а кому сейчас легко, Маша? А на палубе груз разделят на шесть рук.

Заваливал я грузом Наташу не из черствости и злобности. Просто после нахождения сундука-ларя у меня вдруг, как молнией, пробило понимание, что мы еще что-то найдем и оно будет весьма ценное. Просто его надо будет найти и кроме него, Сергея Леонидовича, это окажется некому.

Повинуясь этому новому чувству, я дернул за какую-то доску на стене. Она вдруг слегка поддалась. Совсем немного, но сразу созрело осмысление — это же деревянная ручка двери, а за ней небольшое помещение. Ну и не пустое же оно, в конце концов?

Потянул рукоять посильнее, держась левой рукой за клинок на поясе. Нам ведь ни что не грозит, а если кто-то и нападет, мы тоже не лыком шиты!

Открылось. Это была капитанская каюта (я так понимаю), небольшая, но светлая от солнечных лучей в иллюминаторе, роскошная по сравнению с остальной частью корабля. Стены частью оббиты богатой тканью, частью красными душистыми дощечками. Изящная мебель, хоть и в небольшом количестве, красивая ткань на узкой кровати. Или скамья? Подвинул ее, как нижнюю кровать в железнодорожном вагоне. Та удивительно легко подвинулась к стене.

Сразу стало свободнее, я подвинулся и пустил свою женщину, которая лезла настоятельно, я бы сказал нагло, старалась влезть за мною в помещение. Бойтся в темном коридоре? Хочет попасть поближе к богатствам каюты? Ох, никогда не пойму женщин!

Судя по тому, что как она влетела из коридора — точно боится. А вот, что немедленно рванулась к безделушке — к богатству.

Вздыхнул, посоветовал:

— Осторожнее будь, обычно в таких помещениях бывают какие-то смертоносные капканы.

Наташа как-то странно на меня посмотрела:

— А я уже попалась и теперь не могу бросить.

Опять вздохнул про себя, сказал мягко:

— А ты положи обратно, все будет нормально.

Наташа заметно нервно заявила:

— А то я сама не знаю. У меня руки не шевелятся, парализованы. И голова какая-то шевбутная, как будто пыльным мешком ударили.

И что с ними будешь делать? Почему со мной ни что не станет, а с этой обезбашенной женщиной обязательно?

Потянулся к ней с намерением отобрать эту опасную безделушку. Не буду же из жены делать обезьяну с гранатой.

Но прежде чем взять, внимательно оглядел. То ли свет в каюте был особенный, то ли что еще, но я увидел, что от нее идут темные волны. Но для меня они теплые, вот переходя к моей женщине, явно холодели.

«Это аура, — предположил я, — и, похоже, ко мне она относится положительно, а к подружке — отрицательно».

— Не-ет! — тоскливо закричала Наташа, — ты тоже можешь погибнуть. Не лазь уж лучше!

Вообще головы нет! Она же не умерла, а только руки парализовала. И как парализовало? Небошь, просто онемели конечности, как это с ними происходит в проруби с ледяной водой, а она уже запаниковала.

Осторожно вытащил из ее рук безделушку? Хм, прибор? И еще магический? Да недавнего времени я бы только посмеялся, но здесь увидел столько, что только выявил, что, как теоретический вариант, подойдет. И почему-то мне вдруг представился большой грозный тигр, широко зевающий, как после долгого сна.

— Наташа! — наставительно сказал я своей женщине, — у нас гендерное разделение ролей — ты красивая, а я умный. И не будем мешать природе развиваться.

Она что-то пробурчала, тихо не понятно, а я добавил:

— Первое правило сапера — осторожность во всем. У саперов нет учебных мин. Только боевые. А ты сразу, даже не поцеловав меня, стала хватать чужие вещи. И потом удивляешься, руки парализованы. Как еще жива осталась с такой активностью.

Говорил, а сам медленно подвигал руки к безделушке. И вдруг мне стало понятно, что это не просто красивая вещь или даже драгоценность. Это явно магический артефакт, а магия эта темная, но для меня не страшная.

Ой-ей-ей, я что же, некромант, темный маг в чудовищном облике?

Подумал, и ничуть не испугался. За первую жизнь я уже столько насмотрелся и надумался, что будь какой злодей, давно бы или сидел в тюрьме, или пролез в губернаторы. Но не получилось, ни первое, ни другое, значит, пусть и темный, но не страшный. И жрать людей я не хочу, даже кушать.

Еще я понял, что артефакт на этот момент пустой, аккумулятор в нем разряжен, иначе

простой человек (не маг) давно бы уже умер. А вот ты — темный маг (ого, — подумал я про себя) должен его напитать и сделать рабочим. Для этого просто повесить на цепочке на шее, а сам Гжее положить на грудь.

— Хо, вот ты какой, аленький цветочек. ГЖЕЕ! А что это такое?

Поскольку мой мысленный посыл был направлен к артефакту, то он вежливо ответил и даже по-простому:

— Я — магический рабочий инструмент темного мага Грава о Нула для преобразования магического пространства я обычное. К сожалению, о Нул недавно умер и я совершенно свободен. Владей мной, мой новый хозяин!

Сказать, что я был в обалделом состоянии, это еще ничего не сказать. И это при том, что мне, как жителю XXI века, не внове было слышать от одушевленного предмета озвученные эмоции. И то, что предмет этот даже стал псевдоличностью за счет получения характеристик биоробота, тоже меня не удивило. Чай не в темном средневековье живу! Наука, так сказать, пыхтит и развивается семимильными шагами, скоро и пылесос будет разумным и станет спорить с хозяином о сложной философии старика Гете.

Меня ошарашило другое. МАГИЯ! И не простая, а темная. ха, я попал в сказку? Или может быть, я просто попил (понюхал, вколол) наркотика и сейчас лежу на палубе корабля, как тот мертвец (псевдомертвец?).

— Наташа, — попросил я жену (пока еще псевдожену, о господи!), — ущипни меня, пожалуйста.

— Ущипнуть? — удивилась она, поспешила доложить: — если ты беспокоишься о руках, то я их полностью контролирую, вот!

Женщина (девушка?) подняла руки гордо вверх, потом положила мне на плечи. Я почувствовал их тяжести на плечах и немного успокоился. Но все-таки немного боли не помешало бы.

— Дурная, я не тебя пытаюсь узнать, жива ли ты, а себя, — укорил я ее и потребовал: — ущипни!

Хм! — оценивающе посмотрела она и сделала условный книксен, затем щипнула, да еще как! Не руки, а щипцы! Слезы из глаз, сопли из носа. Ладно хоть не пописал от щедрот души своей.

— О-ой! — вскрикнул я, — не так же больно, нехорошая ты женщина! Я же все-таки муж твой пока!

После этого мне пришлось отвечать сразу на двух уровнях: вербальном — Наташе, и мысленном — Гжее.

— Я пока не видела и не почувствовала, что ты муж! — заявила эта хитроумная женщина и масляно посмотрела на меня. Дескать, я уже все сказала, смелей!

Одновременно на ментальной плоскости Гжее бодро сообщил, что на хозяина произведена несанкционированная атака и привнесен незначительный ущерб. Принести ответный удар? Магический, физический?

Гжее я ответил первым, сообщив, что атакующий объект является моей женой и все это лишь прелюдия сексуального контакта. Реагировать никак не надо.

«Ты ведь знаешь, что такое секс?» — на всякий случай спросил по ментальной связи я. А то еще поцелуешь Наташу, та ответит и начнется при помощи артефакта первая магическая война с применением всех средств нападения и обороны.

«Конечно, — как мне кажется, удивленно протелепатривал Гжее, — физическая

любовь, а также медлительное, болезненно умерщвление — это два способа быстрого чрезвычайного накопления темной магии. Мой прежний хозяин не раз употреблял их для подъема магического уровня. Давай, новый хозяин, если ты хочешь секса, то я только ЗА. Мой магический уровень все еще за критической чертой и, если просто ждать, пока накопится магия, то понадобится слишком много времени.

Что ты будешь делать! Внешне рядом стоит красивая женщина, от которой так и брызжет сексуальные феромоны, изнутри подталкивает артефакт, нуждающийся в магии. А я что? А я ничего! Я, между прочим, мужчина среднего возраста, здоровый и дееспособный и у меня давно, почти десять лет (о, господи!) не было секса!

А жена, между прочим, так двусмысленно улыбнулась, глядя на меня, и вновь разложила кровать капитана.

— Ты можешь определить уровень текущей опасности? — спросил я у артефакта, и обнял Наташу. Что он, девочка, чтобы его уговаривали?

— Это моя одна из главных задач из целого сонма прописанных, — как мне показалось, гордосказал Гжее, — постоянно определять угрозу опасности вам и всем указанными вами друзьям. На настоящее же время в близлежащих лесах есть мелкая угроза в виде льва и трех львиц, пяти волков и семи шакалов. Остальные живые и мертвые существа опасности не существует. Про дружественные объекты говорить?

Одна из этих «дружественных объектов» женского пола так страстно меня атаковала, целуя, что мне стало уже совсем не до информационной безопасности.

«Потом!» — успел я ментально передать и аккуратно положил красотку на местное ложе.

— Ты что делаешь, здесь же страшно! — ужаснулась Наташа, но рук своих не отпустила, наоборот, сжала сильнее. Женщины в своей стихии. Им все хочется и параллельно колется. Я этот фонтан красноречия заткнул легко — крепко поцеловал. И провел по ее крепким грудям.

— А-ах! — сладострастно вздохнула она и заставила лечь на себя. Наконец-то мы стали мужем и женой!

Я же сказал, что нам еще надо раздеться, ибо любовь в одежде это молодежные кувырчалки. А мы ведь не молодежь уже, а, скорее наоборот, старики, хотя и молодежные.

Эх, если бы было семейное ложе, с которого не надо спешить! А так, Наташа все чего-то опасалась на родном, в общем-то, корабле, Вика и Вик совсем дергались на палубе от невесты какой опасности. Да и мне, надо сказать, было любопытно узнать, что за это мертвые существа здесь шатаются и почему они не представляют опасности?

Однако и противоположные возможности в виде сексуальной красотки с ее чарующим телом и прелестями не спали, и я не мог от нее оторваться. В конце концов, борьба двух противоположностей — чарующего секса и трезвой реальности закончилась победой последней, когда на палубе отчего-то дико закричала Вика.

— Что за черт! — выругался я и, кое-как одевшись, хотело было побыстрее побежать на палубу. Какой там!

«Хозяин, не бойся, никакой опасности нет ни тебе, ни твоему гарему, — спокойно протелепатировал Гжее, — обстановка под полным контролем, запас магии полный, 100%!»

— Ах эта Вика, опять придумала опасность! — с досадой потянулась на кровати Наташа. Ее великолепное тело заставило меня опять забыть об опасности, которой, тем

более, вроде бы и нет.

Но Наташа сама встала и споро оделась со словами:

— Заорется, потом будет нервничать, сами замучаемся. Лучше уж пойти и посмотреть.

Обняла меня, поцеловала в губы. Попросила как бы невзначай по мелочи:

— Пойдешь первым, да дорогой?

Ха, а я еще удивился ее любвеобильности! Если женщина будет ластиться к мужчине, сто процентов — ей что-то надо еще, от денег до мелочных услуг. Это мужчина, когда он пристаёт к женщинам по поводу секса, ничего не требует, кроме секса.

— Пойдем, — предложил я с таким сарказмом, что Наташа (умная все же женщина, пусть это и звучит дико) укоризненно сказала:

— Нам, между прочим, тоже секса хочется. Но и другое надо, а возможности нет, слабые и беззащитные. Вот и приходится обращаться к мужчинам, а вы все выламываетесь. Стыдно должно быть!

Слабые, беззащитные, слов-то каких напридумавали, сами хоть верите? Ладно, Наташе еще поверю, с ее-то четвертым разрядом попробуй не поверь!

А потом мы вышли на палубу, и мне уж стало не до сарказма. Вика непрерывно орала, Вик, насупившись, держал в руках нож, как бы защищаясь. А перед ним была сама причина тревог — крепкий мужчина почти без одежды, но в цепях. Откуда он здесь взялся?

Этот мысленный вопрос я механически передал артефакту. Гжее немедленно протелепатировал:

— Я, когда работоспособен, автоматически создаю некротическое поле. Вот фантомы и создаются. Прикажете немедленно уничтожить?

Так это всего лишь фантом? Хотя как фантом. Ужасный призрак, могущий уничтожить все живое!

— Уничтожь, — согласился я на всякий случай. И перевел стрелки: — а то Вика уж кричит громко, ушам больно.

«Ужасный всемогущий призрак» так же как молча стоял, молча исчез, не оставив следа. И ничего он не страшен, сказочники напридумавали!

Оценивающе оглядел деревянную палубу и спросил Гжее:

— Как опасность?

Артефакт мгновенно ответил:

— Опасность ноль, — секунду подумал, что, означало, с его быстродействием, сильно задумался над проблемой, спросил: — хозяин, может, тебе надо передать информацию о темной магии?

Я тоже об этом уже несколько раз подумывал. А то, что же получается, темный маг, могущественный не могущественный, но единственный, а совсем не образованный.

— Да, Гжее, научи меня, когда у меня будет время, — согласился я, — а то я в магии совсем новичок.

— Не бойся хозяин, — явственно порадовался артефакт, — я не буду тебе мешать, буду сразу накладывать в голову. Ты просто «вдруг» будешь узнавать новый материал.

Даа? — только и подумал на это я, — а это не окажется на меня негативно? Уснешь одним, проснешься другим.

— Нет, хозяин, — беспечно протелепатировал Гжее, — знаешь, сколько магов я уже вырастил? Предыдущий перед тобой Граве о Нула, поначалу отзывавшийся на прозвище «малютка Нул», пришел слабым пареньком, а погиб могущественным магом.

— А отчего он погиб? — подозрительно подумал я. Что-то мне стало здесь неуютно. Если раньше я думал, что маг хозяин, а артефакт всего лишь инструмент, то сейчас мне стало казаться, что вечный могущественный артефакт меняет магов, как перчаток.

— Я чувствую, что ты меня подозреваешь в несуразном, — сказал Гжее печально, — а зря. Ведь я одновременно и твой родитель, и твой ребенок. Буду тебя всему учить и не только магическому, и только от тебя питаться магией, а значит, твоими мыслями, эмоциями. И без магии я просто не смогу жить. Последний раз, после смерти о Нула, я так пребыл в беспамятстве почти пять тысяч лет, пока ты не появился и не разбудил меня.

— Это что же, около тебя должен находиться живой человек — мужчина? «прозрел» я.

— Живой, — согласился артефакт, — но необязательно мужчина. Может и женщина. Главное, у него должно быть предрасположенность к темной магии. У тебя есть.

— А у остальных? — поинтересовался я до кучи.

— А у остальных нет вообще, — категорически отверг артефакт, — только у женщины Вики немного есть, но и то с предрасположенностью светлой магии. Ты особый, пойми это и смирись.

М-да, — крикнул я, — ладно, я согласен, учи.

Оглянулся вокруг. Это в напечатанном контексте оказалось много, а телепатически мы проговорили, наверное, не больше несколько минут. Вика не успела «пропеть» и одну протяжную ноту и «запеть» другую, когда я закрыл ей рот своей рукой.

Она так самозабвенно орала, что не видела окружающих. Моя рука оказалась для нее неожиданностью и она несколько раз пыталась мычать. Вот именно что мычать. Орать я ей не дал.

Вика любопытно скосила на меня глаза, мол, что мешаешь, мужчина?

— Все окончилась, милая, опасности больше нет, — сообщил я ей, — и передал остальным: — да и, собственно, не было. Это беззащитный фантом раба, готовый только к услужению.

— Да уж! — не поверила Вика освобожденным ртом, — он такой страшный и от него так пахло смертью. А вот от тебя так пахнет вкусно безопасностью. Век бы прижималась к тебе, папочка!

Было бы странно, если бы рядом не раздалось покашливание. Наташа показывала, что она тут, все слышит, не согласна и все скоро получат от нее на орехи. Ну я уж точно. Хм!

Какая бы магия не была, а вот женщины окажутся ревнивыми и злыми. Закон жизни!

Будни магической действительности

Как водится после активного путешествия и, особенно, бурного секса (это Наташа), женщины стали бойко нападать на своего мужчину. Он же теперь муж не только по названию, но и по факту. ЕГО мужчина. Так что с Наташей все понятно, семейная жизнь, как никак, когда женщина может прижаться тебе не только э-э-э передком, но и э-э-э филейной частью. Терпи, на то ты мужчина!

Одно непонятно, чего тут суетится Виктория, спрашивается, мешая матери? Родственные связи укрепляет? Пардон с кем — с мамой, с отчимом? Ну это она зря. Даже юная прелестница перестает быть очаровательной, будучи сердитой и прилипчивой. И Наташа, кстати, явно недовольна, ну-ка попробуем-ка мы столкнем этих родственниц.

Не зря я имел столько опыта с женщинами. С Наташей был мил и ласков. То есть ничего конкретного я и ей на ее ответы не сказал, но настоятельно говорил и говорил, заваливая жену многими сотнями слов. Зато ее дочь — мою падчерицу, наоборот, отталкивал недоуменными взглядами. Мол, что вам надо, милая девушка, я с нами не столь близко знаком, чтобы так общаться.

В крайнем случае, если она и этого не понимала, переводил вопросы Вики на маму, — дескать, она все скажет. У Наташи же сразу включился комплекс жены — ЭТО МОЙ МУЖЧИНА. Все соперницы — а взрослая красивая дочь явственно была соперницей — отсюда брысь, а не то порву на клочья. Или, хотя бы одежду разорву на те же клочья. В общем, разговор женщин все больше напоминал ссору вокруг мужчины, при чем сам мужчина был не в курсе, а зачем, собственно, они ругаются?

Внутренне же я твердо решил — про артефакт темных сил или даже просто некроманта я своим собеседников ничего не расскажу. Даже Виктору, а тем более, матери с дочерью. Я и сам еще не до конца все понимал и был готов к тому, что все эти рассказы Гжее будут обычными сказками, красивыми, но пустыми. А то и совсем бреднями обнюхавшегося наркомана. И что потом я скажу, одураченный старик?

Но еще больше я боялся, что это окажется действительная реальность, в которой я стал темным магом — некромантом. Не знаю, как бы я себя вел, но женщины мои могут ведь и убить. Наташа точно, кремень женщина! И не один маг, каким бы был могущественным, не выживет, если ему воткнут в сердце добрый матросский нож даже без наговора. А то и просто убегут от меня в пасть льва. А я уже так привык к моей Наташе и ее прелестям.

Короче говоря, единственно, чем я серьезно занялся, кроме недомолвок и отговорок, это передел захваченного мира, пардон корабельного груза.

Себе, естественно, взял больше всего (и тяжелее всего). Я же здоровый мужчина средних лет! К тому же, гм-м, Гжее показал мне, как воспользоваться гравитационными силами, благодаря чему общий вес груза составлял не более килограмма! Представляете?

Наташа и Вик получили груза меньше, чем я, но в целом все же много, а вот Виктория — Вика, которая еще была больна и слаба, что бы она там не говорила, потащила на своих плечах минимум полезных вещей. При этом я еще сумел отличиться. Сама Вика с обожженными руками, пусть и меньше, чем она показывала, но, тем не менее, работать не могла. И я ей помогал, разумеется, под тщательным присмотром Наташи. О-о, надзиратели могут быть свободны! Она, если и трудилась у себя в мире, то, по-моему, в тюрьме. Во

всяком случае, навыки у нее были хваткие и хлесткие, мышшь хвостиком не махнет!

Но и Вика была ее кровной дочерью. Как она смогла при таком-то хлестком надзоре умудриться так хитро крутить телом, что мои руки постоянно натыкались на ее груди. Они были у нее весьма крупные с учетом молодого возраста, и нам обоим было очень приятно, но рядом-то стоял цербер по имени Наташа и у нее все злее щелкали зубы. Откусит еще чего-то из конечностей и ладно бы руку.

Помог, ох! И пошли. Они — тяжело, но радостно, я — легко, но в тяжелом надрыве. Ведь надо пройти мимо постоянно появляющегося мертвеца и, по-моему, это был могущественный темный маг Граве о Нул! Нет, конечно, я тоже могу быть сильным и вроде бы темным магом, но будем честны — сейчас мне его не одолеть. Может, Гжее мне поможет?

Артефакт очень удивился. Настолько, что даже загудел всем своим аппаратом. Потом соизволил протелепатировать:

— Тебе совсем нечего бояться. По крайней мере, на данном острове ты единственный темный маг!

— А если появится вновь? — заикнулся я, припоминая, что маги, по крайней мере, могущественные маги могут производить телепортацию. То есть могут мгновенно оказаться в любой точке Вселенной.

— Можете не беспокоиться, хозяин, пока вы еще излишне молоды и слабы, я сам включаю маяк силы, — осклабился Гжее, — от этого все звери разбегаются, а маги предупреждаются, что здесь уже есть хозяин.

— А если кто осмелится напасть? — возразил я.

— М-м-м, Сергей Леонидович, встреча двух магов, когда один из них не хочет и не желает, это все равно, что столкновение двух черных дыр. Понимаете?

Я пока не понимал и не хотел понимать эту магическую безделушку. Спросил более конкретно:

— Мертвец на сходнях нам не помешает?

— А это не маг, реплика моего старого хозяина Граве о Нула? Нет, совсем не помешает. Можете даже опять сбросить его в море.

— А что такое реплика? — успокоившись, спросил я. То есть я, понятно дело, знал, что такое реплика в моем мире. Коротко говоря, новодел. Ну а что под ним имеет в виду тысячелетний магический артефакт?

— То же самое, — ответил Гжее, подслушав мои мысли, — я уже неоднократно говорил, что мой старый хозяин умер, а его душа ушла в иной мир. Реплики же, то есть в данном случае, новые тела, но без души самого Граве о Нула, а простые образцы его тела, появляются там, где было выплеснуто много его энергии, например, у входа на корабль, где его убили пять тысяч лет назад. Я просто своей магией там почистил. Все, тело там больше не появится.

Реплики? — вот же ж, вляпался! Спросил у Гжее, — послушай, я взял у мертвеца кинжал, он не исчезнет?

— Это реплики, а не фантомы, они материальные сущности. И кинжалы и тела, которые ты там сбросил в море. Все останется, а если и исчезнет, то естественно, сгниет или истлеет, в крайнем случае, проржавеет.

Чудны твои дела, Господи! — подивился я. Прошли пристань. Тела, действительно, не было. А то я боялся...

— Не то плохо, что ты боишься, — вздохнул Гжее, — плохо будет тогда, когда ты перестанешь бояться и нахально полезешь на смертельную опасность, не спросясь меня

Ха, да он у меня еще ворчун! Помог всем троим сойти на берег, внимательно осмотрел оставленный корабль. Нет, не на предмет различных опасностей, это я так знал. Просто это было место, где я появился из человека в мага. И не все человеческое мне стало доступно. Скажем, секс был, а вот дети могли появиться не от всех. Например, Наташа от меня стала бесплотна, а ее дочь Вик могла родить. Ха, а я хотел было вышвырнуть ее из острова.

Кажется, информация от Гжее у меня в мозгу появляется, и не сказать, что она меня так уж радует.

Пошли по острову к своей стоянке. Женщинам опять страшно и тяжело. Жара, духота, плохая дорога, по сути, звериная тропинка. Вот ведь, а никто не обещал им райских куш. Сидели бы на стоянке и не чувствовали трудностей. Ха-ха, бестолковые!

Впрочем, что-то было и приятное. На опушке леса нашли настоящее грушевое дерево, на котором были спелые плоды. Во время перехода на корабль мы его не увидели. Проморгали бы и сейчас, в очень уж укромном месте оно росло. Помог Гжее, который вытащил его на некоем подобии радара и протелепатировало об этом мне. А уж я вывел остальных.

Фруктовое дерево с кучей вкусных съедобных груш не могло не радовать народ. Но день постепенно заканчивался, и вскоре должна была начать царствовать темнота со своими негативными последствиями.

Я очень коротко, но вежливо сообщил этим увлекшимся «детям». Нет, со своей магией я бы нашел огни, например, даже огни святого Эльма, но зачем себя так поставлять? Вместо этого поторопил женщин и Вика. Побыстрее набрали по две-три груши — больше не влезло — и поторопились дальше.

На свою стоянку мы оказались быстрее темноты. Я еще, несмотря на усталость, успел собрать в лесу веток, а на берегу «корабельный лесоматериал», а Наташа нарезала мяса, когда наступила мгла.

Поставили на костер большой котел, который я нес, гм, на своем плече, вдев на перекладину. В нем будет первое. рядом поставили жарить шашлык — это второе.

За еду можно было не беспокоиться, как и за нашу дальнейшую судьбу, но меня уже очень сильно начала тревожить нехватка времени. Или ты, бестолковый дурак, зря беспокоишься? Но вот, например, сегодня тебе опять не хватало времени, хотя ты и ничего такого не делал.

Подумал на двоих вместе с Гжее, тот только мысленно пожал плечами:

— Это все естественный процесс и люди здесь ничего не могут сделать. Надо смириться и жить дальше.

Точно бестолковый, да еще дурак. Гжее меж тем продолжил:

— Некогда, давным — давно, темный маг, может даже Граве о Нул, так изогнул петлю времени, что оно у всех пошло быстрее, а у него, естественно, медленнее.

— ?? — рассердился я, — и это ты называешь «естественный процесс»?!

— Все, что люди не могут изменить, они зовут объективный ход времени, — философски ответил магический предмет.

— Ха-х! — я был почти взбешен на своего молочного брата по артефакту, но Гжее прервал мои мысли:

— Вижу, что ты сердишься на Граве о Нуле, а я вот сержусь на тебя, бестолковый пока еще ученик.

?! — удивился я искренне.

— Я сказал, что люди должны терпеть и жить. Но ты-то не человек, а маг и обязан просто активизировать магическую формулу.

Эгем, да, точно ведь! Я уже имел в голову информацию об истории магии и теоретически знал, в чем заключается разница между людьми и магами. Биологическими они были равными, а вот магически была кардинальная разница — у людей магии не было, а у магов была. Это как разница между обезьянами и людьми. У одних разума не было, а у других был. Понимаете? И вся жизнь была другой.

То есть, Гжее мне намекал дубиной по голове, что я должен сделать магическую формулу, проклятие, молитву, наконец. Как я понимал, магию уже мертвого мага мне не остановить, но можно ее было как-то повернуть, чтобы она действовала по-другому. Или, хотя бы, не на острове.

Гжее согласился, но не во всем. Пришлось ужесточить свои требования. На скалистом побережье, туда, куда не один здравомыслящий человек не повернут, я повернул временной фокус магии Граве о Нула. Все, мертвые должны жить с мертвыми, живые с живыми, хоть это и говорят о некромантах.

— Темные маги не всегда некроманты и, более того, темные маги почти всегда не некроманты, — не согласился со мной Гжее, — но в этом случае ДА. Я так программирован и всегда учу своих магов дуплексно — темная магия и некромантия. А теперь спи, в тебе еще много от человека, точнее, биологического, телу надо давать отдыхать, а то и без борьбы умрешь.

Да, спать надо. И я заснул, вслед за другими моими родственниками, прижавшись с Наташе. А артефакт был наш часовым, ему же не надо было спать. И ничего, что он не ходил, для часового это не самое главное.

То ли магическое темное поле было причиной, то ли просто совпадение, но в эту речь никто нас не будил. Ни охотящиеся хищники, ни потребляемые жертвы не создавали зловещих громких звуков, от которых все люди вдруг будились посреди ночи и потом долго еще не могли уснуть. Нет, лично я проснулся с рассветом, вполне довольный травяной постелью и шерстяным одеялом. Последнее, правда, надо было беречь, поскольку ему, как и всему кораблю в целом прошло более пяти тысяч лет. И даже магическое консервирование могло уже пасовать. Пришлось даже навести дополнительное магическое заклятие (формулу) и все равно тщательно беречь.

Встал, провел, как всякий обычный человек, гигиенические процедуры и зажег костер. О, теперь это было просто, запустил магическую искру, и охалка дров загорелась. И даже не надо было ждать, пока пламя становится большим и жарким, сначала огонь становится магическим и воспламеняет дрова, а потом и последние загораются и автоматически подменяют магию.

Положил на перекладине котел с похлебкой над костром. Не надо было беспокоиться о его сохранности — ведь вчера я наложил на него малое заклятие консервирования. То есть консервировал-то я потихоньку от остальных мясо, но и стоявшему неподалеку супу хватило.

Однако, разоспались родственники. Ведь, кажется, магическое заклятие Граве о Нула я нейтрализовал и ночью спали нормально часов? Хотел было разбудить принудительно, но потом раздумал. Вкусный мясной суп — похлебка быстро разогревшись огнем, разбудит само собой, проснутся да еще проситься будут к столу.

Хмыкнул, кое-как приткнулся к пню — псевдостолу. Действительно, не успел я

употребить, кхе-кхе, одну тарелку похлебки, как первой проснулась Наташа, цепко зафиксировала окрестности — я с пнем, костер с котлом, море и лес — ласково поприветствовала меня с добрым утром, потом сердито зарычала, что не разбудил ее. Помолчала, призналась, что у нее наступили критические дни, и она немного нервничает.

Поприветствовал ее с олимпийским спокойствием, предложил сходить в кусты и позавтракать. Нервничает она немного, ха! Можно подумать, в обычные дни она бывает спокойнее.

Потом встал Вик по необходимости — день наступил, пора было трудиться. И только Вика уже не спала, просто лежала до последнего. Только провокационный вопрос мамы Наташи:

— Тебе налить остатки похлебки или добавить их остальным?

Заставил ее медленно встать, поздравить всех с добрым утром и присесть с тарелкой похлебки. Одновременно она незаметно, как думала, бросала взгляды на меня с умиротворенными, хотя и смущенными улыбками.

Деятельность Гжее, мда-с. Магу требовалось много магии. И чем больше он был могущественнее, тем сильнее она ему требовалась. А восстанавливалась по времени она медленно, куда меньше, чем необходимо. Сексуальный способ, как я уже получал вчера, был солидный и чуть ли не основной метод возобновления магии. При этом, по предложению Гжее, Наташа была основным генератором магической энергии, Виктория — пока запасным. Цинично — да! Но деваться было некуда, я стал маг и мне был необходим постоянный и надежный источник данной энергии.

И, как поведал мне в мозг артефакт, из-за этого моя сексуальность становилась куда выше, чем у обычной женщины. То есть, своей любовью я мог ее попросту заездить. Наташа могла стать инвалидом. Смертельный исход, о господи, тоже был возможен. Сейчас, когда я был новичком, магии мне еще хватало, но затем мне действительно нужна будет вторая женщина.

Гжее об этом мне действительно телепортировал, и я его понимал. Знал уже, что для артефакта магия — это жизнь, а без магии он не просто уснет, он умрет. Не на всегда, но процесс будет мучительный. Вот он и «магичил» сегодня Вики любовные сны со мной в главной роли.

В общем, по жизни я останюсь все могущественнее, но легче мне не становится. Наоборот, новые возможности открывают мне новые проблемы. Охо-хошеньки!

Однако, солнце поднялось, значит, надо разгрести сегодняшние задачи. И хватит горевать о проблемах будущих дней.

— Таким образом, — акцентировал я внимание окружающих, сегодня нам надо обязательно принести оставшееся мясо из домика сторожа. И еще притащить оставшуюся мебель — столы и стулья. И, может быть, что-то еще найдется.

— Может, лучше нам туда приехать? — предложила Наташа. Она не возражала, лишь искала оптимальные варианты. Я тоже об этом думал, но, в отличие от Наташи, у него было больше информации, и она была вся негативная.

— Не получится, — отрицательно покачал я головой. По неизвестной причине (на самом деле, магические оттоки во времени и пространстве) массивы земли со всем имеющимся — деревьями, вода, зверьми и птицами постоянно двигается. Переселившись туда, мы опять хронологически передвинемся в другую реальность. Можно ли там жить или лучше, я не знаю.

Я действительно не знал, видимо, получаемая информация мозгом еще не была освоенная. А может, Гжее и не знал ее. Ведь он знал многое, но не все. От этого мой голос был весьма убедителен и Наташа первой сказала:

— Спасибо милый, вопрос снимается. Жить будем здесь, а имущество домика утащим. Может, и домик сам унесем? — вопросительно спросила она у меня.

Я не возражал, лишь бы хронологические подвижки опять не произошли. Тогда домик исчезнет и еще мы с ним.

Я начал завтрак первым, поэтому, вполне естественно, и окончил первым. Распорядился:

— В сторожку пойдем вдвоем с Виком. Женщины, как временно больные, остается. Вик, доедай и подключайся ко мне. Я пока соберу инструменты.

Приказ мой, как всегда, пришел к большому количеству вопросов и комментариев у женщин. Вик же, не мальчик, но муж, только старательнее заработал ложкой. Все же понятно, что болтать, усиливать энтропию?

Я же, не обращая на шум окружающих, ушел в темноту. Решил взять только рабочий топор и кинжал Граве о Нула. Оба они были в дееспособном состоянии, но немного тупые. Нормальное положение. Тут была необходима не магия, а нормальный песчаник. Камни его на острове было много, даже около стоянки находились. Пользуясь тем, что на острове светало, нашел приличного размера камень, принес к стоянке — камень ведь еще мог пригодиться — и начал точить сначала топор, потом кинжал. Обычная мужская работа, пусть трудная и нудная, но очень нужная.

Пришел Вик, наверняка ведь не доел! Попросил поточить и его нож. Правильно, его руки еще слишком слабые для такой работы, а мальчик он серьезный и нож ему нужен не для баловства.

Вика, дурная такая, попыталась стать у нас третьем. Будто бы мы пить собрались. Вчера еще вечером плакалась, что очень болеет, и все равно ко мне клеится.

Гжее, как бы оправдывая ее, пояснил, что женское ее естество, подталкиваемое магией, заставляло прижиматься к носителю магии. Если так, то бедная девочка! С другой стороны, это же жизнь, я тоже липну к девочкам, причем обоим сразу и ничего не мог с этим сделать.

Наотрез отказал ей, но зато, оглянувшись и не, увидя никого, ловко поцеловав ее в губы. Заодно поприжав рукою грудь, совершенно женскую, а не девичью, между прочим.

Вика этой компенсацией осталась довольна, ну а мы — Вик и я — пошли в домик сторожа. Надо было обязательно взять мясо. Не дай бог, испортилось за сутки, а восстанавливать я не могу. Опять кушать похлебку из старой залежалой крупы? Бр-р! На стоянке было еще мясо задних ног, но явно мало. И поохотиться было можно, с магией я, наверняка, был с добычей. Гжее подтвердил, что магия очень даже пригодна для добычи мяса. Но как-то жалко, если уж погубили оленя, то надо есть всю тушу.

Около домика не останавливались. Мои магические чувства четко показали, что опасности нет, ни магической, ни биологической, ни даже некробиологической. Можете грабить свободно!

Засунул свою совесть подальше, решительно открыл дверь. Мы бедные жертвы природной катастрофы (или магической?) нам тоже хочется кушать. А имущество это на самом деле ничье, погруженное в круговорот жизни.

В сторожке или дежурке, кому как нравится, было спокойно и тихо, как и вчера. Только сырым мясом пахло буквально надрывно. Но ничего не испортилось, а это особо важно. Зато

падальщики не прорвались к добыче и даже мухи не жужжали противно.

Так, и что мы несем? Оружие сегодня я и сам не взял и Вику не разрешал. Нечего мучаться бесполезными клинками! Ножи у обоих за поясом, у меня, кроме того, топор на боку. Трудовой инструмент, годный в отличие от оружия, но позволяющий оставлять свободными руки.

Исходя из этого, я несу всю тушу, разрезав ее на куски и положив ее в обе сумки — мою, самодельную и найденную в корабле. А в свободные руки вполне могу взять стол. Облегченный, сборный из пластика и дерева, из металлических стоек, он вполне позволял нести одному мужчине. А Вик потащит стул, или даже два, если захочет или сможет. Плохо только, что уже жара, но только не полуденная, так что терпимо.

Потащили. Тяжело и неудобно, но ведь можно. И формула антигравитации очень помогает. Вик чуть в стороне и позади пыхтит, и тащит стулья. Нетяжелые, но мальчику и этого хватает. Он внимательно посматривает окружающую обстановку на предмет опасности, но на меня не смотрит, уж я то точно не опасный. Пользуясь этим, я про себя произнес формулу магии. Она не слышная, но когда активизируется, то по означенному объекту явно очевидно проходит волна магии. Вот этого я и опасался. Не зачем мне ажиотаж, особенно, если я сам от женщин крайне завишу, а мальчик обязательно скажет им.

Но прошло. Пока он внимательно смотрел на ближайший лес, такой большой и такой опасный, магия была активизирована. Я-то уже «прочувствовал» магией, но ничего угрожающего не нашел. Но Вику не сказал, пусть ищет!

Так и дошли. Женщины мои обрадовались — столько мяса и настоящий стол! Я в ответ осклабился. Десять секунд, полет нормально!

Положили мясо вместе — вчерашнее и сегодняшнее. Наташа принялась охать и ахать, как нам его съесть, оно же испортится. Я ее не слушал, пусть печалиться, хуже не будет. А так хоть не пристаёт по мелочам.

И пошли снова в сторожку. А что болтаться? Вика я, правда, хотел было оставить, больно уж он выглядел уставшим. Но мальчик наотрез отказался оставаться, даже обиделся. Пришлось взять. Пусть идет, лишним не будет, а груз я ему дам поменьше — один, а не два стула.

Был почти обед, солнце жарило так, словно не выполнило плана в советской экономической системе и ему не дадут премии. Даже в тени было душно, а на солнце, наверное, яйца в песке пеклись.

На половине пути я почти сдался, прокляв то миг, когда я решил идти за мебелью. Легли отдохнуть в небольшой лес, даже буквально в три крепких дерева, но дающих хорошую тень. Да ветер порывистый от моря подувал, хорошо!

А потом случилось жуткое событие, которое с легкостью перечеркнуло жару, голод и даже усталость. Я увидел мужчину, обалдело смотрящего на островные окрестности!

Нежданные земляки

Я бы посмеялся, даже бы откровенно поржал, если бы сам просто в первый момент не оцепенел от ужаса. При чем страх был какой-то мистический, не имеющий реальной причины. Просто страх, ведь мы там были буквально сегодня утром! Как мы с ним столкнулись? Как они не убили нас? КТО ОНИ? Или, хотя бы, ОН?

Сквозь эту пелену страха кое-как пробились сарказм и веселье Гжее. Тот старательно кашлял, показывая на своем телепатическом изображении (как он сумел?) ехидство и смех.

— И совсем не смешно, — обижено подумал я, — это, между прочим, боялся не я, а тело с атавизмами миллионами предков по биологической лестнице. Пугался не я, пугался мой обезьяний предок или вообще крысиный прапрадед в энной степени.

— Ладно-ладно, — погасил свой смех Гжее, — не знаю, как твой предок, но ты боишься очень смешно. Не говоря уже о том, что я совершенно не вижу причин бояться. Ну, люди мужского пола, ну ведь не маги же. А ты-то хотя бы потенциально могучий темный маг. Да с твоей магией ты можешь сделать с ними, что угодно. Ты хоть спроси меня, отчего появился этот темпоральный казус, в который и ты залетел всерьез и навсегда?

Ух ты! Не хочу, но чувствую, залез по самое ничего.

— Из-за чего же? — подумал я исключительно для оттягивания момента, когда надо будет знакомиться (драться?) с незнакомцем. И почему-то Гжее назвал его в множественном числе. Странно-то как. А он еще предлагает мне не дрожать.

— Да твое появление! — ухмыльнулся артефакт, — точнее, зарождение темного мага в тебе и привело к изменению временного потока.

— Ага, — не согласился я, — первые проявления этого апокалипсиса появились, когда я еще был в моем селе обычным старым пенсионером и даже никак не думал о нем.

— Это временные завихрения, — пояснил артефакт, — главное, проявить их, а там уж будет чудеснее чудесного. Это еще мелочи по сравнению с тем, что может быть. Готовься к тому, что вначале будет боль в пальце, а потом нечаянный укол иголкой.

— Хорошо, убедил, — согласился я. К тому времени из-за домика появился второй мужчина, и мне вдруг подумалось, что может оказаться и третий, и (боже упаси!) тридцатый. Или сколько их?

Второй незнакомец был таким же обалденным выражением на моське и я, наверное, даже бы засмеялся. Ведь это был Васька Филатов. Старый знакомый по школе, лет, поди, на десять младше. Его надменное в повседневной жизни лицо на этот раз отражало самые разные эмоции — удивление, опасение, даже крайний страх и изумление. И я подумал, а что я их боюсь? Пусть они боятся! Ведь они также неожиданно здесь появились, может, так же, как я, были вытащены водой. Может еще каким-то образом, но вдруг. Самое главное, они тут ничего не знают и даже не понимают!

— Я так понимаю, выбросить их отсюда мы не можем? — спросил теперь уже я саркастически своего нежданного учителя.

— Можем, — неожиданно ответил мне Гжее и уточнил: — при одном условии.

— Какое же? — с удивленной интонацией спросил я.

Это не ускользнуло от Гжее. Он хмыкнул и пояснил: — если ты накопишь порядка десяти анклов магической энергии.

— Анклов? — спросил я мысленно, как бы громко в некуда, предлагая ему и дальше пояснять магические термины.

— Не хотел тебе говорить, — заговорил с явной тяжестью во вздохе Гжее, — с твоей-то эмоциональной нестабильностью... но уж ладно... один анкл составляет от десяти до пятнадцати миллиардов гигаваттов.

— О-ой! — крайне удивился я, — ведь этого не может быть! Ведь это... до фига энергии! Еще не солнце, но уже какой-нибудь континент Земли!

— Может, — строго-спокойно подтвердил он, как гигантская океанская волна нависая надо мной. По крайней мере, мне так показалось.

Волна меж тем начала гневаться, срывая с себя пену и различный мусор:

— Перестань уже придумывать мне всякие образы! Ты, наконец, начнешь внимательно слушать меня, УЧЕНИК? Я ведь не зря говорил тебе, как о черной дыре! Ты должен помнить о своей могущественности!

— М-гм, — попросил я УЧИТЕЛЯ, — может, я с Виком уже пойду познакомлюсь с гостями нашего острова? Сколько их, кстати?

— Сейчас двое, — буркнул Гжее, недовольный, что его оторвали от любимой темы, — а всего будет тридцать один — тридцать два.

— Хо! — удивился я сначала численности, а потом неконкретности, — а точнее можно?

— Опять ты не слушаешь! — буркнул артефакт, — не видишь разве, что я всегда подвожу под цифры магической реальности принцип нестабильности? Например, откуда я знаю, сколько живых окажутся здесь?

— Ох, как трудно жить без веника, — раздраженно подумал я, — так бы и убил кое-кого из окружающих!

Гжее потянул тонко, но громко (телепатически), показывая, что он здесь и он все слышит. И кое кого могут высечь или, хотя бы, нещадно отругать.

Я не стал пререкаться, а то намаешься с ним. По-видимому, магические предметы в чем-то тождественны с женщинами. Во всяком случае, мне так кажется. Они могут ругаться непрерывно и от этого даже счастливы.

Повернулся к Вику. До сих пор, во время болтовни с Гжее, я как бы смотрел вперед, на домик сторожа. Теперь же посмотрел на мальчика.

Вик терпеливо лежал под моим левым боком и ждал, когда я присмотрюсь «на поле боя». Вот ведь гадство, а я все спорю с артефактом!

— Что, Вик, — соизволил я, наконец, заговорить с ним, — пойдём к нашим гостям?

И поднялся на ноги, отряхиваясь от прибрежного песка. Хватит валяться, у нас еще много дел на сегодня!

— Он же один! — не согласился Вик со мной, как я недавно с Гжее, но на ноги также встал, а потом, увидев всю картину маслом, уточнил: — а их и правду двое!

— Может и двое, может и больше, — сказал я ему, — не бойся, они сами нас боятся. Пойдем!

Неспешно и лениво внешне и очень напряженно внутри я подошел к мужикам к сторожке. Те как встали, так и остались стоять, не понимая, где они и что с ними может быть. Или не быть?

Да, я на первые сутки был не лучше. Дурак — дураком, все рвался в родное село. Боюсь и с ними для начала придется также о селе говорить. Вернее, о невозможности прорыва в

него.

Я прошел почти половину пути, чудодейственно пребывая в невидимости, пока они меня увидели.

— Стой, ты кто! — завопил один мужик, вроде бы незнакомец, а, вроде бы, вблизи и знакомец, — близко не подходи!

Вика они как бы не видели. Действительно маленький мальчуган, что им с того? Кстати, надо бы нам сговориться с ним, хотя бы для начала, и молчать про «чудеса» острова. Как они еще к ним отнесутся, а, особенно, к тем, кто о них заговорит? Они и без того на нервах, а нам надо бы держать какие-то козыри в рукавах.

— Да вы, что, мужики, не узнали? — «удивился» я, — это же я, Серега Логинов. Васька, вместе же в школе учились, ты просто младше был!

Остановился в пяти метрах, чтобы совсем не занервничали, но меня бы увидели. Я-то их хорошо видел. Точно Васька Филатов, и рядом с ним вроде бы морда знакомая. Кажется классом меньше учился того же Васьки в моей же школе.

Оно, разумеется, будет хорошо видеться, что я помолодел. С другой стороны, они же меня с детства не видели. Пусть-ка определяют, как я старею!

Стоял, ожидаючи, Вика на всякий случай взял за руку. Нет, они мне ничего не сделают и

без магии. А уж с моей темной магией я их и мизинцем задавлю. Только ведь люди, да еще ребята знакомые.

— Серега! — узнал, наконец, Васька, — салага зеленая! Что-то вдруг ты такой молодой, а так ничего. Ты-то что здесь делаешь, заблудился, что ли?

Гости заржали, довольные примитивной шуткой. Я же не обиделся. Это все обычно в пацаньем кругу, пусть и уже на уровне почти стариков.

И заговорили, пацаны, это хорошо. А заболтать я всех могу, не зря я кандидуб исторических наук и доцент с большим стажем!

— Так же как вы, — бодро отрапортовал я, — шел, забылся, очнулся, гипс! — заржал для них, потом уже серьезно пояснил: — за грибами я шел, а оказался на острове, неведомо как и неведомо где. Только было это уже дней десять. Тоже поначалу обалдевал, а потом вот начал жить. Деваться-то некуда.

— Ребятенка как-то прижил, — ядовито подколот Васька, — видимо, хорошо живешь, бродяга!

Ха, Васька он такой весельчак, хоть стой, хоть падай. Однако, пришел видать в себя, коли прикалываться начал.

— Попаданец, как и вы, — пояснил я, — поговорим, мужики, перетереться надо.

Гости одновременно кивнули. Молодцы, мужчины, понимают, что информация в новом месте, прежде всего.

— Только отойдем в тень, на острове днем жарко, — предложил я.

Собственно, они и сами это понимали, мало что обливались обильным потом. Снова кивнули, отошли в день домика. Он хотя и был невысоким, но тень давал хорошую. Если бы еще ветер был! Увы, но морское дыхание сюда не доставало.

Я стащил с себя рубашку, оголив торс. Предложил:

— Раздевайтесь, мужики, а то испечетесь днем. Тут тропики, солнце палит, только держись! В тени ни черта не будет.

— Ни черта себе! — сильно удивился Васька Филатов. Сказал он, конечно, нечто

другое, матерщинное, но я уж поскромничаю, — что-нибудь знаешь?

— Немного, но вы все равно крепчайте. Во-первых, из нашей Удмуртии мы оказались на тропическом острове где-нибудь в Тихом океане. И уж, понятно дело, не в России! А у вас, как пить дать, загранпаспорта нет.

Мои гости от неожиданности эмоционально удивились. Матерщинно-деревенски, понятно, поэтому я подробности передавать не буду.

— Но это еще не все, — предупредил я, — во-вторых, и, наверное, самое главное, перед вами на остров попали две женщины и их постреленок — кивнул я на Вика, молясь Христу или Аллаху, хоть кому, что бы он не проболтался о своем возрасте, — так вот они примерно здешние и утверждают, что Россия — это империя и почти никогда, за исключением нескольких лет, не была республикой!

Новость была через чур уж радикально и тяжелой, типа мешка по голове. Только находилась в них не пыль, а нечто тяжелое, типа камней или металл. Гости мои от этого замолчали. Даже тяжко замолчали. Через примерно час Васька робко (!) сказал:

— А, может, это они ошиблись и оказались попаданцами в наше мире? Где доказательства?

А он молодец, Васька! Не зря он так назван! Все Васьки (и Василисы) обалделые дс фига. И их ничем не пробьешь, даже металлическим кузнечным молотом.

— Я ночью звездное небо смотрел, — со вздохом сказал я, — совсем незнакомое. Если это и Земля, то отнюдь не наша.

Тут даже Васька намертво замолчал. Я еще не сказал им, как и Наташе с Виками разных полов, что после долгого разговора с Гжее понял уже, что, если этот мир окажется третьим, и не нашим, и не их, то сильно удивляться не надо. Но об этом позже, не зачем им так сразу в морду, да еще очень больно.

— Гжее, — телепортировал я артефакту, — а остальные попаданцы этой партии скоро здесь появятся? Или нам день — другой надо ждать?

— Трудно сказать — не разочаровал он меня обилием трудностей, — я могу лишь выделить временной промежуток — сутки — двое. И все.

Ха, а ведь прямо не скажешь, удивятся. Еще в драку полезут, придется бить. Решил потихонечку подойти к теме:

— А вы как сюда попали?

— Дак мы утром по асфальтовой дороге на работу шли, — первый раз открыл рот знакомый незнакомец. О, точно голос знаю, значит, свой человек, просто за чередой лет забылся, — а теперь вот здесь и ничего не знаем, — он с надеждой посмотрел за меня, признавая мое первенство.

Вот и хорошо, Васька хоть и шебутной, но тот всегда признавал, что я его и старше и гораздо умелее по жизни.

А вот и он, договорил за своего знакомого:

— Нас, вообще-то, было несколько десятков, но куда-то все потерялись. Остались вот только мы двое. Особые какие, прямо повезло-то как!

Васька был явно и в отчаянии, и заинтригован удивительными событиями. Я поспешил поднять его градус:

— Никуда не денутся, все окажутся здесь же, практика жизни это показывает. Просто где-то заблудились, — я было хотел рассказать про петлю времени, в которую остальные рабочие попали, но вовремя прикусил язык. Откуда у меня такая информация, хоть и

кандидуба наук, но так-то обычного человека? А им с чего лукавого все это знать?

Несуразно замолчал, потом предложил:

— Мужики, у меня такое предложение, пойдём-ка к нам на стоянку. Пожужем чего-нибудь с мясом, отдохнем в тени. А здесь оставим записку, хоть мелом на стене дома. Он имеет деревянные стены, самый раз писать!

— Мы согласны, — сразу же согласился Васька за себя и за своего товарища, не давая хотя бы пискнуть — одобрительно или отрицательно, — только я сам напишу, чтобы они поняли, что свои.

Ай да Васька, ай да сукин сын, все он понял или хотя бы заподозревал. Просто понимает, что не то место, чтобы уточнять прерогативы. Но свои позицию, хоть и немного, отстаивать будет. Ну и пусть, он же не раб на кораблике, да и я не собираюсь тащить их в ловушку. Каждый, как может, так и живет.

— Там в сторожке, по-моему, в ящиках одного из столов лежал мел, — предложил я, — возьми!

Я не то, что бы нагрузил его работой, как самого салажистого из нас троих. Наоборот, указал ему, что он свободен в своих действиях. От него ничего не прячут и никак не ограничивают. Васька это понял и, не пытаясь, отбиваться от не его работы, встал и зашел в домик.

Оттуда он немедленно с отвращением громко сказал:

— Фу, ну и вонища, ты кого здесь зарезал, девчонка разве не дала или еще за что?

Момент был довольно острый. Мой молодой друг только что, по сути, обвинил меня в убийстве. В шутовском тоне, конечно, но все же. Ответить-то надо, иначе они точно заподозрят меня не в моем убийстве.

Нет, ребята, я так не играю! И нечего мне тут навешивать убийство, это не «Остров сокровищ» и скелетов всяких людей тут нет!

— Ну ты даешь! — спокойно удивился я, — ты еще в пиратстве меня обвини. Здесь сутки некоторая часть туши оленя лежала, пока я задние ноги утащил. А сегодня остаток унес, сейчас съедим, да, Виктор?

Специально назвал мальчика полным именем, чтобы тот посерьезнее к этому отнесся. А то по младенчеству ляпнет что-то не то, потом долго будем оправдываться, что не кохлы и эти рога не наши.

Но тот только застенчиво сказал «да» и замолк. Молодец, Вик, правильно оценил свою роль малолетнего мальчика. Тютелька в тютельку, я даже увидел, что парни мои расслабились. Раз мальчонка ничего не подозревает, а в его годы еще не сможешь играть серьезно. А что им-то быковать со старым знакомым?

Васька пошумел в домике, разыскивая неведомый мел, пока я кратко рассказал его товарищу кратко специфику острова. А что тут рассказывать? Тропики, в лесу львы, в море акулы, все охотно любят жрать человечину. Жить, короче можно, но только очень осторожно. Рук — ног по две, но обе родные.

Васька меж тем высунулся из домика с известием, что мела он не нашел, но зато увидел кусок сухой штукатурки. Попробует им поскрести, может, сумеет что-то написать.

Поскреб. Действительно по некогда влажному дереву получилось нарисовать короткий текст, хотя многие буквы потребовалось скрести по два, а то и три раза. Вот такой текст:

«Здесь Вася и Димон. Мы пошли жрать у местных, хотите. Идите с нами». Транскрипция автора, ко мне не лезьте.

Васька еще хотел пририсовать мое имя, но я, видя, как он мучается с сухой шпукатуркой, отказался. Все равно нынешнее поколение села, наверняка, не знает Сергея Логинова, так что маяться?

Васька угукнул, критически посмотрел на текст, что-то ему, видимо, не понравилось, доски что ли не струганные. Увы, рубанка все равно нет, а ножами день будешь скрести.

— Идем? — закончил я мучения Васьки, а Димон охотно присоединил свой голос к моему: — пойдём уже, а то и пить хочется и жрать тоже.

Васька вздохнул, пояснил свое мучение:

— Не найдут ведь стоянку Сереге, если свалятся на остров. Мы будем виноваты потом, сто пудов!

Замечание Васьки хотя бы частично было правильно, пусть он и никогда не был замечен в человеколюбии. Что-то здесь явно кроется. Любимая женщина или у его друганов есть спиртное, типа брага или медицинский спирт. Больше не из того, гадам буду!

Я подозрительно посмотрел на него, требуя колотья.

— Валька там хорошая, — несколько туманно сказал Васька, — у нее муж несколько месяцев назад помер, так что она свободная и у нас что-то клеится. Жалко, если с ней нехорошее будет.

Вот это понятно, все по пацаньему. Нормальный мужик, пусть и ошибается иногда. Предложил:

— А ты допиши, что нужно идти по стрелкам, а в случае чего нам кричать. Остров небольшой, всяко услышим.

— Ага! — просиял Васька и быстренько доскреб необходимое. А потом я вырезал требуемую палку и торжественно вручил Ваське. Надеюсь, он не подумал, что это я буду проводить по песку стрелки? Васька не думал и палку взял даже с благодарностью. Всяко не руками барабаться.

Оделся снова и предупредил гостей, что под прямое полуденное солнце кожу никогда подставлять не надо — обожжешь моментально. Особенно это им, уроженцам средней полосы России. Так что одевайтесь обязательно, если не хотите заболеть. Здесь больниц нет, также как и лекарств.

Посмотрев, как я дотошно одеваюсь и задним поправляю наряд Вика, Васька и Димон, переглянулись и тоже оделись. Здесь они были новички и хотя бы в первые сутки надо было слушаться старожилков. А то ведь шутки — шутками, а земли под могилы хватает. Похоронят в чужом краю.

Пошли медленно, а потом, после моего замечания, что на стоянке мои жена и падчерица уже приготовили обед, и как бы он не испортился, холодильников ведь здесь нет, гораздо скорее.

И правильно, я ведь не шутил. Жара, холодных мест нет, скиснет жирная похлебка в один миг. Ну а мои, гм, заклатья консервации пока еще сверхсекретные материалы Ставки Верховного Главнокомандования. О кей?

От места нашего представления на реке Эльбе до стоянки где-то примерно километр пешком. Шли не более получаса. Я, разумеется, все припахал, каждому мужику был выдан стол, а Вику, как маленькому, стул. Вот и мебели не осталось в домике. Необходимо только сам разборный домик унести, и лети к черту это место. Желательно, конечно, не с людьми. Жалко ведь, не совсем чужие.

Ваське, правда, было трудно со столом на спине чертить стрелы по пути, но он не

жаловался. Сам понимал — в жизни такое не бывает, чтобы и рыбку съесть и все такое прочее. Раз хочется все разное, значит, и трудиться надо много. Тем более, и Димон, да и я чувствительно ему помогали.

Дошли до стоянки. Женщины мои, как всегда, обрадовались нашему приходу. Потом, заметив чужих мужчин, заметно оробели. Здесь, выйдя из под контроля государства, они стали совсем беззащитными. И я совсем, как они думали, слабый. А чужаков двое.

Вот ведь представительницы прекрасного пола, все они сводят к сексу, пусть неприятному, но все равно сексу.

Знаками успокоил, представил своих друзей Василию и Димону. Мужики поняли аховую ситуацию, вежливо по-деревенски поговорили с ними. Как я понимал, серьезно они с ними поамурничать не собирались. Явно ведь, это мое поле. Одна жена, вторая дочь, пусть не родная, но все же. Да и молоды они были для них. Одна молодая женщина, другая вообще девчонка. А я и не собирался говорить, что в прошлой жизни, до омоложения, Наташа старше их по возрасту, а Вика примерно равна.

Да и вообще, я так понял из случайных слов, Димон был женат, имел аж троих детей! А что вы хотите, пора уже, за сорок ведь. Трое, конечно, по нынешним временам это много, но и жену, и детей к этим годам необходимо. Ибо, если не так, то только в кандидубы наук или в пьяницы. Васька же, как говорилось, вообще имел среди толпы работников свою милую, и ему никак нельзя было косить глазом в сторону. Убьет ведь или просто выгонит! А баба славная, по словам Васьки, миловалась она с прошлым мужем хорошо и имела от него двоих сыновей. А после его смерти без мужичьей ласки, расцвела и так похорошела, что руки тянутся к ней. Это Васька говорил, не я. У меня-то и так Наташа есть, если что.

Так что на счет этих двух я спокоен, то вот остальные меня заметно напрягали. И женщины тут мне не союзницы. Они, может, и не хотели ничего такого, но ведь, сами не поймут, как лягут под мужское тело. Бабы они по природе слабые на передок, если разработанные.

«Сергей Леонидович (только так!), — успокоительно протелепатировал Гжее, — за своих женщин не бойся. Поскольку здесь завязано питание магией и, значит, моя жизнь, то я, извини, вмешался и, не спрашивая тебя, намертво связал обоих женщин и тебя. Они, даже если и захотят, не сумеют от тебя оторваться. А ситуация сейчас обратная — обе тебя любят».

Я ничего не сказал, но послал сигнал, полный скепсиса о женской преданности.

«Зря ты так, — серьезно ответил Гжее, — среди женщин есть, разумеется, всякие, в том числе и нравственно слабые. Так ведь среди мужчин тоже хватает. А средняя женщина никогда не уйдет от своего любимого, если он рядом».

У меня было другое мнение, но я не собирался спорить с артефактом. Спорить можно по какому-то делу. А зачем бесполезно?

— Наташа, — попросил я мягко, — в наш остров опять попадут попаданцы. А Василий и Димон лишь первые ласточки. Так что корми нас скорее, а то мы все умираем с голоду. А потом снова готовить.

— Ух ты, — оценила Наташа, а потом Вика свежую информацию, которая серьезно изменила положение на острове. Но, между прочим, а я специально тщательно и цепко смотрел на женщин, особенно на Наташу, никакой маслянности при этих словах не было. Так держать, милые!

Очередное "пополнение"

Под этим соусом и суп наш, «знаменитая» похлебка, разом был готов. Повезло, дрова подошли сухие, а там и костер будет жаркий. Да и олень был относительно молодой, мясо не надо много готовить. Котел поставили на землю у обеденного стола, наложили суп в чашки и тарелки. Ешьте, дорогие гости и хозяева!

Похлебка была, правда, жидковата. Крупа есть, но немного, зелень нашинкованная наложена. И все, пожалуй. Картошка, морковь, укроп остались в прошлой жизни. Тропики же, здесь растения совсем другие. Уж и съедобную зелень и то нашли исключительно благодаря артефакту Гжее. Я смотрел на эти джунгли, как баран на новые ворота, а женщины мои, стопроцентные горожане, даже в умеренной полосе в огород не лазили, исключительно покупали в магазине.

Эх, но хуже всего было без хлеба, даже без сухарей. И ведь в запасе было еще, но очень мало, жаба не позволяла, особенно с учетом большого количества. Три десятка человек (плюс — минус)! Честно говоря, даже не верилось, что будет столько!

Но пока нас, хозяев, четверо, да гостей двое. И то на столах тесновато. Но это, пожалуй, не от недостатка мебели, а от нежелания разойтись по отдельным столам. Вместе тесновато, зато вольготно.

А так ничего поели. Жирная похлебка с мясом и солью — это, между прочим, куда лучше, чем мои полупрожаренные, полугорелые моллюски на первые дни робинзонады. Похлебали по чашке, заедая жестким мясом, и как-то в раз наелись. Даже гости, куда уж голодные, и те отказались от добавки.

Отдыхались в тени под свежим ветерком, потом я, взяв гостей, принялся устраивать кухню и столовую. Четыре небольших стола на нас шестерых да на трех десятков потенциальных гостей явно не хватит. Придется пристраивать к фабричной мебели наши доски. На кухне, то есть на месте, где сначала я, а потом женщины резали мясо и рыбу, приложили стол, от него к ближайшему дереву проложили три метра досок. Все хорошо, но проверил я своим весом, как-то хлипко. Нет, ребята, это не наш метод!

Под доски подложили на середине крепкий брус вертикально, сразу покрепче стало. Одно плохо, гвоздей мало, по одному гвоздю на доску к столу, чтобы прикрепить и достаточно. А по-хорошему надо бы и по дереву доски прикрепить, и на стояк срединный, но ведь нет. Прodelали неглубокий желобок по дереву, что б не скользили концы досок, да в середине самих досок, чтобы не ерзали и достаточно.

В столовой — новом месте питания, где теперь будем питаться из-за множества людей (по крайней мере, в это верилось) — столы строились также. Доски от дерева до старого стола, по одному гвоздю на доску и готово на двенадцать койко-мест питания. На три таких стола должно было хватить на всех. В тесноте так сказать да не в обиде.

Потом дальше...

Опять же, мы люди взрослые, должны понимать — раз есть ассимиляция, значит, есть и диссимиляция, и организм, какой он не был умный и вежливый, должен выводить из себя остатки веществ. Короче, для такого большого количества людей надо обязательно строить туалет. Иначе забросаем здесь дерьмом всю округу.

Васька и Димон, уже чувствуя, что обед у них просится обратно и отнюдь не изо рта,

охотно согласились. До этого этот процесс происходил в основном на море, что по малой нужде, что по большой. Сделал дело, рыба и морские животные, микроорганизмы сразу съедят, еще поругаются, что мало. Только если приличная непогода, приходилось идти в кусты, но на изрядное расстояние. И мне так приходилось и женщинам с Виком. Но теперь придется строить, слишком уж много потребителей.

Сказано — сделано. Нашли удобное место, уже использованное для туалета. Здесь морское течение происходило непосредственно к берегу и поэтому фекалии скоро уносились в море, для питания морских жителей. В шесть рук и три топора быстренько построили будку философских размышлений, сделали к нему небольшой трап с перилами.

Ух, какие мы молодцы! Посмотрите вокруг, есть еще такие?

Женщины, правда, «проверившие на деле» будку, радоваться вместе с нами не торопились. Говорят, что хлипкая, дырявая, быстро рухнет. На это гадости мы говорим: ничего, стерпится — слюбится, фаянсовых унитазов здесь никто не обещал. Да, Наташа?

Нуте-с, кухня есть, туалет имеется, то есть биологическая цепочка от сих до сих построена. Вроде бы, можно и отдохнуть немного. А то ведь хотя и жаркий полдень прошел, но ненамного, вдали от морского бриза, на расстоянии где-то метров под пятьсот в глубь острова, жара стоит невероятная.

И опять не слава богу. Вася (уже не Васька) переглянувшись с Димой (бывший Димон), нерешительно предложил пройти на место бывшего домика сторожа. Где-то километр всего. Ведь там уже должны оказаться их товарищи. А они сами понимали, какие попаданцы будут очумелые и робкие поначалу. Кругом страшные львы и даже опасные крупные олени или кто еще? Надо обязательно им быть, чтобы они притихли и смирились. Прежней жизни не быть, зато новая начнется. Они же не умерли!

Васька так тот аж трясся, что там с любимой Валькой. Вот ведь велосипед с крылышками, старик уже, а как сопливый мальчонка дрожит. А ведь и то, теперь в прошлой жизни у него была жена с дитятем. Ошибка молодости, но с юридической подоплекой — супруга. Так что его поздняя (или ранняя) любовь могла лишь остаться тайной любовью. Государство и даже деревенское общество были категорически против.

А здесь на незнакомо острове, без людей, да еще когда я невзначай ляпнул, что это навсегда, он аж расцвел. Я просто офигел до прозеленья. Обычно люди бледнеют до тошноты, страдают, понимая, что они уже не могут вернуться обратно, а этот расцвел.

Даже я в свое время страдал, хотя мне от прежней жизни ничего было не надо. Пушистики мои здесь, а маленькой пенсией пусть подавится государство! А тут и Васька поржал, как жеребец, Димон аж отсел на всякий случай от него, может крышей поехал? А крышка просто открывалась, он Валькой теперь может миловаться! Надо только найти еще на острове...

Я не мог не пойти навстречу пожилому влюбленному (пусть будет так), не такой уж я жесткий. Сам тем более на острове уже почти женатый. Кивнул Ваське, а затем Димону — надо, так пойдём. Только перед этим надо смастерить какое-либо оружие. Вик отдаст метательный дротик, оно пойдет Димке. А вот Васе надо отковать наконечник потяжелее и найти не ломкое древко. Всяко будет не беззащитный. Арбалет я пока, после некоторого размышления, решил оставить себе. Как и копьё, разумеется. Магия — магией, а копьё — это реальное оружие. Попробуй-ка пойдёшь на меня хоть зубастый лев, хоть обалделый «друг».

Быстренько сделали. Пока я как-то так отковывал копьё, не ахти какое, но крепкое и острое, Вася нашел древко из какого-то близлежащего африканского дерева. Не ахти, прямо

скажем, кривоватое и короткое, но крепкое. В общем, на сегодня пойдет, а там, может, огнестрел зайдет или другое оружие?

Пошли. Три почти воина, но, по крайней мере, взрослые мужчины. Вика решили не брать. Все-таки, идем почти на войну, мальчонку, а он в любом варианте не взрослый, брать не стоит. Да и на стоянке нужен хотя бы какой-то мужик. И чтобы охранять, и чтобы делать мужскую работу. Женщина ведь, пусть какая не будет сильная, а дрова, например, колоть не сможет. Физиология не та!

Куда идти все знали, на память не жаловались, да и следы на песке были прекрасно видны. Пошли. Жара со слабым ветерком, вездесущие птицы со своими песнями, буйная зелень явно заставили утихомириться. У всех настроение было тихое, почти радостное. Живые же и даже сытые, чего еще надо!

И вдруг навстречу этой, можно сказать, толпе раздолбаев спокойно так вышел лев. Самец, судя по размеру, но еще молодой, может даже без гарема львиц. Посмотрел так, помотал головой, типа: «Какие люди и без охраны!» или даже: «Поход по моей земле надо оплачивать. Гоните деньги, люди!»

Васька и Димон (только так!) заметно струхнули. Царь зверей все-таки! А они всю жизнь жили в умеренной полосе, да еще в цивилизованной зоне. У нас и грибов-то толком не найдешь, не то, что мышей или зайцев. Ходи себе, не тревожься. Где-то есть гипотетически волки или медведи, кое-где лоси. Но все они людей боятся. Люди — это самый страшный зверь. А тут любопытный лев, смотрит, как бы улыбается, зубы показывает. А потом что, кушать будет?

Я среди этих робких пострелов, магией первым делом проверил — сыт ли? Да, недавно пожрал. И гарем у него есть, сейчас отдыхают львицы после сытного обеда. А ели кого, не людей случайно? Нет, не людей. Магический мой взгляд запнулся об остаток большого животного — то ли олень, то ли зебра, а то ли еще кого они нашли?

Самец же бродил здесь не просто так, проверял свою охотничью зону. Правильно, сугубо мужская работа. Поэтому и на нас смотрел спокойно. Добычи ему не надо, на соперников мы не похожи, что на нас рычать? Жалко, я не могу показать процесс нюха. Дескать, я свой, смиренный и спокойный, травоядного животного ловить не собираюсь.

Последнее, конечно, не совсем правда, но все же. Пусть идет спокойно, лев еще молодой, не заматеревший, своих проблем хватает. То соперники нападут, на зуб проведуют, то львицы взбунтуются, грива дескать мала.

— А ну брысь, пошел отсюда! — рыкнул я на него громко и решительно, — не видишь, заняты своими делами!

Одновременно замахнулся древков копья, и хлестнул магией по морде, не сильно, но хлестко. Магия хоть и не видима обычным взглядом, но была довольно больно. Лев оглушительно и недовольно заревел, но с пути убрался. Не было ему причины с нами драться, ни по голоду, ни по соперничанью. а драчливость по молодости уже прошла. Не по годам, по заботам. Навесь-ка себе пяток баб на шею, я посмотрю и ты как будешь летать!

— Пошли быстрее! — поторопил я друзей, или, хотя бы, сообщников. Лев меня все же озаботил. Ведь какого-то лешего именно здесь он ходил? Пронюхал кого-то или прослушал? Органы чувств у него чуткие, не то, что у людей. На десятки километров услышит, пронюхает. Не съест, так напугает до смерти. Лев же, царь зверей. А попаданцы и так напуганы новой жизнью. Собери потом, зарывай трупы.

Почти побежали к домику сторожа, а это по тропической полуденной жаре, когда

мужские принчидалы и так готовы испечься даже без раскаленного песка. Ладно, хоть ветер иногда слегка поддувает, становится легче. Но все равно, чувствуешь себя новобранцем в армии.

Добежали к домику. Там было тихо и безлюдно, мужики мои заметно и успокоились — нет ведь никого, и встревожились — а где ж они тогда?

Что ж, будем искать, они уже должны быть здесь! И Г жее по мыслесвязи телепортирует — здесь где-то!

Рукой махнул им — тихо, мол! И не то, что говорить неохота, зачем? Мужики ведь тоже еще те болтуны, им дай волю потрепаться, сутки будут языком болтать. У ученых даже наука есть — философия. Как много и ни о чем говорить. Так что уж помолчу и им не дам, ну их к черту!

Послал магическое заклятье — формулу поиска. Нашел, попаданцы же всего в сотне метров, в ближайшей рощице. От солнца в тени спрятались или от льва сбежали? Вот смешные, и записи, наверное, на стене дома даже не читали. Куда они дернули, самый раз там хищники их и цапнут.

Ух! — без сил сел я в тени, — устал и обессилел! Кто бы меня пожалел!

Вася нетерпеливо сел рядом:

— А наши-то где, заметил что? Никаких следов, не съели, ни отогнали.

Вот Васька, от него не укроешься. Вон же сколько следов! Хотя сам только магией нашел. Обессилено сказал:

— Посмотри на домик.

Вася удивленно посмотрел на дом, ничего не нашел, рассержено глянул на меня:

— Ну и что? Издеваешься, гад!

— Нет, это метода такая. Теперь надо посмотреть строго обратно. Так сказать, обратно перпендикулярно.

Вася буркнул негромко, но яростно, по-видимому, выматерился, но повернулся, как ему сказали.

— Вот, — удовлетворенно сказал я, — видишь прямо на нас деревья? Под ними лежат искомые люди, в том числе твоя Валя. Наши, так сказать, потеряшки.

М-да. По большому счету сказать, это ведь я здесь первый потеряшка, и первые дни по настоящему погибал от голоду и жрал все подряд, лишь бы хоть что-то кинуть на желудок. Потом появилась Наташа с Виками обоих полов. Женщины ведь чем хороши? Они дисциплинируют и цивилизуют. Это мужчине все равно что пожрать и чем пожрать. И, по большому счету, на чем пожрать.

А женщины они, в первые сутки отъевшись и отдохавшись, начинают копошиться. И мясо-то им лучшее и ложки по одной на рот, а вот эту мельхиоровую конкретно ей. Ах, это нечто оловянную? Все равно мне.

И будет мужчину строить добровольно, а если нет, то принудительно. Потому как по природе так принято. Женщина — она хозяйка в доме, а мужчина больше охотник. Я почему под Наташу и даже Викторию пристроился? Не то что секса захотелось, этого все хотят, а кто до 70 лет говорит, что не хочет, или больные (физические или психические), или не понабранные (сейчас есть и такие), или банально врут.

О, идут! Васька построил и направил. Как обычно, с шумом, гамом, криками. Это же Васька Баженов, он по-другому не может.

Я для вида прищурился, дескать, стараюсь посмотреть получше на расстоянии. Хотя на

самом деле активизировал магическую дальноркость. Это типа сильный бинокль, только магический, все найдет, только замечай.

Впереди идут мои голубки. Что бы подумал, пхе! Баженов за ней еще в школе ухлестывал. Ведь и титек еще не было у девчонки, а он уже ее прижимал. А после школы и в армии Васька вдруг быстро женился, но не на ней. Ошибка молодости, как говорится. Парни на этапе в 17–30 лет такие сексуально бестолковее, только лови их. вот нахалка и подманила. И Валя подождала еще немного, да и вышла замуж. Семейного тепла ведь всем хочется.

То есть в прошлой жизни все построилось, теперь только детей расти да в нужный срок на кладбище устраивайся. Но судьба — фатум (магия? Бог? Всевышние силы? может, я?) устроили им жизнь намбер два, и все можно начинать сначала. В полученный срок жизни, разумеется. Посмотрю, как у них получится, да и, наверное, поведу к молодильному роднику. Этот магический источник создан как раз для них. А то уж очень старые для новобранцев.

Пока я приглядывался магически да думал, новоявленные попаданцы и хм, попаданки подошли ко мне и укрылись в тени домика. Я вдруг оказался в гомонящей толпе, даже как-то неожиданно и неловко. Сколько раз думал о грядущей встрече, а в итоге не встречается.

— Серега, я тут уже рассказал вкратце, — сообщил веселый Васька, — но ты немного больше знаешь, дополни!

Ну Васька Баженов, ну пи... к-хм болтун. Ведь прибыл-то буквально пару часов раньше. Немного пожрал, да один туалет (легкая будка) помог построить. А уж апломба, на десяток Робинзонов хватит.

— Ну ты хмырь! — дружелюбно ткнул я его в живот, — что ты сказал, если сам ничего не знаешь?

Другой бы и обиделся (вариант, опешил), но Васька слишком меня знал. Друзьями мы, наверное, не были (хотя и он, и я так себя называли), но давними знакомыми точно стали. И с этой стороны по заднице друг друга хлопали (но не пинали). Знали — мы себя никогда не предадим.

Да и не такой был Вася, чтобы на меня обидется. Вместо этого он хлопнул меня по плечу:

— Виноват, господин унтер-офицер, больше не повторится!

— Ты это брось! — не стал я напрягать обстановку, — хорош тут при всех сосаться. Мне-то что, а молодежь вон краснеет, стесняется.

Это я, конечно, откровенно над ними стебался. Молодежи здесь откровенной не было, скорее наоборот, одни старые пердуны. Или уж точнее, молодежь от стариков. И краснеет она не от стеснения, а от палящего солнца. Организмы-то еще не приспособиваются после умеренной полосы. Там тепло и очень тепло еще при + 20 градусах. Здесь при такой температуре жизнь только начинается. Насколько я помнил из моего небольшого опыта Робинзонады, первый месяц, а, может, и год, ты постоянно будешь беречь кожу от прямых лучей солнца, и все равно станешь страдать от нее. А если не начнешь беречь, то совсем сожжешь на радость туземцев (львов, парнокопытных, кроликов и т. д.)

— Это не порно, — преувеличено смущенно отреагировал Васька, — а уж если и порно, то мы извиняемся. Больше не будем.

— Дурак! — влюблено посмотрела Валя на него. Вот она точно покраснела! Но, между прочим, совсем на него не обозлилась. Или он сумел рассказать ей об радикально

изменившийся обстановке, или она сообразила, что под старость лет сумеет дожить до истинной любви.

Впрочем, ладно, пошутили, нервы успокоили, можно и про реальность поговорить.

— Я много не буду, Васька уже натрепался, да и сами увидите. Главное — это тропический остров, не Россия, — нажал я на голос, чем вызвал негромкий ропот. Поднял руку, показывая, что продолжаю их ошеломлять, — и даже не наш мир. Параллельный.

Ропот мгновенно стих. То, что они (как и я) неведомо как перенеслись на родной Земле, было непонятно, но не ошеломляюще. Но другой мир для большинства хотя бы не читающих фантастику, не говоря об науке, и потому не имеющих гибкости мышления, было уже через чур и никак не вписывались в текущую реальность.

— В общем, это только к сведенью. Потом поговорим с моими соседями по стоянке, пришедшими сюда раньше вас, но позже меня. Они, кстати, местные жители, то есть аборигены параллельного мира. Здесь тоже Восток и Запад, враждебные Россия и США. Что отличает их от нас — Россия здесь императорская, а большевики у власти не были. Даже республики почти не было. А император сейчас, вернее, императрица, Анна IV. Между прочим, дорогие мужчины, вы должны знать = женщины в этом мире имеют более значимую роль, например, последний мужчина монарх в России был здесь в XIX, и им оказался Ярослав III. Кстати, из династии Добрыничей.

И достаточно, поскольку вся моя жизнь вас никак не касается. А вот, чего вы четко должны усвоить — это тропики и здесь также жарко, как и в наше мире. Берегите кожу от солнца, не перегревайтесь на острове, и не переохлаждайтесь в море. Тут, по крайней мере, на острове, нет медицины, лечить вас некому.

Далее, на острове есть львы, которым начхать, что вы думаете. Сожрут. Еще есть ядовитые змеи, колючки и так далее. В море точно существуют акулы, сам одну заколол, когда она нас охотилась. И не считайте, что они здесь маленькие и беззащитные, мне просто повезло попасть ей в глазницу. Вчетвером потом ели.

Короче говоря, здесь вам не тут и надо жить втройне осторожнее. И хотя, конечно, жить можно и в этой местности, но наглеть с природой не надо, иначе появятся и негативные примеры жизни.

И последнее. Остров — не моя собственность, можете жить, как хотите и где хотите. Только лишь не мешайте. Ну а с теми, кто останется со мной, я поговорю еще.

Демонстративно замолчал, показывая, что жду тех, кто хочет уйти. Как я и ожидал, дураков не оказалась. Россияне и иже с ними население, исторически выросли на принципах общинного коллективизма. В отличие, скажем, от европейских народов. Поэтому будут исключительно кучковаться.

Потом-то они разбегутся, если опасности на острове не будет или его окажется немного. Они-то здесь проживут. И еды найдется вдоволь. Ха, в таком случае, люди, как тараканы, разлетятся, только их и лови.

Сказал и замолчал. Нет, а что, я их сюда не звал. А теперь и сам маюсь. И остров какой-то враждебный, и магия то ли хорошая, то ли плохая. И люди, вроде бы земляки, а женщин от них по факту надо беречь. Да и не очень-то они и нравятся мне.

Вот и получается — на фигу козе баян? Может, все-таки удрать отсюда, если получится, конечно. Пусть они сами борются с жизнью, я ведь тут ни о чем?

Послышался мыслительный кашель, или его аналог, кто его знает. Гжее стремился «улучшить» мою жизнь, сделать из хорошей, еще лучше, до уровня обалдеть.

— Хозяин, — ласково сказал он, что как я понимал, было прелюдией какой-нибудь гадости, — ты уже умеешь предвидеть суровую реальность. Но сейчас ты ошибаешься. Твои земляки явились благодаря твоему волшебству. Неприлично это говорить, но и не говорить нельзя.

Тьфу ты! — сплюнул я мысленно, — хоть не берись за магию. И так плохо и эдак не хорошо.

Но ведь, с другой стороны, без магии же не получится!

Этот мыслительный процесс, к которому не прикрепилась слова, был очень быстр, тем более, со скоростью-то Гжее. Для окружающих я просто немного то ли задумался, то ли послушал окрестности. А тут еще в дальних лесах опять заревел лев. Видимо львица его не дала и он кипел злостью.

Какие это все-таки пустяки. Самое страшное будет в магической реальности. А это, — я махнул рукой и предложил идти к стоянке. Раз никто не ушел и я сам видимая причина их появления, то что делать? Пойдемте кушать, а там посмотрим, может, что и придумаем.

Озвучил это предложение:

— Предлагаю всем идти к нам на стоянку. Там тишина, хорошая тень, свежий ветер, — предложил я деловито, — опять же сегодняшний обед готов. Ничего такого из местных продуктов мои женщины, разумеется, не приготовят, но жирная похлебка из оленины и крупы у нас точно будет.

— Да! — воскликнул в этот момент Вася, — суп во! Картошки, правда, нет, но зато навариста и жирна!

Ну, на счет наваристости он, конечно, болтанул, но жирность хороша, прямо-таки у удмуртской коровы.

— Идем? — улыбнулся я на публику. В конце концов, не зачем им сообщать о моих неприятностях. Это еще теоретическая возможность, а у них и своих гадостей хватает. Лучше употребить суп, пока он не решил закиснуть!

Пошли. О-е-ей, это вам не по двое — четверо идти, тихо и медленно. Толпа, не боюсь сказать, бешеных трудяг. Из них женщин пяток, и ничего, что количественно мало, качеством взяли. Такого стало визга-шума, мама дорогая! И это ведь еще трезвые, а как нагрузятся спиртным?

Я вначале решил, что не буду их строить. Мальчики — девочки — люди, мягко сказать взрослые, у большинства остались взрослые дети, а у двоих, по-моему, даже внуки. Но через метров сто не выдержал, остановил:

— Я вижу, вы недопоняли, что это дикий остров с кровожадными львами. И олени здесь тоже только называются травоядными, то есть мяса вашего требовать не будут. Но при встрече, не задумываясь, стукнут рогами или копытами. При чем будут сами атаковать, а не просто отбиваться!

Со злости был весьма убедителен и грозен, но, по-видимому, до них не достучался, кости лобовые оказались излишне толстые. Россияне же, выше нас только звезды, ниже нас только, гм... и неважно, кто это — женщины и мужчины — внизу только это самое.

Так что убедительными стали не мои слова, а обычный и довольно пугливый шакал. Ведь это мне показалось, что единичная единица пожирателей падали бегает робко, звуки издает трусливо. А новички в толпе, судя по напряженной тишине и дрожанию всех абсолютно конечностей, очень даже испугались.

А вот я окончательно решил от них отойти. Я же не подписывался быть здесь Робинзоном и даже некой Пятницей (3 шт.), и, тем более, отнюдь не заведующим колонией. Или даже Смотрящим у уголовников.

К чертям собачьим такое попаданство! Сам работайте воспитателем!

Мда-с! Гжее, — телепатически спросил я артефакта, — а у меня, как у мага, есть возможность удрать отсюда? Покинуть хотя бы от этих долбощером?

— В свой недавний мир? — медленно спросил он в ответ, — а у тебя есть координаты или, хотя бы, магический якорь там?

Ответ был сугубо отрицательным, как у пессимиста в пятницу, 13 числа. Но я, собственно, другого и не ждал. Это не розовая сказка, здесь все в большом труде и полной безопасности. И зубастые крокодилы с хищными львами на втором плане.

Но я продолжал настаивать:

— Ну а в этом искомом мире, хотя бы из этого дурацкого острова? Достали уже эти долбаные попаданцы!

Гжее замолчал и не желал отвечать целых десять минут. Я так понимаю, держал театральную паузу, сволочь такой! Не может просто сказать ДА или НЕТ!

Потом он ответил, но совсем не так, как я хотел, или, хотя бы, каак предполагал. Вот ведь собака злая и очень зубастая!

— Понимаешь, — сказал он мне так проникновенно, что у меня сразу ослабели все конечности, — все дело в том, что в магическом мире, а этот мир, безусловно, магический, есть существенный закон — у каждого мага имеется враг. И чем он сильнее, тем сильнее у него враги. При чем за долгую жизнь у темного мага накапливается большое число этих неприятелей.

— И что же? — сразу успокоился я, — полста лет, это не слишком много для

бессмертного мага? Я еще, в общем-то, довольно молод. Знаю, враги бывают у всех, даже не у магов.

И опять меня Гжее резко обрубил. Абсолютно и бесповоротно, даже не поспоришь.

— Ты-то молод, — так нравоучительно сказал он, что мне захотелось ударить ему в морду, если бы у него она у него была. Или, хотя бы, пнуть что было ногой по черному боку с прозеленью, — а вот я стар, и у меня сотни тысяч лет яростной борьбы. И пусть не все враги выжили, но и оставшихся для тебя хватит с лихвой. Ты же еще новичок в магии!

Я еще как-то попытался побарахтаться, как юный безбашенный козленок в гибельной трясине, не понимающий, что отсюда ему больше не выбраться:

— Здесь-то я живу нормально? А если выбраться тихо и без магического трах — бабаха, то ведь смогу?

Гжее не улыбнулся, даже магически. Артефакты вообще не умеют манипулировать ртом по причине отсутствия оного. А вот сарказма у него, как дождя в лондонском летом — каждый день и не по разу.

— Ты хорошо подумал, молодой бармаглот? — ехидно спросил он, — или мозги окончательно высохли по причине отсутствия головы?

От этих слов, достаточно злых и оскорбительных, я заметно скис. Что-то ведь не подумал. А стоило поразмыслить. Я же маг, то есть почти как атомный реактор. Там такой фон, что любой прибор зафиксирует, будь то тихим или даже невидимым.

Отвлекся от нехороших мыслей, посмотрел на этих человечков из числа моих земляков. То они шумливы, как бабуины, а то робки, как юные гризетки. Что замерли-то?

— Я кому сказал, на солнце не стоять! — заорал я свирепо, — солнечный удар получите, а потом я еще втык добавлю! Ну?

Как не ори... Работяги мои лишь симулировали ходьбу на месте, что, как известно, расстояние не увеличивает. Шакал же был впереди! — вспомнил я, так себе угроза, ноо ведь бояться!

Кричать мне уже не хотелось. Отдача-то нулевая. Проверил магией местоположение. Вот ведь гад, не уходит! Чует, что здесь трусливые, хоть и болтливые, добычу ждет. И зря они боятся идти вперед, шакал уже позади. По крайней мере, стремится туда. Для ориентировки пнул его магией по заднице. Не хочет, заставим!

Шакал тоненько затыкал, почти заскулил. Для толпы трусливых орателей этого оказалось более чем достаточно. Даже не пошли, побежали, не думая, что хищник на острове не один и впереди их ждут не только шакалы, ну и, возможно, львы с гаремами львиц.

Пусть бегут, буду я останавливаться на пути трусов! Растопчут не хуже стада буйволов. Даже магия не поможет... может быть.

Проверять я не стал, вместо этого начал смотреть на «вещественные» следы бегущей толпы. Нет, не то, что вы подумали. Любая толпа (стадо) после себя оставляет слабых и обессиленных. А особенно в такую жару да среди жителей умеренной полосы, одетых в куртки или фуфайки. До сих пор ведь, кстати, не сняли, обалдуи!

Вместе с Васей и Димой (хоть двое благоразумных!) начали стаскивать жертвы вакханалий в тень и раздевать от верхней одежды. На солнце + 30, вы о чем думаете?

И что же в результате? Большинство ослабленных оказалось представителями женского пола, раздевание оно представило в виде насилия. Опять шум, гам, дикие крики. Ага, нападение древних греков на коллектор общественного туалета.

Я действовал весьма вяло, отдав инициативу своим приятелям. Вася опять явно ищет

Валю, потерял свою милую, виноват! А Дима, видимо, просто идет в дрейфе, как обычно.

«Гжее, — позвал я артефакта, — ты в нашей паре если не лидер, то наставник. Подскажи, что мне сделать. Я вижу только один выход — бежать. Замучают они нас здесь на хрен. Сначала меня, потом тебя».

Переход толпы из точки А в точку Б оказал впечатляющий эффект не только на людей (меня и т. д.), но и означенного артефакта. Он изобразил мыслительный вздох и сообщил:

— я с тобой полностью согласен. Но здесь уже не во мне дело. По древним магическим законам ты, пока в статусе новичка, можешь безопасно находиться лишь в убежище, то есть в месте, где была проведена твоя инициация, как мага. Это не больше, чем в трех километров по окрестности. Дальше постоянная опасность атаки. А это почти стопроцентная вероятность гибели.

Не фига себе конспект! Меня, кажется, уже похоронили?

— Гм! — сообщил я ему свою реакцию. Мол, что я не истинный россиянин, не смогу отойти до Москвы хотя бы ползком? Что ты меня пугаешь?

— Сережа, — снисходительно пояснил Гжее, передав цветную картинку — крупный черный кот лениво лижет свои мужские принчидалы и пытается мне сообщить информацию из магического учебника первого класса (убью, гада, и по первому случаю, и по второму): — магический поединок между новичка и полноценного мага, это даже не бой между шавки и бронтозавра, это будет бойня между мухой и тапкой.

Вот ведь, скотина однорогая! — подумал я с отвращением, — невысоко же он меня, такого умелого и умного, оценивает! Вот я тебе!

Артефакт, разумеется, мои черные мысли подслушал и гадливо добавил, как припечатал:

— Полноценный маг может вырасти не скоро. Например, по возрасту он должен достичь тысячелетнего рубежа. Не меньше!

Тысячелетнего возраста? И только... Гм, по-моему, я немного погорячился. Или, хотя бы, несколько вошел в эмоциональный аут.

Спросил его по-деловому:

— Скажи, Гжее, но я же могу, в принципе, теоретически телепортировать (перемещать объекты) и телепатировать (передавать мысли и чувства)? Или я снова заметно увлекся?

— Можешь, — сухо констатировал Гжее, опасаясь, что я опять сделаю какую-нибудь глупость. Эй, мне же не пятнадцать лет, понимаю уже что вляпался по самое ничего!

— Тогда я могу хотя бы позвать на помощь здешнее государство, желательно тоже Россию? — уточнил я его: — при чем, что б не эвакуироваться, а просто попросить, скажем, продовольствие, оружие там, снаряжение всякое?

Гжее аж расчувствовался. Это почувствовалось не по словам, а по такому молчаливому чувству, будто по голове теплым ветерком пронесло.

— Только помни — действие равно противодействию, — предупредил он вдруг, — закон есть закон.

Это было неожиданно и довольно неприятно. Ну а что делать? Закон магии находился на магической основе, то есть не будешь соблюдать, получишь по магии чисто объективно самой же магией. И хоть плачься, хоть кричи, не поможет.

— А каким будет это противодействие? — вздохнул я, — могу я сохраниться?

— Молодец! — похвалил Гжее, — быстро учишься. Хороший вопрос, тютелька в тютельку! Вопрос я почти усвоил, но надо еще посчитать, слишком уж многогранная тема

получается. Подожди немножко.

Мы прекратили мысленный разговор, важный для обоих. Артефакт перешел на напряженный режим мышления, а я посмотрел на своих (хм!) друзей и их (хе!) товарищей женского пола. Я даже не знал, можно ли их называть трудовыми подругами. Как понял по сумбурным разговорам, кто-то работал в столовой, кто-то техничками на производстве. А кто-то случайно шел по несчастливой случайности и поэтому вместе попали на остров. И теперь они стали вместе. Хотя, а ведь кое-кто и больше, чем подругой, — подумал я, глядя на Вальку, — и что-то мне не верится в ее чистый обморок.

— Надо их привести в себя и притащить на нашу стоянку, — предложил я, не желая встречать в этот интимный вопрос. Сами уж взрослые, пусть разбираются. Уточнил: — там ведь не только суп, но и много воды, тень, гораздо прохладнее. На крайний случай, затащим в водоем, хоть морскую воду, хоть пресную, пусть отмокают хоть до посинения.

План был хороший, но проблема сразу вырисовалась в том, что потерпевших оказалось четверо — трое женщин и один, прости господи, мужчина. То есть в один рейс не утащишь, а это, в свою очередь означало оставить одного часового. Двое же мужчин смогут отнести двоих пострадавших, не больше. А если посмотреть на жару, рыхлый песок и откровенное бессилие всех мужчин, включая Васю и Диму, наверняка, то только по одному вдвоем.

— Пойдем я и Вася, быстренько дотащим, — предложил я легкомысленно свою затею.

Как бы не так! Димон наотрез отказался оставаться один возле бессознательной жертвы. Тогда я предложил на роль постового Васю. Такой же результат. Будто и не мужики совсем. Вроде бы и не трусливы раньше были.

Потом вспомнил о своем поведении на корабле молочного брата по магии (надеюсь, не обидится). Какова я там тоже труса праздновал, как боялся любого шороха! Так что не надо бросаться упреками, мужики просто оказались в совсем ином положении и пока не вписались в жизнь.

Будто и не видел их испуга, спокойно предложил свою кандидатуру на пост часового. Физически, между прочим, самого удобного. Лежишь в тени, присматриваешь на обстановкой, да на убогими пострадавшими. Это прошло. Мужики, кстати, ленится не стали, взяли по одной женщине. Мне всяко легче и караулить и потом тащить во второй рейс на стоянку.

Вася, между прочим, с перевозкой груза устроился хитро. Как я понял из разговора между ним и Димой, он, оказывается, между делом поднял свою новоявленную невесту. Ха, кому страдать, а кому с милой обниматься! Димон выдвинул своему другу такую же претензию, на что Вася спокойно отбрехивался, что от этого она баба легче не будет. Так и потащили, ругаясь.

Я сначала проверил состояние лежащих, потом определился с угрозами в окрестных лесах и полях. С этим мне физически напрягаться не надо было, всю работу проделала магия. Выяснив, что пострадавшие сильно не пострадали и вот-вот очухаются, а близлежащие местности благоухают тишиной и покоем, я успокоился и спросил Гжее, как он поживает и не пора ли ему раскрыться. Потелепетировались.

Артефакт, в принципе, не страдал физически и морально и предлагал заниматься мне тем же. Что касается искомой проблемы, то он не только ее обдумал, но еще и проконсультировался с некоторыми нейтральными магами, чем меня немного напрягло. Почувствовав это, он для начала дал небольшую справку. Оказывается, помимо врагов, у каждого мага существуют немного друзей, обычно один-два, не больше. В общем, друзей

всегда меньше, чем друзей.

Но помимо этого, есть много нейтральных магов, которые нам не друзья, но и не враги.

«Мудрость любого мага существует для того, — между делом филоствовствовал «ученый» Гжее, — чтобы стараться иметь немного врагов, столько же друзей и обязательно кучу нейтральных магов, которые могут оказаться, скажем, мудрыми советниками, в Александр Сергеевич еликими посредниками, грозными судьями и т. д.»

Вот ведь, пластиковая коробка! А почему тогда у него мало друзей, и много врагов? А про нейтральных магов я совсем не слышал.

С Гжее я ссориться не хотел, но думать о плохом собеседнике и хорошем себе не запретишь. Артефакт это тоже учел и попросту проигнорировал неприличную мысль. Вместо этого он протелепатировал хорошую новость — магическое сообщество, учитывая мой статус новичка и существующие законы, большинством голосом решил, что активной силой является в этом инциденте Российское государство. И поэтому в случае схватки непосредственно моими врагами будут немагические существа. Правда, и мне придется сдерживаться и применять только немагические военные средства. Типа в первом случае пойдут типичные враги русских. Во втором же случае появятся обычные в русских сказках магические неприятели, — например, драконы, демоны, вампиры и т. д.

Выглядело в целом оптимистично, но очень уж непонятно. Надеюсь, Гжее найдет время посоветовать и тихонечко пройти между Сциллой и Харибдой. А то их больше, побьют еще (шутка).

А так, мне лишь оставалось надеяться на прекрасную будущую жизнь. Удрать пока с острова мне не удалось (и, скорее всего, не удастся), но, с другой стороны, я и здесь неплохо устроился — прелестная женщина Наташа, могущественная магия, куча земляков — кирпичей для строящейся судьбы оказалось много, знай только шевелись.

О, так сказать друзья появились — Вася и Дима — вот и мое освобождение. А третий кто? Наташа, кто еще может быть, стоило только подумать, как она сразу возникла. Забеспокоилась за мужа, а, может, кто-то и ее уже беспокоит. Хотя нет, тогда бы она взяла с собой Викторину и пушистиков.

Как ты? — сразу прилипла она к моей руке, — столько людей пришло, а ты все не идешь? Я уж стала беспокоится.

Она изловчилась и поцеловала. Ишь, какая заботливая! Я поцеловал ее в ответ, дескать, я тоже тебя люблю, посмотрел на моих, как я уже понял, подчиненных или даже поданных. Жить-то надо и дальше хорошо, а любое человеческое общество бывает сильно структурировано. Так что не стоит ждать у моря погоды, а самому делать свою жизнь.

— Вася, познакомь нас между делом, — попросил я, — а то почти пол дня находимся вместе, а только взглядами и знакомы.

Вася угукнул и заговорил. Оказалось, женщину звали Роза, а небольшого мужчину Андреем. Последний уже отошел от обморока и мог идти сам, а вот Роза еще только беспомощно шевелилась, да на меня тарасилась. Нет, ничего страшного, подтвердила мне магическая диагностика. Просто обычная слабость. Пять — шесть часов и она придет в себя.

Пять — шесть часов? Это ж целый день! Ну его к лешему, пойдем потихонечку! Приказал, как немец заялал. Вася, как самый сильный, потащил Розу на своей богатырской спине, Дима, взяв под руку плюгавенького Андрея, тащил его вслед за Васей. Последними медленно шли мы с Наташей. Груз намерено явно не одинаково. Зато я вколол другу солидную порцию витаминов и аскорбинки, так что тот потопал по песку, как трактор с

прицепом (Розой), даже не ожидаясь остальных. Еле догнали. Жара же и песок, куда бежать, спрашивается?

Я честно хотел установить очередность, ведь я даже совсем никого не носил. Но стоянка уже виднелась на глазах, зачем мучить податливую совесть и слабых подчиненных. Лучше потом дам ему дополнительную порцию супа.

На стоянке нас (меня в особенности) ждал шумный галдеж и почти овация с мявом (это пушистики, заорали здесь, хотя идут с нами уже от домика сторожа). Все понимали, что со мной будет куда лучше, чем без меня и радовались моему появлению. А я сразу же озаботился текущими проблемами. Хватит сопли жевать. Что нам нужно?

Первое. Многообразная еда желательно в обильных порциях. А это требовало регулярного притока продовольствия, постройки хоть какой-то кухни с печами, дополнительную посуду от ложек до котлов и плит на печи, постройку столов;

Второе. Хоть какие-то удобства. Туалет мы построили, теперь надо было строить жилища, в них минимум мебели, постельные комплекты. Отсюда плавно перейдем к одежде. Попаданцы пришли сюда в летне-осенних нарядах. Хорошо, что жарко, днем можно просто снять и ходить. А вот резиновые сапоги и теплые ботинки никуда не годятся. Народ в раз останется с больными ногами. С босыми ногами тоже не комильфо. Стекла здесь еще нет, зато полно камней и колючек и опять больные ноги. Самим делать обувь? Хм, в принципе можно. Лапти, примитивные кожаные ботинки, если есть мастера.

Третье. Обязательная безопасность. Сначала от диких зверей и от агрессивной природы. Здесь вам не тут, а наши обалдуи точно полезут в пасть спящему льву или крокодилу. И потом еще будут к вам в претензии, если выживут, конечно. Бабы те точно в крике будут, столько мужиков кругом, а защитников нет совсем. Ха, будто я их не знаю, крикуний.

А потом появятся еще враги государства. Кто они, типичные «друзья» — немцы, американцы? Но драться-то точно будем мы, копчиком чувствую. Значит, нужны оружие и воины. Интересно, а уровень важен? Я то могу попробовать снабдить хоть средневековыми арбалетами, хоть современными автоматами. А как наши доблестные враги, Гжее?

Артефакт ответил на этот раз мгновенно. Понял, гад, что паленым пахнет, засуетился.

— По оружию будет аналогичный ответ всегда, — ответил он, — то есть выбирается эпоха и типичное для расы и народа стрелковое оружие. Если же ты сумеешь достичь преимущество в количестве и качестве, то это пожалуйста, но только стрелковое. Активность и сметливость здесь поощряется. По воинам же учитывается активность. То есть зачитывается начальный уровень воинов, а рост их мастерства нет. Работай с ними и побеждай!

Вот ведь как, сволочи! А социалистическое (капиталистическое) соревнование вам не развернуть? Кругом идеология, соперничество пряника и кнута, да что б вам!

Ладно, я спокоен, совсем спокоен, а руки слегка дожат так это от детского испуга. Ух, триглодиты!

В общем, с меня воины, оружие мне все равно не сделать, кроме самого примитивного, с которым в бой не пойдешь. С воинами же, хоть меченосцами, точнее топороносцами разобраться

Короче, надо проводить совместное собрание и бросать клич. Только специалисты везде решают вопросы, хоть в бою, хоть в труде, иначе никак!

Итак, нас двадцать четыре человека со мной. Женщин, разумеется, потом тоже считаем, повара и поломойки тоже нужны. Но, по большому счету сейчас нужны мастера, то есть

мужчины!

Кликнули добровольцев, могущих хорошо трудиться и по специальности и на дому. Перед этим я прямо сообщил, что с учетом нищенского уровня на острове, придется делать все — от лаптей до топоров и ключ ко всему только квалифицированные специалисты. Значит, на них будем обращать основное внимание, им все в первую очередь — еда, одежда, жилище.

После этого мужики откликнулись охотно. И я их понимал. Сначала апокалипсис (с точки зрения самих жертв), потом безлюдный остров и ты без ничего — ни орудий, ни оружия, даже еды хотя бы поначалу не было. Зато хищники разного вида и уровня опасностей, готовые тебя жрать хотя бы из голодного состояние.

А тут тебе обещают все привычное, хотя бы по минимуму. Но ведь это поначалу, правда, мужики?

Посадили за стол Вальку (собрание проводилось в столовой) и все замолчали. А чего, братцы, имеем и надо ли?

Вот вам и обратная сторона коллективизма. Не хочется вылезать, даже если это и тебе на пользу. Ведь потом скажут хвастун и прощельга, дразнить станут.

На это случай у меня были, так сказать, добровольцы.

— Пиши! — вышел вперед Вася, — работаю кузнецом почти двадцать лет, что угодно в селе скую. Опять же не только печку могу сделать, но и кирпичи делаю. Охочусь и рыбачу для себя, а здесь могу и для вас!

Вася выступил твердо и громко, на зависть остальных сомневающимся. После него никто уже не сомневался — раз надо, так надо. Валя строчила в тетрадку по имеющейся схеме, лишь иногда задавала нужные вопросы.

Я же, грузно сидя рядом, в мыслях был очень далеко. Спроси меня сейчас самое простое, и на это, скорее всего, не ответил бы. Хотя обдумывал очень важное для всех. Прямо-таки жизненное.

После того, как судьба голосом Гжее (телепацией) обломилась меня с задумкой удрать в тихую норку, я несколько образумился. А внутренний голос (не Гжее) напомнил мне, что это Точка Ноль и здесь надо мучиться. Отсюда нельзя бежать, а сам побег квалифицируется как трусость и соответственно оценивается. Будешь потом жить голодно и нищесборно. Ведь жизненный порог ты, получается, не прошел!

Так что не дергайся и твердо сиди. Все эти потеряшки не зря сюда были заброшены. У них тоже испытание, а вместе они создают экзамен для меня. А что ты экзаменов не сдавал, что ли, в студенческую пору? Пройдем, не такие петухи топтали, хе-хе!

Значит, надо только помнить базовые принципы, от которых надо постоянно отталкиваться:

Во-первых, пользоваться минимум помощи государства. Здесь много негатива:

— Чем больше ты «с друзьями» берешь припасов из государственных складов, и тем более, существ (не обязательно людей!), тем больше ты подставляешься. Гм, а как подставляешься?

«Гжее, а по какому принципу разрешается использовать оружие? И есть ли какие-то принципы вообще?»

Артефакт сообщил с интонацией очень занятого работника, которому позарез надо трудиться:

«Оружие может быть либо холодным — луки-арбалеты, мечи-сабли, копья, либо огнестрельным, либо магическим. В любом случае оно должно быть ручным и переносимым мускульной силой».

М-да, атомных лодок в степях Украины тут явно не увидишь. Так же как и танки и бронемашин. С другой стороны, и Бог с ним, огнестрельного стрелкового оружия мне и Васе вполне хватит. Может даже копий будет достаточно, а?

— Во-вторых, мне всегда напоминают, Гжее это тебя касается, что магию использовать нельзя.

«Это не я напоминаю, а Совет, — недовольно ответил артефакт, — и, между прочим, для твоей же пользы. А то ты в молодецком состоянии рванешься творить магические формулы, чем враг и воспользуется. А ты еще по сравнению с тысячелетними мастерами сущий сосунок».

Ладно, дедушка. Ворчи по-стариковски. А мне пора по молодухам, или хотя бы до жены. А если серьезно, то это всего лишь ограничения. То есть их постоянно видишь, они, как каналы на руках, но на горло не давят. Хотя, разумеется, если бы было больше свободы, стало бы легче. Но нельзя — Точка Ноль. Почти как Каносса, только здесь важны не молитвы, а дела. Вот так!

— Сергей Леонидович! — Валя по-дружески чувствительно двинула по колену. Вот

ведь... подруга! Васе своему так стучи, я тут при чем?

Я вопросительно посмотрел на нашу секретаршу. Валя, чувствуя себя почти единственным человеком дела, повторила:

— Савинов Борис Аркадьевич, трудовых навыков для нас почти никаких, работал технологом в ТОО «Быстрый компьютер». Но в армии служил разведчиком в мотострелковым войсках, способен проводить активные рейсы, а также проводить антитеррористическую деятельность на территории стоянки.

— Ага! — уже с интересом посмотрел я на него, — по мирному времени он бы, конечно, не пошел, ну а здесь очень даже хорошо. Хотя какой еще боец, надо посмотреть. Но в любом случае такие нужны хотя бы как приманка.

— Что там еще? — поинтересовался я, настоятельно вытягивая на себя тетрадь с записями. Не все услышал из-за тревожных мыслей, да и на бумаге смотрится лучше.

Валька, собака такая, тетрадь кое-как отдала, но так посмотрела, словно я ее муж, при чем пьяный в дупель и лежу на крыльце бездыханным.

— Так, — посмотрел я на бумагу собственнически, — что мы в итоге имеем? Какие есть у меня специалисты для рабочей разрядки?

Валька посмотрела на меня как-то даже жалобно. В двух словах я ей коротко, но четко показал, что она не то, что со мной, но, по крайней мере, не на уровне. Я все-таки административный работник, а она технический. А вот не фиг тут рыпаться, Ваську пусть строит, а ко мне строго по-деловому, как подчиненный к начальнику. И так есть свое орало, пусть и симпатичное. Кстати, на счет Наташи. Выест ведь плешь своей ревностью, не посмотрит, что мы строго по работе, а у него уже есть муж. Охо-хо-хохоньки!

Однако надо смотреть будущие кадры. Смотрят ведь люди со всех сторон, сейчас будут спрашивать о своей судьбе. Что им скажешь? Работники, конечно же, так себе, но ведь есть же! А дальше, как сказал Гжее, уже от нас будет зависеть повышение их квалификации, вот как. Так что не скули, сам будешь виноват.

Смотрим, итого под тридцать особей. Из них мужчин 24, прочих 10. в свою очередь первые делятся на:

— работники по глине. Ха, а действительно по глине. Валька так разделила специалистов. Я поначалу смотрел скептически, думая, что практически они, главным образом начнут работать по кирпичам в лучшем случае. Но нет, один только. Но умеет создавать посуду. Лепить только может и обжигать, но ведь может! И еще два кирпичника, оба из местного кирпичного завода. А кирпичи нужны, и для печей, и для оборонительной стены, пусть стенки. Срочно найти глину! Песок у нас есть, это и так понятно, по нему постоянно ходим. И, на всякий случай, известняк. Это ж известная триада — глина, песок, известняк!

— Э-э, Геннадий Ильич, покажитесь, пожалуйста!

С задних рядов поднялся незнакомый мужчина. Приезжий, что ли? Совсем не знаю, смотрю, как баран на гражданина США. Посмотрел на него вопросительно. Незнакомец понял, хрипло отрекомендовался:

— Геннадий Ильич, мастер по глине, работаю в школе трудовым наставником и, на полставки, в кирпичном заводе. Посуду делать умею, не очень красивую, но добротную.

Понятно. Намекает, что на безрыбье и рак рыба. Не лишено логики. С другой стороны если он сумеет обжигать хотя бы чашки и то замечательно.

Посадил мастера на место, выделил по своему желанию двоих помощников. Пусть

стараются, глина хоть и тяжелая, но вещь в хозяйстве нужная.

Так, а вот охотников и рыбаков здесь гораздо больше. Хотя то, что они себя так называли, не значит, что их настолько много. Особенно охотников. Водки у нас нет, с чем ходить будете? А если серьезно, то ходить на зверье придется не с ружьями, а копьями. В лучшем случае с арбалетами по очереди. Сможете? И шесть человек, что у нас тут, мясокомбинат?

Однако, с другой стороны, ломать, как говорится, не строить. Отобрать всяко будет легче, чем заново искать. В крайнем случае, будет готовый резерв для армейского подразделения. А уж оно будет большим, поверьте на слово.

Рыбаков тоже шесть человек. Странно, по числу охотников равнялись? Вопросительно посмотрел на сидящую рядом Валю. Строго и немного надменно. Мол, что за херню творите тут, господа?

— Сергей Леонидович, — немного испуганно стала оправдываться секретарша, — у нас в селе из безработных образовался целый слой браконьеров. Им, в общем-то все равно, что в лесу, что в реке. Ну и я подумала, что лес маленький, а море большое и в нем запасов гораздо больше. Вас, между прочем, спросила. И когда не ответили, сама немного подкорректировала соотношение охотников и рыбаков.

Хм, а я даже не понял, что она меня спрашивает. Хотя, пусть корректирует, надо будет, проведем структурную реорганизацию. Это нормально.

И последняя важная часть островного общества — полувзвод армейцев. Силовое подразделение в рамках армии и полиции. И как-то по мне, оно может быть самым важным. Не дай Бог, конечно, а что делать?

Семь человек. Не мало, но и немного.

Не определившие — три человека.

— Это временно, — показала карандашом, — вас туда же поставили. Вы же в очереди на специальность не определились?

Посмотрел на нее недоумевающее, как барышня на козявку. Она что, указывать мне будет? Фига се! Надо будет Валю потом немного приструнить. Нет, надо будет Васе сказать, чтобы он свою подружку приструнил, а то черт знает что!

— Всех не определившихся, в том числе и меня, явочно включить в армейский полувзвод.

— Но я не хочу в армию! — возмущенно воспротивился полужнакомый мужчина. Алексей, кажется Касатонов. Или нет? — хватит, два года отпылил на плацу, чтобы здесь еще мучиться.

Его негромко, но внятно поддержали еще несколько человек. Остальные с интересом смотрели, как я буду реагировать. Я, знамо дело, отреагировал радикально плохо.

С самого начала ждал, когда же появятся протестанты. Не может быть, чтобы разумные существа XXI века пассивно стояли и смотрели, как их считают.

И потом, еще более важная проблема — мне надо обязательно замаскироваться среди простых людей, а, значит, старшим быть нельзя. Как этот Леха вовремя вылез. Сейчас мы с вопросом проманкируем, может, народ сам захочет убрать?

— Господа! Товарищи! Друзья! — я встал и обратился к окружающим, подменяя выражения, — на счет армии. Успокойтесь, воевать мы ни с кем не будем. XXI век на дворе, а мы слишком мирные люди. Я правильно говорю? — сказал к окружающим.

— Да, разумеется, нечего тут, правильно! — вразнобой ответили мне. И как бы они не возражали мне, но и не очень-то и соглашались. Ох, народец, а оно мне нужно. Цели у нас

явно не очень-то разные, но направления очевидно не сходятся. Сейчас так объясню, запрыгаете на мягком месте.

— Но посмотрите, с другой стороны. Остров-то дикий и хищники на самом высоком уровне. Хотя б те же львы. Более того, — я остановился и трагично продолжил, стараясь вбить в головы штатских людей, не желающих, чтобы их снова ставили в строй, — на острове и на море, очевидно, есть воинственные дикари и даже разбойные пираты. Что мы будем делать, если они вдруг нападут на нас, отговоримся, что мы, мол, мирные люди и не трогайте нас. Думаете, послушают?

Тут на помощь мне неожиданно пришли на помощь женщины. Одна из них, светловолосая и довольно симпатичная, несмотря на большой возраст, где-то около сорока лет, начала ругаться и требовать:

— Что вы тут, мужики, гавкаете на командира? Не нравится слово армия, назовите самооборона. Разница какая? Все одно в дикой местности, со враждебным населением, нам надо не просто сплотиться, а действовать с вооруженным населением, типа ополчения. Не мирная же Финляндия, распнут и в рабы пустят. Хотите?

Услышав про рабство, подали голос и другие женщины. Этот социальный институт в нашей стране с подачи существующих книг и фильмов был не очень-то популярен, как минимум. Их поддержали и мужчины.

— Ладно, хорошо, — наконец сломались бунтари — только пусть Серега тоже пойдет в армию. А то командовать все мы мастера! Кто его сюда поставил командиром? Мы не голосовали!

Ох, бестолковые, думают старшим быть так легко. Нет, на острове я буду и дальше, но рядовым, пусть маются сами. Предложил, как бы между прочим:

— Кстати, если мы решили первую часть кадрового вопроса — о специалистах, то можно решить и вторую — о командовании.

— А надо нам оно вообще? — раскатали Леха and company губу на губузакаточном аппарате, — так проживем!

Однако большинством голосов все же народ решил — старшего над людьми надо выбрать. Так не привычно, чтобы толпа людей не была реорганизована. Хотя бы и даже накормить, тоже необходимо кому-то командовать.

Пользуясь безалаберностью и растерянностью, предложил, перехватив инициативу:

— Предлагаю Василия Филатова. Человек наш, все его знают. Кто за?

И спокойно сел, довольный начавшейся бузой. Кипеж стал, ого-го-го! Но смотрю, предложение мое, хоть и сначала было встречено в штыки, затем потихоньку прошло. Ведь предложил его я — как бы старший на острове. Пусть часть населения, скажем так настроенная анархистически, была недовольна, зато другая дисциплинировано подчинялась.

Но наиболее тяжело пришлось как раз мне. С одной стороны, это было наиболее типичная реакция деревенского, то есть наиболее отсталого населения в рамках демократии. Этот момент был предсказуем. В общем собрании найдутся хотя бы пара-тройка обалдуев, которая чем-нибудь будет недовольна. Это еще спиртного на острова не нашлось, а то бы точно до драки дошло.

Я вначале просто хотел закрыть глаза на этот «миазм демократии». В любом государственном режиме есть узкие места и хорошие способности управленца заключаются как раз в способности их расшить. Но потом в ходе разговора слово за слово, ударить об стол этим местом, да. В общем, пошло — поехало. Да еще свои собственные интересы.

В результате кризис человеческого общества развернулся еще до начала кризисного момента как такового и я из своего рода старейшины острова явочным порядком стал обычным рядовым. М-да, не помогли ни Гжее с его телепатическими советами, ни мявочная помощь пушистиков Гризли и Снежка.

Итог, за меня 14 голосов, в том числе все женщины, чем откровенно меня удивили, я же с ними никак не дружу, за Васю 15 голосов. Хе-хе, если Васька и победил, то условно. Пиррова победа, сто процентов. То есть эти голоса, что мои, что его не железные, могут и вырасти, могут и сохранятся. Но, так или иначе, на данный момент они четко показали раскол в нашем обществе.

«Ты увлекся словесными баталиями, — протелепатировал Гжее, — с твоими-то способностями, ты их или задавил бы, или бы просто убил. А вместо этого ты влез в пустопорожний спор».

Я сначала даже не понял, о чем идет речь. Потом потребовал пояснить, что он имеет в виду. Я, разумеется, всех легко пригну. А как я из них буду делать нормальных воинов?

Гжее замолчал, довольно глухо и надолго. То ли искал варианты выхода, то ли просто опешил. Потом нехотя признался, что его опыт темного мага и некроманта, хоть и огромный за прошедшие тысячи лет, но не подразумевает больших способностей в общении с современными людьми.

«Вот то-то и оно, — протелепатировал я, — общаться с людьми ты не можешь, а тем более с жителями XXI века. Думать-то они в большинстве так и не научились. Зато трепаться могут только так. Сумеешь, если не убивать, а убеждать?»

Артефакт замолчал, что только показывало, кто из нас прав. Я не стал его додавливать, а вместо этого начал думать, как себя вести дальше. Проведенный на одних эмоциях спор с анархистами (так я их назвал про себя) только укрепил меня в том, что с людьми надо договариваться. Иначе никак. Можно, конечно, ввести режим диктатора, но кроме как разгона людей, он не принесет.

Земляков надо приучить и укрепить в мнении, что провестик хорошей жизни могу только я. А к плохой жизни они могут и сами. Увы, Вася, но только так. И у тебя, как главаря островных людей, будут одни сложности.

Но пока и у меня появились излишние трудности. Общество расколосось на две части и после собрания разошлось поотдельно. При чем одну часть увел я. Ну как увел... немалое количество из моих людей составлял женщины, которые почему-то думали, что я их буду кормить и защищать, а они лишь будут кочевряжиться. И что мне с ними делать? Я, конечно, мог с ними поговорить, но чуйка в голове подсказывала мне, что я окажусь проигравшей стороной в любой стороне.

К счастью, мои так сказать противники, или, точнее, соперники, хотя бы Вася Филатов, были еще в худшем положении. Женщин у него не оказалось, как впрочем, и понимания, как они туда попали, за что, и, самое главное, что им теперь делать.

Короче, Вася решил со мной поговорить, а то ведь такая нетерпличка у него появилась, что на скоро на острове глубокие озера появятся, если, конечно, у него влаги достанется.

Поговорили. Сначала он обратился ко мне с упреками, но я сразу отметил, откуда этот ветер дует и заявил, что ни в коем случае на Вальку не претендую, на хрен она мне нужна, если у меня имеется Наташа. Моя дива была в стократ красивее, да еще и моложе, по крайней мере, внешне.

Так что с этой стороны, ему ничего было сказать. К этому времени мы прошли на сотни

две метров от стоянки, и тропическая растительность надежно прикрывала нас от населения. Вася, сообразив это, помолчал, потом уже другим тоном сказал:

— Не знаю, зачем ты меня засунул в командиры, колись давай!

Ах, молодец, голова пустая, а чуйка есть. Но в любом случае наболтать и потрепаться.

— Что ты обо мне подумал нехорошее, — возмутился я, — сам же видел, твои соратники выступили так неожиданно, что застали меня врасплох. Да и не хотел драться. Ты-то промолчал, паршивец!

Эмоции мои были почти искренние. Ведь в отличие от Васьки, мне приходилось сразу отбиваться от него внешне и от Гжее внутренне.

Выслушав сей брех, Вася еще помолчал, подумал, и уже решительно предложил:

— Он так и быть, останется командиром, но действовать станет по моему слову, потому как ему самому делать нечего.

Это была моя безоговорочная победа. Жаль, что праздновать ее было нельзя — я находился под бдительным прицелом двух своих друзей — соперников. Пришлось только высунуть на лицо облегченную улыбку:

— Вот и хорошо, избежим раскола среди населения.

Таким образом, я останусь серым кардиналом, а формально старшим у нас останется простоватый Вася, который не имеет никакой магии. А это означает, что и против него (против нас соответственно) магию бросать нельзя

Гжее эту мысль мою перехватил мгновенно. Мысленно похлопал по плечам, одобрительно протелепатировал:

— Хозяин, ты растешь ото дня ко дню. Мальчик мой, я горд, что работаю с тобой, ты настоящий темный маг!

Сильно я, видимо, сумел удивить артефакта, если он показал самую сокровенную внутреннюю мысль. А то хозяин, ха! На самом деле, как я и подозревал, максимум, чего я дотягивал в магической сфере — маленький мальчик. Даже не Вик, а еще младше. Хотя бы до сегодняшнего дня. Сейчас, надеюсь, он оценивает получше?

— Магический Совет, разумеется, легко раскусит нашу хитрость, — продолжал Гжее, — но формально он повторит запрещение магии, ведь именно ты можешь быть инициатором, как появившийся на свет темный маг. И магию не затрагиваешь. И вообще, проводишь сугубо защитную политику, раз даже главарем не становишься.

— А что, можно было использовать магию для моих земляков, — неприятно поразился я, — и мне не надо было хитрить?

— Можно, — подтвердил Гжее, и, не дав выпустить эмоциональный выплеск, поспешил добавить: — но не нужно. Нейтральные на этот момент маги тут же отметили бы всплеск магии, а враги найдут повод для своей магической активности.

Помни, сегодня тебе можно использовать магию только в одном случае — попросить помощь у одного государства. И все, даже у двух нельзя.

— Хм, — скептически протелепатировал я, — ты-то об этом откуда знаешь? Угадываешь на основе огромного жизненного опыта?

— Мне сообщили об этом, — сухо протелепатировал Гжее, — знакомый нейтральный маг, который в течение лет постепенно становится другом. Надеюсь, ты не будешь рассказывать об этом всему миру.

— Я уже могу сдерживать мысли в голове, — с достоинством сообщил я, — отнюдь не салага. Скажи лучше, что мне делать дальше? Тебе же исполнилось больше тысячи лет, опыт

действительно огромный!

— Мне исполнилось больше пяти тысяч лет, — сдержанно сообщил старый артефакт, — я очень мудр и много чего знаю о прошлом, особенно из магии. Но о новых людях мало что знаю. Когда я воспитывал малыша Грва о Нула, то они едва были выше зверей и по разуму, и по уровню жизни. А теперь даже вдалеке от обычной своей жизни они так смогли подняться! Пожалуй, я не осмелюсь дать тебе совет.

— Совет не приказ, я, может быть, его и не послушаю, — уперся я, — лень тебе что ли? Тем более, это на грани магии, а это ты можешь.

— Ну если ты настаиваешь, — снисходительно сказал этот ржавый арифмометр, — ты можешь попросить у этого глупого молодого человека, который так поддался легкой лести, отряд воинов. Будет у тебя стража, а за одним и для всех людей.

— Хороший совет, — так же снисходительно ответил я, — точный. Пожалуй, я последую за ним.

Честно говоря, совет Гжее был таким же, как мое собственное намерение. На острове практически на сто процентов скоро начнется война. И если бы только с дикими зверями! Но, скорее всего, будет полномасштабная война государство на государство. И мы, бродячая кампания, кажется, будем самыми слабыми. Что поделать, хочешь мира, готовься к войне!

Они довольно легко и быстро договорились, как двое мужчин, которых не отдалают ни интересы, ни деньги, ни даже молодость с ее горячностью и чистоплюйством и которым нечего делить в сложной обстановке. Два мужчины в возрасте, спокойно и даже хладнокровно займутся каждым своим. Вася возьмет общее командование своими земляками, в том числе и женщинами. Кроме Наташи и Виктории, они останутся под моей рукой.

Ну и, конечно, кошками-кошками. Грациозной Гризли и сердито царапающимся Снежком. Они еще так и не привыкли к большому количеству людей (все познается в сравнении, не так ли?). И потому особенно близко подходящих ко мне. Или, если я уйду в сторону, шландаются на кухне.

Я же руковожу так называемой армией — полувзвод в количестве десяти необученных человек со мной вместе. У нас около четверех копий разных типов и назначений, примерно пять сабель и мечей, три боевых и один рабочий топора. И даже один арбалет.

В общем, средневековое ополчение, тудить — растудить. А если посмотреть нашу квалификацию, то твердо можно сказать — необученные ополченцы с разномастным оружием. На фига, так сказать, козе баян? Да нас любая регулярная армия разобьет, и даже не регулярная. А воевать-то все одно нам, не бабам же. Они, кстати, умеют. Наташа в явочном порядке отобрала (нежно взяла, как она отметила) мой арбалет, а потом меня же и обспорила, метко стреляя из данного оружия. Ух, три стрелы и все в яблочко!

Только зря она так радуется. Арбалет в любом случае только один, а сама Наташа может бить лишь по неподвижной неодушевленной цели превосходно, но и только. По грозному льву, а тем более по разумному существу (надеюсь, только по человеку!) она обязательно промахнется. Потому как занервничается вдоволь и точно промахнется. Женщина же!

Копейный строй у нас базовый, от которого зависит наша победа. А больше нет ничего, ни холодного оружия, ни огнестрельного. То есть имеются клинки, но в них нет в наличии квалифицированных рук. Вот ведь гадство какое. Даже мне сабля не дается. Рублю, как топором!

А я ведь знаю, есть прекрасные возможности для хорошей жизни. С одной стороны, превосходная прямо-таки могущественная магия, с другой стороны, реальное государство — Россия вариант 2. тоже россияне, пусть и другие. И, видимо, столь же сильная, храбрая и многочисленная, как и в нашей реальности.

Но ведь все равно нельзя. Как мне мысленно говорили мудрые товарищи (Гжее, например), тут проявляется четкая, почти объективная диспозиция — чем больше кому-то дают, тем более с него требуют. Не деньгами, между прочим, а подчиненными и магическими силами. И слов о недостаточности сил и неудачи в действиях совершенно не слышат. Если вообще дают сказать эти слова.

Я покумекал так, покумекал эдак и про себя решил, что посему будем делать так — действовать по максимуму своими силами и авось пролезем! Пролезали же раньше, хоть и кое как и по минимуму?

Посмотрел на «однополчан» — своих ближайших соратников по армейскому полувзводу и аж позавидовал. Они-то думают, что все существует, как они видят. А что представляют, так и оценивают. Счастливые такие, какие вы радостные! А вот я вижу не

только обычными глазами, а слышу соответственно не только ушами. И от этого становится как-то зябко и просто плохо. Один мат в душе. Не выдержал:

— А что, братцы мои родные, может, мы сплотим наши ряды покрепче?

Пояснил не понявших, удивленно — заинтересованно посмотревших на меня земляков, как это умеют посмотреть только мужчины при упоминании о спиртном. Не уронил их надежд на счастливое будущее:

— Да, мужики, я об этом и говорю. Тут моя Наташа брагу нагнала вчера из захмелевших тропических фруктов. Крепкая, зараза. Еле отбил у нее Примете по сто грамм?

Спросил из вежливости, почти понимая, что ответят. И мужики не обманули, все гаркнули: мы только ЗА. А где брага, где тот замечательный эликсир?

Так и пили из одной кружки по очереди. Деревенская привычка. закусывали теми же фруктами, в укромном местечке, в скромной полянке вдали от остальных. Спиртного, как известно, много не бывает, и делиться с другими с нею откровенно запахло. Я во всяком случае, не смог бы.

Одновременно я разговаривал с уже собутыльниками. В пьяном виде и говорить плохие известия будет всегда легко, и принимать. А делать нам, ребята, дело будет привычное, о чем уже говорилось на общем собрании, но тогда вообще, а сейчас конкретно о нашем:

Во-первых, защищать остальных от плотоядных зверей и добывать травоядных на еду для них же. То есть, этим будут, конечно, заниматься охотники, но ведь и нам не придется спокойно валяться под деревьями. Охотников мало, оружия у них совсем нет, а зверей много, как и голодных нуждающихся ртов. Так что придется им обязательно помогать и одновременно их же защищать;

Во-вторых, воевать уже по-настоящему с потенциальными врагами. Эти появятся точно и конкретно персонализируются в:

а) голозадые дикари, которые может и к цивилизации не прикасались, т. е. читать — писать не могут, трусы — носки не носят, зато у каждого есть копьё и клинок, и убивают они с раннего детства. Откупиться от них мы не сможем, им нужно мясо, человечину они любят;

б) морские пираты. У этих цивилизации, наоборот много, с каждой отрыжки отлетает вокруг, как по пьянее. Убивают они не просто так, а исключительно за деньги. То есть ничего личного, работа такая. Головорез на головорезе, драться с ними будет очень трудно. И эти не захотят откупиться, поскольку от них мы просто не сможем;

в) прочие. Звучит это невнятно и очень легко. Что тут еще остались, после зверей, дикарей и пиратов, ха-ха!

А на самом деле, в этой категории остались самые страшные и опасные — враги российского государства, если мы, конечно, будем получать от него помощь и, соответственно, возьмем его в союзники. Они еще не знают, эти наивные земляки. А ведь только батальон регулярной армии той же Германии или США или кто здесь еще враг России в этой реальности. И все нам уже хана!

И, наконец, г) об этих врагах я вообще не говорил даже в пьяном виде. Нечего пугать. Все равно они им не по зубам. Боюсь, и мне тоже будут не по силам. И из-за них не позволятся пускать магическую силу. Ведь они появятся, только когда я пушу в ход магию! Очень хочется, адепту темной магии очень удобно и позволительно. Но... видит глаз, да зуб неймет.

Сергея Зеленин — мой заместитель среди армейцев — провозгласил очередной тост «за

нас с вами за хрен с ними». Его дружно поддержали. А земляки-то уже задухарились от браги, — удивился я, крепкий получился напиток, надо будет смотреть рецепт у Наташи. Так оказались пьяны, словно не брагу (слабоалкогольное снадобье) пили, а водку (ну, вы понимаете). Поначалу вели себя скромно, вежливо, будто и не деревенские мужики, а городские девчонки, а теперь даже имеют наглость его перебивать! Впрочем, пусть, армейцы имеют большое будущее, так что он не возражает.

Выпили где-то по полтора литра на человека, а опьянели. Потом полежали на песочке в лесной тени, подремали, понемногу протрезвели. Дневная жара потихоньку отошла, ей на смену пришла вечерняя... нет, не свежесть, тоже жара, но уже не такая злая и приторная. Особенно, когда они догадались вначале умыться, потом искупаться в прохладной и даже холодной морской воде.

Зеленин, вопросительно глядя на Логинова (командир же!), в воздух, то есть ни для кого конкретно, утвердительно предложил поохотится. Сергей Леонидович (то есть я) охотно его поддержал. Вчерашняя охотничья добыча — местный олень — был относительно большим, но и ртов (человеческих и кошачьих) было много, и он откровенно опасался, что к ужину им опять попадется надоедливое блюдо. Нет. Не акулятина, если бы еще она. Еда называется родниковая вода, не совсем хрустальная, но вкусная, однако, к сожалению, не калорийная. А так хоть попугаев побьют, всяко пусть кошки нажрут.

Сразу возникли сложности. Людей оказалось почти много — девять человек (семь армейцев плюс один неопределившийся плюс сам я — Сергей Леонидович). А вот оружия для них не хватало. И если бы огнестрельного. О нем вообще молчали, понимали, что на безлюдном острове среди примитивных людишек его не возьмешь. Но даже холодного оружия, хотя бы нормальных копий, не хватало.

На первых порах разделили на всех по очереди четыре копы и пять клинков разного вида. Да единственный арбалет остался у меня. Не осмелились все же земляки отбирать это элитное оружие у вожака. Да и потом, тренировка показала, что кроме него арбалетом может использоваться только его жена Наташа. Но ее муж наотрез отказался брать в опасную охоту. Остальные пока вооружились кольями, очень острыми и в умелых руках опасными, но, к сожалению, полностью деревянными. На зверей, хм, если повезет, конечно, они еще могут пойти и даже останутся с добычей, но людям проиграют полностью. Даже дикарям, ведь они учатся воевать с холодным оружием с детства.

Так и пошли. Первым шел я с опасным арбалетом и полезным кинжалом. Больше у меня, как считали его подчиненные, ничего не было. Ха-ха, наивные такие.

Затем шли самые близкие друганы — Вася Филатов, Димон и Сергей Зеленин, — вооруженные копиями с металлическими наконечниками. И, наконец, остальные, с деревянными копиями, которыми все дружно называли, наплевав на толерантность, кольями.

Соответственно, вожак у них мог заниматься удаленной охотой, хотя и не по всемузверью. Тот же лев легко переходил из статуса добычи в опасного охотника. Друзья его могли охотиться посредством контактного оружия, а остальные, в лучшем случае, могли отбиваться и не дрожать при львином реве.

Прошли в лес. Он был тропический, поэтому оказался густой и труднопроходимый. Кто-то из новичков оказался в буреломе, кто-то в яме. Какая уж там охота! я только и делал, что доставлял их на звериную тропу. В пору было радоваться, что еще не оказалось жертв. Но троих попугаев — самых многочисленных птиц леса — я все-таки подстрелил. С учетом

того, что экземпляры оказались крупные, весом по полтора килограмма, то хоть похлебка будет пахнуть мясом.

А вот ближе к морю им откровенно повезло. Я тут, в скальной местности, раньше не ходил, считал, то в этой бесплодной местности между морем и лесом ничего полезного не найдешь. Оказалось, глубоко ошибался. Природа ведь не любит пустоты, вот и здесь вырос дикий виноградник. Дикий, конечно, не домашний, ягод здесь было куда меньше, но все равно и сами в охотку наелись и на стоянку принесли остальным.

В общем колоритный оказался ужин — главное блюдо уха, поскольку рыбаки наловчились наловить нужное количество разной морской рыбы, да еще у меня морды сработали и в них неожиданно попались речные твари — от пескарей до голавлей и даже до небольших щук. После этого на стол положили печеных попугаев с ананасами. Впрочем, этих было очень мало на тридцать рыл с кошаками, так что получилось даже не второе блюдо, полуторошное. Зато десерт оказался хороший, и вкусный и питательный — где-то по полкилограмма винограда на человека.

Все это навело меня на мысль, что нам нужно кардинально изменить нашу диету. Она должна быть главным образом морской с тоненькой прожилкой речной. Вторая часть должна быть растительной и только небольшая доля останется на мясо и птицу. Только так, и дело не во вкусе отдельных лиц, то есть моем, а в наличии природных запасов. Просторный океан с большим объемом рыбы и различных морских органов, начиная от моллюсков и до китов (которые я еще не видел, но которые, надеюсь, будет). Затем полезные растения, которых к тамошнему лесу довольно многообразно, но все-таки для такого количества едоков недостаточно. То есть, собирайте, но не истощайте, островная природа на такое количество не рассчитана. И наконец, мясные запасы. Их, безусловно, очень мало. И если на одного себя я мог рассчитывать, даже на свою новую семью, пусть и с сомнением, то тридцать ртов даже не стоит смотреть, только душу травить.

Объявил об этом всем после ужина. Земляки мои, пусть прямо скажем, люди были не очень умные, но практические и сообразительные. То, что на небольшом острове посреди обширного океана им придется питаться морскими биоресурсами, все и так понимали. Мои слова были приняты, как должное.

Зато информацию об административном и политическом режиме (сугубая демократия во главе с выборным советом старейших), первобытный коммунизм при разделении продуктов и прочих ресурсов, слушали внимательно. Понятно же, кто первым работает и воюет, тот первым и получает, кто последним вкладывает в общий котел, тот соответственно последним и приобретает. Это было встречено оживленно, но, в общем-то, доброжелательно. Это ж жизнь, кто как копошится, тот так и живет.

А вот я как раз беспокоился. Хорошо, когда возможности мало. И делить нечего и волноваться к какому лешему? А если есть эти шансы и только надо посчитать и вычленив опасности, тогда как? Либо рискнуть и промахнутся, либо жить в нищете и впроголодь? Охо-хо, бедный я, пожалейте меня!

В небольшом промежутке светлого времени после ужина и отбития на сон, когда солнце еще позволяло видеть, я попытался ковать наконечники копий. Три штуки сделал. Невесть что, конечно. С другой стороны, это не такие уж и безделушки, чтобы мучиться над внешним видом. А вот на счет твердости и прочности я помаялся. Металла-то хорошего в запасе не было, ковал из того, что было. М-да, кажется, мне все-таки придется подумать о помощи третьей стороны, несмотря на существующую отдачу.

С этим и лег спать. Наташа, чувствуя мои тревоги, прижала к себе. Мол, я буду рядом и всегда можно на нее надеяться. И мои пушистики, проскользнув откуда-то из темноты, тоже улеглись рядом со мною, но с другого бока.

Вот друзья мои, хоть толку от них почти никакого, но за поддержку большое спасибо! Всегда вам рад! Но все-таки наибольшую подмогу мне оказал Гжее. Артефакт, имея прямую тесную связь со мной, да такую, что я и не мог отвязать мои эмоции от его электронных мозгов. И Гжее, по крайней мере, проник в них (мысли я уже мог прятать).

— Ха-ха-ха! — старательно имитировал он человеческий смех, — ты чрезмерно преувеличиваешь мощь своих противников. Пойми, мой мальчик, в магической сфере, как и в ином другом МЕСТЕ, где присутствуют разумные существа, а не только люди, главенствует кто?

Артефакт замолчал, давая понять, что он ждет мудрого ответа. Или, хотя бы, спокойного, но не вспыльчивой эмоции.

— М-м, сильный телом? — осторожно ответил я, чувствуя, что меня опять надуют с реакцией.

Так и есть, Гжее как-то интересно похрустел, что полагает по аналогии с предыдущими разговорами сомнение и разочарование во мне. Потом он заговорил с нотками утверждения и увещевания:

— Уважаемый ученик, тебе уже надо стараться думать головой, а не иным местом. Возраст уже почтенный, не так ли?

Скотина надменная! Тебе ли меня попрекать с высоты нескольких тысяч лет, а?

Я так разозлился, что даже не подумал отвечать этой штуковине. Сам думай, нечего тут мне кочевряжиться!

Подождав и поняв, что отвечать ему, по-видимому, не будут, Гжее как-то по-старчески покряхтел, продолжил покровительственно:

— Любая сфера, где появляется разумные существа, всегда плодит бюрократизм. И поэтому главным будет не маг, как таковой, не воин и ремесленник, а чиновник. А что создает в свою очередь чиновник?

— Ха, что может плодить чиновник, — осклабился я и мысленно послал смайлик Гжее, — вездесущие документы, конечно.

— Правильно думаешь! — порадовался за меня артефакт, — а то я уже было посомневался, разумный ли ты?

— И? — не стал я вместе с ним радоваться, а задав уточняющий вопрос, — что нам с этого?

— А то, что главенствующие здесь лица не наши враги! — Гжее поднял бы палец вверх, если бы имел этот палец и знал в своем магическом неоткуда, где у него вверх, — сейчас здесь главенствующий Совет, а ему ключевое что?

— Э-э, что? — повторил я, понимая, что в этой плоскости вопроса я откровенный зеленый новичок и мне стоит только слушать и впитывать мудрость тысячелетий.

— Между нами говоря, все бюрократы чиновники сущие медиократы и они будут стремиться везде создавать усредненности, — пояснил Гжее, — я более чем готов выделить мысль о том, что в нашем положении Совет будет стремиться создавать усредненные положения, когда противники будут на поле боя равные по силе, а его магический потенциал, если он вообще есть, станет выравниваться. Иначе это уже не бой, а побоище, да и Совету станет не интересно.

— Совету будет не интересно? — поразился я, — они что, сюда на спектакль приходят?

— Ну, это мои предположения, — тут же отодвинулся Гжее, но добавил: — впрочем, базирующиеся на тысячелетнем опыте.

А я подумал, что друг мой ситный, на свете есть много интересного и необычайного, что еще не понятно нашим мудрецам. Потребовал от артефакта:

— Подытоживай уже, хватит трюндеть. Что мы можем иметь в этой ситуации конкретно? И можем ли вообще что-то иметь?

Гжее, похоже, аж поперхнулся в переходе от небесной теории к земной практике. Как всегда, он помолчал, переваривая, потом осторожно предположил:

— Для начала мы попытаемся связаться с тамошним российским государством. Посмотрим на реакцию Совета, на ответку наших магических врагов. И это, надо бы поговорить с местными чиновниками, на этой планете. Вдруг они окажутся категорически против?

— Россияне против своих же соотечественников? — удивился я искренне, — ну прямо не знаю. Лично я никак не вижу такую картину.

— Я говорю не о простых россиянах, а о чиновниках. Это, между прочим, не одно и то же. Да и россияне, как у них тут, в XXI ли веке они живут, или еще в средневековье застряли?

— Да ну вас, — я аж обиделся за Россию этой параллели, — проверил же, наверное, местных жителей, трое их здесь — Наташа, Виктория и Виктор. Нормальные, цивилизованные люди нашего же века, или, по крайней мере, тысячелетия.

— Ха-ха-ха, — засмеялся он дробным смехом, — на счет развития я пошутил, такой же тут уровень. Но все же и для России на этой Земле, и для магической сфере надо выглядеть крепко и стабильно. Это будет нормально в любом случае. Поэтому ты на завтра на всякий случай посмотри на нашу общину? Или, как его, мини-государство? А потом будем налаживать связи. Честно говоря, я тоже не верю, что увидев, насколько мы стоим прочно, и не наваливаемся бесполезным грузом, чиновники — россияне откажутся от нас. А ответка не будет страшно сильной, как ты думаешь. Батальоном автоматчиков здесь не напугают, слишком уж неадекватный будет ответ. Да и где здесь разместить полтысячи существ? Смотри, здесь вас с тридцать особей, не больше, а если не считать женщин и кошек, то меньше. Я думаю, первая вылазка будет состоять из несколько дикарей, примерно с десяток. А там все будут смотреть, слабые вы или от вас можно еще получить и, соответственно, подкрепить.

Я несколько успокоился. В конце концов, что нам магия и параллельные миры, все равно все зависит от нас! Я понимал, что это не совсем так и объективность никогда не переможешь субъективными методами. Но ведь с другой стороны, мы же есть и не самые слабые? Ведь возглавляем же биологическую цепочку на любой Земле, а не только в своей собственной. Прорвемся!

Я крепко обнял с одной стороны Наташу, с другой стороны кошек. Они мне дружно ответили, Наташа — сонным вздохом, пушистики — сонным же мяуканьем. Все, спим!

На следующее утро я проснулся с вчерашними же тяжелыми мыслями о ревизии всей моей островной жизни. При чем мысли были такие свежие, наиактуальнейшие, буквально пришедшие, что я сразу же заподозрил Гжее. Поднял его «во фронт», то есть разбудил и потребовал отчитаться — как и зачем ковырялся в моей голове?

Гжее со сна просыпался медленно и был откровенно заторможенным. И это с учетом того, что во сне он, как таковом, не нуждался. Его же органон комплектовался из электронных деталей, а не из биомассы и в отдыхе не нуждался. Гжее, правда, вешал мне на уши лапшу, что ему тоже нужно ежесуточное время для корректировки и наладки структуры, но чет мне в это не верилось. Что я ему неграмотный дикарь, что ли?

На это артефакт умудрился разворчатся и невесть что расфантазироваться. Пришлось его вежливо подкорректировать. Мол, хоть ты у нас и умный, буквы знаешь, но все же царем природы считается человек, а не пластмассовый бурдюк с электронной начинкой.

На это Гжее запальчиво ответил на пяти (шести?) совершенно мне незнакомых языках. М-да, содержание выражений мне было непонятно, но, по моему, он всего лишь матерно ругался. Так, что меня даже лицо покраснело от смущения, и Наташа забеспокоилась о моем здоровье. Или она тоже надо мной издевалась?

Вот же ж, сволочи, электронные и биологические! Старательно подышал, успокаивая себя. Надо думать о важном. Например, что вчера думал, как модернизировать нашу теперешнюю жизнь и показать ее дееспособной местным властям. Тянуть, собственно, нечего, дальше будет только хуже. Народ совсем поотрепется, станет похожим на дикарей. Оно тебе надо?

Решил:

Время — дня три — четыре, сферы наибольшего внимания — лагерь, чтобы видели, что здесь цивилизация. Оборона, мол существует, есть какая никакая, но армия и мы умеем воевать. И, наконец, экономика — рыбалка, собирательство и охота. Вперед, товарищи, бронзовый Ильич машет рукою!

В общем, гимнастика мозга получилась у нас (у меня) оживленной и я вдруг проснулся и еще откровенно удивился, почему остальные остались дрыхнуть. Во всяком случае, из всего населения лагеря, кроме меня, были оживленны очередной часовой, и пушистики Гризли и сын ее Снежок. И все почему-то дружно начали у меня требовать. Часовой — моего согласия на его сон, мол я же уже не сплю, так может и постою за него? А кошки, понятно чего, опять начали дуэтом арию голодного гостя из оперы «Жрать давай». И подтанцовку не забывают, раздирая одежду на мне, бедном.

Дисциплину я навел быстро. Часовому объяснил, что начальник у него завкараулом Ленька Корепанов — сами выбирали! — и что в соответствии с субординацией, командовать может только он. А вообще часовой должен еще отстоять до утра. Или он хочет нарушить дисциплину? Часовой — Колька Перминов — здоровый, хоть мешки на нем вози, но хитрый и ленивый, понял, что блицкриг не удался, отошел в сторону под предлогом, что в кустах много шума из нечего. А я взялся за следующих нарушителей дисциплины — кошек.

Оные паразиты немедленно спрятались, представив мне для опознания две знакомые безжизненные тушки. Нет, это черт знает что! Когда им надо, они будут достаточно разумные и понятливые, а когда не надо — какие-то прибалты — дебилы. Дескать, мы по-

русски не понимаем, только по латышки (по кошачьи), так что извиняйте. Тьфу! Шуганул с колен обиженную Гризли, пошел поохотиться на птичек из арбалета. Хотя что-то съедобное на завтрак. Заодно, и им, моим проказникам достанется. А то знаю я их. Они на все готовы — и признавать, что люди — цари природы и хозяева кошек, и что они сутками будут неглажены и не обласканы. Но в обмен они обязаны (люди, а не пушистики) кормить их по несколько раз в сутки. Сутки, вы слышали, а не день. Они так часами будут обиженно мяукать, противно скрипеть, аж на душе бывает противно.

Так что я уж их покормлю. И первыми, никто ведь не смотрит? Ибо людей много, но они остаются какими-то чужими (прости, Наташа), а пушистики, наоборот, родные. А еще говорят, люди и кошки разные по виду. Врут, наверное, или, как говорят ученые, предполагают.

Взял арбалет, семь оставшихся арбалетных стрел и пошел проводить птичий геноцид. А чего они рядом с людским лагерем галдят, мешают, наверное... или нет? Короче поздно уже, первая стрела выпущена.

Соседи наши из отряда птичьих были на вид небольшие, с обычного воробья. Но перебил их я с десятков, а, может, два быстро. Эти беспардонные существа, не слыша грохота ружья, толкались в кустах долго, пока не решили, что на завтрак нам уже мяса хватит. Потом улетели, а я сгреб тушки птиц на кухонный стол, неоднократно приведенные стрелы в особый мешок, используемый, как колчан.

Растолкал Наташу. Та со сна меня обгавкала на птичьем наречии, пошла будить женщину, как оказалось, дежурную повариху Верку Никифорову. Те, однако, с этим не согласилась (не дежурная я!) и возмущенно зачирикала в ответ. Галдеж начался, не хуже, чем у псевдоворобьев. И ведь женщин, в отличие от них, из арбалета не подстрелишь. Жа-а-алко!

Пошел к морю, чтобы нечаянно не быть втянутым в ссору. Женщинам это в легкость, сам не поймешь, почему уже тебя облаивают все яростные противники, а ты всем виноват и всем должен. Я эти университеты уже давно прошел и больше не хочу!

На побережье я, к своему удивлению, увидел Витьку Максимова. Прожженный рыбак, его спиртом не пои, дай половить рыбку. Впрочем, ее он как раз ловит пьяным, чтобы жена почем зря не ругалась.

Ладно, здесь у него заначки нет, ни денежной, ни спиртовой, так что можно спокойно отпускать его с удочкой... удочка? Откуда он взял ее? Нет, удилице понятно, выломал в прибрежных кустах, там такие длинные ветки бывают, ну а снасти? Один только крючок замаешься делать. Я, к примеру, так и не смог, хотя и несколько вечеров ковал в кузне. А капроновая леска, а заводской пластмассовый поплавок, не самодельный из гусиного пера сделанный.

— Привет, Витька! — дружески поздоровался я мужиком, которого, вроде бы, знал еще с его раннего детства, — ты откуда удочку надыбал? Здесь вроде бы не было...

— Привет! — охотно пошел он мне навстречу, но тут же предупредил: — снасть моя, я всегда ее в куртке ношу, вдруг появится возможность порыбалить. Так что здесь на острове никому не дам. Лучше меня все равно никто не рыбачит!

— Лучше тебя да, — согласился я, как бы невзначай обозрев несколько рыбин на ивовом (или каком еще?) кукуане. Здоровые такие тушки, на мой непрофессиональный взгляд каждая не менее, чем с килограмма.

Витька провел мою смотровую биссектрису, спешно подтвердил:

— Добычу я, разумеется, буду отдавать в общий котел, тут даже не сомневайся. Все до последней рыбины.

Я долго не думал. Передо мной был настоящий рыбак, можно сказать, браконьер. Он нам всегда будет таскать рыбу. И что еще ты хочешь? Сам-то в арбалет вцепился, как Казанова в бабу. Его, между прочим, вчера уже выбрали подавляющим голосом старшим, так сказать, бригадиром местных рыбаков. Не зря, наверное?

— Согласен! — кивнул я Витьке и, как бы подтверждая, заговорил о другом, о рыбьем уже, как начальника рыбаков:

— Как клюет сегодня? Умеешь в море?

— Пробовал, — ощерил он зубы в хищной улыбке, — лет пять назад ездил на Черное море, отдыхал и одновременно рыбачил. На реке, конечно, по-другому, особенно на нашем ручье, где и курица лапы не подмокнет. Но профессионалу, в принципе, все равно. Была бы вода, а там рыба. Поймаем! — помолчал, потом вздохнул с намеком, — а рыбачить лучшем все-таки с лодки. Больше поймаем.

Витька молодец, целится точно в цель. Я тоже об этом думал. Но как смастерить лодку, из чего и чем? На плоте не поплывут, это как современные мусульмане свинину не едят. И по вкусу нормально и по религии уже проходит, но традиция не дает.

Вздохнув, предложил ему:

— Я пока буду думать, как построить нормальную морскую лодку. На плот ведь не согласишься, поди?

— Не, ты что! — подтвердил он мои опасения, — какая тут, к чертям, рыбалка. И не вытащишь его от берега, и половина команды сама рыбой станет. Лови их потом по всему морю, то ли живых, то ли мертвых.

Я подождал, посмотрел, как он поймал солидную такую рыбку килограмма, наверное, даже два. Какая, не знаю, но хороша, плутовка. Кивнув, пошел обратно. Как я и думал, море станет нашей главной сферой деятельности. Научимся ловить рыбу в нужном количестве, будет и жизнь нормальная и оборона дееспособная, не научимся, все развалится, мужики просто разбегутся, или, что еще веселее, перестанут подчиняться. Примеров уже хватает, пусть и единичных.

На кухне меж тем все было в порядке. Наташа сумела преодолеть сопротивление своей поварахи Верки. При помощи часового разожгли огонь под котлом, женщины обработали тушки птиц и покидали их в котел, залив водой. Вот и наш жиденький завтрак. О-ох! Вспомнил свой прошлогодний завтрак — кофе с бутербродами, свежее масло. Сытые кошки нехотя копошатся у ног, то ли кушать просят, то ли ласки. Где, кстати, они?

Наташа, разумеется, меня встретила сурово, отругала за бегство, отшлепала игриво по спине. Вера, подбирая кухонный стол после работы с птицами, весело скалилась, глядя на Наташу. И ведь не скажешь, что только что яростно ругались, почти дрались! Ну вас, бабы, подальше, не за что не буду влазить между вами!

Наташа меж тем, видя, что я озаботился пушистиком, ненавязчиво пояснила:

— Мы их головами, ногами и внутренностями птиц накормили. Они нажрались и в кусты независимо убралась. Наверняка сейчас на нас смотрят, но не идут, мяса ведь пока нет, зачем с нами общаться!

И уже тише добавила:

— Я немного добавила крупы, а то такая похлебка скромная получилась — котел с водой да птичками. На тридцать человек почти ничего.

Да, пожалуй, слишком мало. А если бы я еще не встал рано утром? По-моему, нам придется отказаться от излишне независимой позиции. Скорее всего, если они вообще согласятся, окажемся на уровне колонии.

Наташа, словно слыша мои мысли, осторожно сказала:

— Так будем ударно кушать, крупы останется на дня три, не больше. Но как здесь выкрутишься, итак в котел добавляем помалу. Я сегодня посеяла горстку зерна, которые целые, полила водой, может, вырастут? Если урожай будет, то хоть что-то.

— Ай, какая молодчина! Настоящая хозяйка, право слово!

Смачно поцеловал ее в щеку, подтверждая его высокую словесную. Но в мыслях он окончательно решил сотрудничать с российским государством, при этом на уровне его колонии. Это же Точка Ноль и текущая обстановка решительно и всесторонне подталкивает бедного доцента к сотрудничеству с местной Россией. Ну, так делай первый шаг!

«Гжее! — протелепатировал он артефакту, — видимо мне все же придется сотрудничать со здешней Россией. Ты не мог подсчитать всевозможные PRO и CONTRA от этого союза?»

Гжее никак не прокомментировал это предложение, но судя по тому, что он сразу же ответил, без паузы — не потому, что обдумывал, с его-то быстродействием это пару мгновением, — а потому, что опять хотел показать свое недовольство. На этот раз он считал, что этот шаг самый правильный. А потому требующий поддержки.

— Bravo, мой мальчик! — протелепатировал он, при этом его мысли были окрашены в теплые пастельные тона, — ты умнеешь! Это самый оптимальный вариант из общего количества ходов. Я подсчитаю еще, более тщательно, а ты пока иди своей дорогой»

«!/? — подумал я с некоторым раздражением, — куда еще идти?»

«Ну ты же хотел ревизовать хозяйство и заодно сделать его более эффективным, — Гжее проигнорировал мои чувства, что для чувствительного артефакта было очень даже странно, — вот и походи по острову, посмотри».

От неожиданности я замолчал и разговор, таким образом, окончился на полуслове. Или, точнее, на половине мысли.

«Впрочем, — подумал я, принимаясь за завтрак, — действительно ведь работаю, и, самое главное, и другого варианта не существует. Так что, твори!»

Максимум, что я мог сделать с самого утра, это постараться сделать рыболовное судно. При том, именно не плот, а лодку. Хорошо бы еще с размерами баркаса, но это вряд ли. С нашими-то умениями, стройматериалами и инструментами, губу раздуть не стоит. Будет маленькая лодка, которая станет ходить на рыболовный промысел, и то ладно. А доски можно взять с судна Грива о Нула. Отремонтировать его мы все равно не сумеем. К н и г о е д . н е т

«Так, Гжее?» — протелепатировал я артефакту, уверенный, что тот и так все слышал и в курсе моих дум.

«В правильном направлении идешь, мой мальчик, — одобрил он мои замыслы, — находясь в окружении моря, надо работать, первую очередь, с его ресурсами, как на море, так и на берегу».

Кстати, а ведь есть еще берег! — осенило меня, — а там, насколько я помню, действительно были скудные, но питательные ресурсы — моллюски, съедобная трава, черепахи и их яйца. Мало, но кушать можно.

— Так, господа-товарищи, позавтракаем, что бог нам даст, — скомандовал я

землякам, — а потом поможем ненароком ему. Рыбаки будут не только ловить рыбу, но и собирать пищу с берега.

— Да ну его на хрен! — активно запротестовал вредный Витька Максимов, — мы и не знаем ничего, да и не надо никому эту траву да моллюски.

Вот ведь какой сообразительный! — удивился я, — сам все понял и оценил объем работы! Видно, верной дорогой идем, товарищи, раз стали соображать + 10 от основы!

— Надо будет, с голодухи и траву съедим и моллюски. Я вон ел и только облизывался в первые дни на острове, — жестко аргументировал я, — а если поварихи еще нам хоть немного приготовят, то точно слопаем.

— Но ведь мы же ничего не знаем! — укоризненно повернулся ко мне Витька, — отравим еще людей.

Оные люди, в количестве около двадцати с копейками, сидевшие рядом, и не только наяривавшие похлебку, но и внимательно слушавшие, немедленно загалдели. Такое будущее им не нравилось.

Мне оно тоже не нравилось. Что я душегуб что ли, знакомых людей убивать? Оптимистичнее надо фантазировать. Во-первых, морские водоросли не настолько ядовиты, чтобы так легко травануть, во-вторых, у нас же есть Вик — малолетний, но знаток!

— Вот, — показал я жестом Ильича на скромного Виктора, — не смотрите, что мал. Знает водоросли на зубок, сам ел отобранные им травы. Было не только съедобно, но и вкусно. Тоже самое с моллюсками.

Народ громко ворчать перестал, видимо понял, что его травить не будут, но продолжал роптать, и я его понимал. Россияне не привыкшие к такой диете. Ему бы стакан спирта и здоровый кусок свинины, а ему подсовывают какую-то гадость в виде морской водоросли.

Успокоил их, сказал, что будем кормить исключительно рыбой и только когда ни охотники, ни рыбаки не поймают живность, станем переходить на траву. Но ведь сами будете виноваты? Опять же траву в рот насильно совать не будем. Сами стрескаете!

На этой ноте, не очень оптимистичной, надо сказать, завтрак доели. Работнички мои, так сказать кормильцы, разошлись по своим местам — охотники в лес, рыбаки — на морское побережье. Туда же пошли Вик и Наташа по моей просьбе со своими кухарками. А я с армейским полувзводом, как и договаривались, к судну Граве о Нулу. Гжее нехотя, но согласился, что лодка сейчас важнее, чем полуразрушенное судно и надо с ним тщательно работать, чтобы биологические существа (я в том числе) могли нормально питаться. А электронное (Гжее) брало для себя эманации.

У меня в это утро настроение было так себе. Рыбаки с берега поймают мало. Витька прожженный профессионал, но один в поле не воин. Половит, конечно, но так, лишь бы с голода не умерли. Охотники так себе, самих не сожрут и то хорошо, а уж сами кого убьют, так это русские сказки. Нам же придется, извините, конечно, отмудохаться одним топором и совсем не работниками.

И в итоге, будет у нас к вечеру жиденькая уха, и придем мы спать полуголодные и злые. Хорошая перспектива, не правда ли? Лично я от нее был готов выть на Луну.

Большой толпой, относительно, конечно, отогнав по пути зверей всех видов и объема, пришли к судну. Рабочий топор дали, как он и просил (точнее, громко требовал) Ваське Филатову. Работник он был тот еще, но какое самомнение! И силы, куда уж там деваться.

Пока он отдирает доски опалубки, а мужики грузились на землю (лодку решили строить около стоянки, где все-таки спокойно), я как бы в последний раз, пока все не раздрабанили,

рассматривал кораблик. Как бы, потому как на самом деле я внимательно слушал Гжее. Артефакт телепортировал, что на мою слезную просьбу (вот ведь гад такой!) о некотором послаблении ко мне, как новичку (я его убью когда-нибудь), и не засчитывать обязательную магию в гуманитарных целях, высокочтимая комиссия, чтобы ей икалось всегда, долго думала и согласилась.

Отныне, — постановила она, — не только не ученый маг-новичок Сергей Леонидович ибн-Логинов, но и любой маг возрастом меньше тысячи лет, имеет право использовать магию для прокормления себя и своих слуг и это не будет считаться военным назначением.

«Строительство рыбацкой лодки для поимки рыбы никак не будет считаться военным строительством, — громогласно протелепатировал Гжее, — так что убери этих неумех и сделай сам своей магией нормальную лодку».

«А что такое! — возмутился я, — ты знаешь, какую мы сделаем!»

«Ага, — «согласился» Гжее, вы уж сделали на днях туалет, как вам только самим не стало стыдно!»

Крыть было действительно нечем. Туалет был так себе, на два с плюсом. Ходить было туда неохота. Не зря Наташа мне всю плешь проела, а Валя своему Ваське.

«Досок нормальных не было, — неохотно отбрехивался я, — опять же гвоздей и топоров. Чем работали, то и получилось».

«Руки у вас не от того места выросли, — твердо поставил точку в этом споре Гжее, — не спорь, сам же понимаешь. Лучше включай магию»

«Помилуй бог, — удивился я, обрадовавшись поводу покапризничать, — ты же не учил меня совсем, только биоэнергию из меня брал да ворчал».

«Сейчас буду учить! — отрезал Гжее, — будишь учиться и одновременно творить, тут тебе не школа».

Ну что в принципе? Я согласен, учиться никогда не поздно! Пусть учит, я же вроде бы кандидат наук, то есть не совсем дурак.

«Давай, — охотно согласился я, — готов к труду и к обороне!»

Гжее покосился — не издеваюсь ли я? Впрочем, время было не то, чтобы ему привередничать, мне — изгаляться. Вздыхнул, сделал педагогическую паузу и начал глаголить мне о магии и о заклятиях.

Оказывается, я, дурак такой, когда до этого работал с магией, то брал только сырую магию. А это и тяжело и неэффектно. Надо же таким образом!

Дураком я не был, зря он так сказал. Просто я и не думал, что магия немного не то что сложновато, с нею просто не так надо творить. Попробовал, как надо, сразу понял, какая во мне мощь спрятана. Теперь согласен с Гжее, маг — это страшная сила просто так, без магических формул и заклятий.

И о последних. Если говорить кардинально, то, разницы в них, в принципе, никакой. Главным образом, дело заключалось в характере и в уровне мага. Неграмотный ведь волшебник не может создавать формулы. Тогда как ученый просто будет стесняться работать с заклятиями.

«Смотри, — протелепатировал Гжее, — ты человек ученый, сам перед собой хвастался, ну и передо мной, конечно. А потому просто создаем формулу бытия, соединяем его со знаком движения, наполняем магией. И все, работай!»

Я стал работать. дело прошло, я даже удивился с какой легкостью. Трудность была в одном — создавать формулу. Они почти всегда были многосоставными, в зависимости от

назначения, включая знаки бытия, эмоции, движения. Попробуй, создай такую! Хотя и с этим с места сдвинулось после часов тренировки.

Я уже без всяких проблем создал формулы галлюцинаций и психического принуждения. Армейцы мои собрались на палубе и вяло шевелились, типа работали. Я же им внушил, что они строят лодку, вот они мысленно и работали, ха-ха, трудились.

А я с помощью Гжее, уже создал лодку. МОЮ ЛОДКУ! Относительно небольшую метров десять длиной и метра четыре шириной. Двигалась она с помощью весел и парусов. А в корме я присобачил мотор. Простые люди его не видели, все равно она работала на магии и им была не по возможности.

Быстро сделал, магия это не руками трудится. Аккуратная, легкая, приятная на вид. Посадил земляков в лодку и снял магическое принуждение. Мужики сразу загалдели, стали хвастаться своей работой. Еще бы, они же в их представлении полдня смачно работали, устали и оголодали. Даже на ладонях появились мозоли, а мышцы рук ныли!

Я потихонечку посмеивался, Гжее, я чувствовал, тоже. Хотя, чем бы дитя не тешилось, лишь бы не плакало. И ведь никто не подозревал, что я их гнусно обманул. Хотя даже подумать — а где гвозди взяли, а полотно для паруса, а инструмент для работы, пилы, дрели, молотки?

«Не беспокойся, — мысленно передал мне Гжее, — это все в рамках магического принуждения».

Обратно мы уже, конечно поплыли, двое за веслами, один за рулем. И я, как капитан, впереди на носу.

Пока продвигались по водным океанским дорожкам, выдвинулись гораздо мористее. Стало более свежо, наглый ветер поднял приличные волны. Пришлось к двум гребцам присоединить еще четырех, по количеству весел. Парус пока не трогали из-за полного отсутствия знатоков. Ничего, вшестером весело погнались лодку. А вот парус все равно было трогать страшновато. Ветерок оказался на море веселый, а ведь ни о каком шторме и речь еще не шла! Ни капельки!

Когда наше так сказать судно (маловато было для такого серьезного названия) прошла в знакомую бухту, где находилась наша стоянка, не только я, но и все наши армейцы вздохнули облегченно. Все же, мы птицы сухопутные, предпочитаем воду только пить, но не более.

Зато встретили нас радостно, я бы даже сказал, с военным парадом и штатской демонстрацией. Весь наш любимый народ — и штатные рыбаки с любительницами — собирательницами всякого непотребства на морском побережье. И вернувшиеся охотники, и дежурные кухарки, и даже вездесущие пушистики — мама кошка Гризли и ее сынок кот Снежок — ждали на побережье у моря погоды, пялились на свежесделанную лодку и, разумеется, на меня, скромно сидевшего на ее носу.

А у меня в голове на этот момент был совершеннейший раздрай с вопросами гамлетовского уровня. Тоже вот так думал, to be or not to be, в плане быть мне в магическом существовании или оставаться простым человеком? Очень уж мне так стало прямо-таки чудесно смотреть на вдруг появившуюся лодку. А что если так же магическим образом продукты производить? Копировать ведь могут не только китайцы. Пока все ждут на побережье нас любимых и благих, одной формулой без малейшего пасса произвести дополнительный объем продовольствия...

Сказано — сделано. И даже уровень магии не изменился, будто не я тут колдовал, то есть магически преобразовывал нашу действительность. Поднял руку в приветствии от имени всех работяг армейцев и вдруг подумал — а с фига ли нам это тамошнее государство с его обязательными проблемами? Мы и так можем прожить, не так ли, Гжее? Магия — это комплексная, при чем очень эффектная вещь.

Артефакт, конечно же, меня уже бдительно пасс и методом электронного кашля сразу же отрезвил меня, буквально опустив на грешную землю. Эх, и помечтать не дают! А мой магический наставник, можно сказать, даже учитель, продолжал уже на вербальном (телепатическом) уровне:

— Я понимаю, Сережа, нет Сергей даже Леонидович, как тебе приятно спрятаться в этом скромном острове. Так ведь, мой трусливый ученик?

— Да! — протелепатировал я, одновременно мысленно послав ему картинку со своим изображением, так сказать моментальную фотографию — скромный Я сижу на песке и строю лопаточкой песочный замок.

— Нет, дружище! — отказал мне в этом мирном мечтании гнусный Гжее, логично разбивая доказательной базой мою картинку: — мой юный друг, ты видимо забыл, что:

А) тебе нельзя ни в коем случае покидать остров. Я даже вижу непрерывное внимание над островом магических существ трех адептов. Если бы не Магический Совет, то нас бы уже смело вместе с острова в любой реальности. Тебя нельзя его покидать!;

Б) разрешение магической действительности еще ничего не говорит. Ведь любые предметы и явления можно объяснять двояко. Ты будешь предполагать, что создал орудия труда, а твои враги начнут объяснять, что это сугубо оружие. И тогда к какому доказательству прислушается магия?;

В) у тебя в последнее время на острове появилось ряд экземпляриков холодного оружия — копия, клинки, даже арбалеты, что уже дает повод нашим врагам приводить ответные шаги;

— Но ведь это для охоты и для защиты от агрессивной обстановки! — с жаром возразил я, — и людям надо что-то кушать! Их теперь много!

— Вот-вот и люди еще появились — дополнительный аргумент для нападения, — мерзко хихикнул Гжее и констатировал: — считай, что железный повод уже возник.

— Но я могу сказать, — заикнулся я, — я же имею язык!

Ой, как я лопухнулся с этим доводом, безъязыкий Гжее аж взбеленился, немного секунд — немало времени по его летоисчислению — мысленно потрещал, потом как-то спокойно сказал: — ты дурак, что ли, кто тебе вообще даст говорить. Ты уже проговорил своими действиями, зачем еще пустые слова?

«И действительно, — подумал я, — тебе же не семнадцать лет, что ты намереваешься болтать, как баба? Пусть они трещат, если стало делать нечего».

Гжее помолчал еще немного, подождал, не ляпнули ли я еще чего-нибудь. Потом со вздохом продолжил:

— Наконец, пункт Г) настоящий маг никогда не действует сам, а только через посредников. Зачем терять пот и кровь, когда есть живые существа? Наш враг, например, до конца будет науськивать существ из разных реальностей, не только из этой. И слава богу, лучше слабые существа с копьями и мечами, или, хотя бы, огнестрельным оружием до 1945 года, чем могущественные маги, почти боги. Они же тебя со своим неумением просто убьют, не вспотев. Вот поэтому и тебе обязательно надо, я настаиваю, ты слышишь, действовать через местную Россию, как ты ихотел, не свою магию.

«Он мне надоел, — подумал я раздраженно, — ну а что делать? Маг из меня пока, действительно, тот еще. Может просто идти по течению? Приплыву куда-нибудь, не в пропасть же ухну. Только не надо соглашательски так соглашаться. Иначе он еще что-то потребует. Знаю я его, шибздика».

— Ну хорошо, учитель, — подумал я уже специально для настойчивого Гжее, — наверное, в этом ты прав. Поэтому начнем со следующего шага со стороны врага, хотя бы малейшего, а потом, если надо, начнем официальные переговоры с Российской империей.

Телепатирование в спокойном тоне умный артефакт не обмануло.

— Зря ты так, — с сожалением подумал он, — хуже нет, чем ждать. Как бы потом не поздно стало. Руки будешь кусать, но опоздаешь.

Ха, да он тоже базирует свою деятельность на эмоциональном предчувствии. Дурачок! Явно у тебя нет никаких фактов, а лишь одни чувства. Женщина!

— Подождем, — окончательно решил я, — а пока пробуем работать с текущей реальностью. Надо хоть как-то улучшать свою жизнь. А то живешь дикарь — дикарем.

Посмотрел на окружающую реальность. Армейцы мои вытащили лодку на берег и пока объясняли, как и чем они работали с лодкой. Оказывается, использовали они не только рабочий топор, но и (вот ведь так!) имеющие ножи и даже боевые сабли. Ножами стругали лодку! А уж про сабли откуда они взяли? Это же не трудовое орудие. Зарубить с ним можно,

обстругать — никогда.

— Магическое подчинение заставляет думать головой сами жертвы, — пояснил Гжее, — они и фантазируют, но отталкиваясь от реальности. Пусть, пипл кругом схавает.

Действительно, пусть фантазируют, — подумал я, — люди-то от этого только радуются. Государство, что ли заставляет своей практикой агитации? Или психология у россиян такая? И, кстати, не только россиян, а во всем мире.

Пока земляки радовались, не зная, что текущая жизнь наша начнет радикально улучшаться, так что кому-то сильно поплохее, я потихонечку пошел к вкусно пахнущей кухне. Мне-то совсем не радовалось от строительства, ведь ни топором, ни ножом, хе-хе, я не как бы работал.

Кто-то уверенно взял меня за руку. Я дернулся, но не отстранился, только посмотрел, кто это такой храбрый и наглый? Кому моську почистить?

Оказалась Наташа, кто бы мог подумать! Ну это ладно, пусть за меня подержится. Я сегодня добрый.

— Знаешь, — стыдливо и в то же время стараясь смотреть мне в лицо, сказала она, — я со своими детьми (взрослые, но ведь все равно дети!) появилась на острове с этой реальностью. А здесь, в отличие от вас, все же есть магия и местные жители частично могут чувствовать ее. Я тоже. Спрошу прямо — лодка сделана с помощью магии? А те хвастуны просто обалдели и несут невесть что?

— А вот мы появились на острове с другой реальности, где магии не было никогда, и потому ее жители совсем не чувствуют, — строго сказал я, намекая, что она со своим магическим, но таким же любопытным носом полезла совсем не туда и может оказаться в положении безносой Варвары.

Наташа смутилась, но упорно молчала, ожидая ответа. Я только вздохнул:

— Понимаешь, Наташа, ты же уже взрослая девочка, пусть и резко омолодевшая, должна понимать, что есть вопросы, на которых нет честных ответов. А врать мне не охота, хотя я, по-моему, уже ответил. Да?

Попала она четко в яблочко, но ведь не орать же от этого? Понимать надо!

Наташа так же молча кивнула. Я больше не разговаривал, поскольку мы пришли на кухню.

— Ой, девочки, что здесь происходит! — обрадовалась Вера первым зрителям, которым можно спокойно вешать горячую лапшу на уши. Встретилась с моим вопросительным взглядом, правила: — и мальчики тоже. В общем, слушайте сюда, только мы с Машей отвернулись, как появились новые мешки с продовольствием! Верить? — спросила она у Наташи.

Та, однако, понимая, откуда дует ветерок, только поджала губы. На кухне тоже чувствовался запах магии и, значит, тоже такая же непонятка от меня. У-у растлитель молодых девушек!

Вера, понятно было, негативную реакцию не поняла, и поэтому повернулась ко мне, как нейтральному зрителю: — ты-то хоть мне верить?

Еще бы мне не верить, если бы сам именной автор такого вкусного чуда! Спросил в ответ:

— А что появилось-то конкретно? Поедим что-нибудь вкусенькое?

— Вкусное? — со скепсисом в слух подумала Вера, — вряд ли, скорее питательное. Но, с учетом общего объема голодать не будем.

Я сам посмотрел, формула тождества проявила массовость и разнообразие. Вроде бы я его не видоизменял, но крупы появилось пять сумок, а тушек птиц всего лишь одна сумка. Как-то странно, хм.

«Гжее, — спросил я артефакта, — ты не понял моего колдовства?»

— Ох уж эти новички, — раскудахтался он, как будто только и ожидал такой просьбы, — сначала что-нибудь действуют, а потом соображают, что же они такое делали, — после этого, наконец, произвел что-то реальное: — когда ты магически копировал, мне показалось, что ты думал о калорийности. Вот и получилось пять к одному. Крупа же не питательна.

— Ух ты, вот это я помагичил, еще бы себя скопировал! Это я как, теперь думать должен внимательно!?

— Армейцы, пошли в лес! — скомандовал я однополчанам, а точнее однозводцам, — девочки нам сейчас похлебку на обед сварят, а мы в это время на охоту слетаем. Мяса ведь много не бывает.

Не знаю, что им больше понравилась — добыча на охоте, сваренное мясо в нужном количестве, или, опять же, мясная похлебка, блюдо уже надоевшее и невкусное, но от этого не ставшее менее питательным. Пошли со мной в охотку, благо охотники вернули нам наши же копыя.

Наша самоуверенность сыграла с нами нехорошую шутку. В западной стороне леса мы встретили оленя, судя по комплектации, самца. Васька дурак, вышел вперед всех без подстраховки. Так было бы лучше — два охотника охраняли бы ударного бойца, который должен бить большого зверя. Но он оказался один и когда ударил неудачно (не охотник же, тем более с копьем!), его прикрыть никто не успел, а кто-то и не захотел, своя-то задница ближе и родней.

Озлобленный олень с уже развороченной грудиной ударил Ваську в живот передним копытом. А потом, ослабленный от смертельной раны, тут же рухнул. Добыча была знатной, пару дней все попаданцы будут есть мясо практически без ограничений.

Но мы на нее даже и не смотрели. А я в том числе. Васька Филатов получил очень тяжелую рану, от которой он, немного помучавшись, практически без инсинуаций умрет. Большая потеря крови, повреждение внутренних органов, в том числе сердца, желудка, селезенки, делали ее смертельной даже в условиях современной российской медицины. А уж на острове, отрезанном от цивилизации всех параллельных миров, он должен обязательно умереть. Окружающие только надеялись, а кое-кто и молился, что жизнь его в этих условиях будет короткой, и умирающий не будет долго мучиться.

Я тоже на это надеялся, если уж медицина не могла ничего сделать. А заодно верил в чудо. Ведь если в художественном фильме появляется магия, то это точно сказка (в возрастном варианте — фантастика, пусть даже научная), но в любом случае здесь должно появиться прекрасное неожиданное чудо.

Наспех рассчитал формулу, обозначив в ней питание (в данном случае восстановление), движение (развитие), смерть (хирургическую операцию), добавил магию, и замер. Медицина была моим слабым местом в магической сфере, а тут сразу буквально из состояния смерти надо вытаскивать Ваську!

Пронесло. Через где-то полчаса в результате бешеной регенерации он вдруг воскрес наподобие библейского Лазаря. Правда, был еще весьма слаб, но моя поисковая диагностика показывала мне, что процесс оживления благополучно проходит и даже уже в

окончательной фазе. И Васька уже пришел в себя, не понимая, что с ним и почему он почти здоров и почти не болен, хотя, вроде бы, должен был оставаться наоборот. Но, к счастью, Филатов оказался еще очень слаб и не то что двигаться, говорил кое-как.

Его потащили на импровизированных носилках, а следом за ним — разрезанную тушу оленя, почти все погрузили, кроме содержимого кишок. Если уж убили, но утилизировать должны полностью на пользу обществу.

Я с места охоты уходил практически последним. Как-то было слегка тяжеловато. Нет, не от излишнего расхода магии. В принципе, не так я ее много и израсходовал. Просто, наконец-то на меня навалилась ответственность за жизнь этих бестолковых и, в общем-то не родных, но, тем не менее, бесценных земляков. Он будет с ними ругаться и передвигать их на тяжелую работу. Но посылать умирать нет, слишком уж он мягкий житель XXI века... может, надо уже связаться с местной Россией? Слишком уж многого ему от них необходимо. Столько, что даже опасно. А вдруг откажут? Я-то в любом случае выживу, а вот они? Всех на магии не продержишь.

Кажется, я бы еще колебался и шатался в преддверии решительного шага, но островная (и не только) жизнь сделала быстрое движение без малейших на то попыток от меня. Вернувшись на стоянку с охоты и наспех пообедав (опять без хлеба!), я стойко отмалчивался от женских вопросов что де и как де. Даже Наташа с ее мягкостью и ласковостью и Валя с ее обворожительностью ничего не смогли сделать. НЕТ, Я СКАЗАЛ, и все такое.

Отбив первую и самую настойчивую атаку этих фурий, я решил укрепить наш второй обед, который надо сразу сварить. Мясо же надо как-то расходовать! Да и кое-какие другие продукты получить. Не так ли, mon cher?

Главная проблема в магических действиях состояла в моем неучении и неумении. Копировать-то я мог легко, магии было много, и она шла легко, но как получить тот же хлеб. Это же надо знать частицу формулы. ЗНАТЬ, а не выискать.

Спросил на всякий случай Гжее. Тот поначалу даже не понял, что я от него хочу. Мясо же есть, как и рыба! Пришлось ему сообщить, что человек — это всеядное животное и, значит, требуется много разных продуктов. А то ведь заболеем и даже начнем исчезать с белого света. Артефакт, для которого все питание соответствовало в потреблении биоэнергии, сначала не хотел верить. Пришлось уещать и даже угрожать, пока появилась нужная таблица терминов. Их тоже было не так уж много для сбалансированного питания, но хлеб был. А фруктов на острове хватало и без магии.

В итоге, обед у нас был замечательный. Главное блюдо (первое и второе) было рагу. Точнее, тушенное на слабом огне мясо с различными травами. Оказалось, на острове были свои пряности (тропики все же!) и они придавали блюду недурственный вкус. Затем, на десерт, были большое количество фруктов. Армейцы мои прошерстили весь остров и притащили разные вкусности — не только виноград и груши, которые я уже встречал, но и манго, бананы, кокосы и так далее. Главное было хотя бы частицу, а там я уже с помощью магии увеличивал объем.

А уж чай и сахарный песок я приготовил сам. Правда, чай, несмотря на все усилия, был по вкусу не очень, словно я скупился и взял самый дешевый, а сахар был сероват и на вкус отдавал химией. Но ведь был! А бисквитный торт я сделал вкусный и сладкий и даже женщины — сладкоежки приняли его без замечаний на круглую пятю.

Однако, эти продовольственные экспедиции неожиданно приняли серьезную проблему. На отделенном участке была обозначена пещера с злобными аборигенами. Я, несмотря на

расстояние, это место знал неплохо, поскольку здесь был неплохой лес с многими фруктами. Я еще с моей семьей, в основном с Виком, был здесь не раз и хорошо знал, что нет там никакой пещеры!

Однако, новая экспедиция во главе со мной перед вторичным обедом, закончился лишь констатацией факта — пещера существовала! И на месте коксовых пальм. Ох, зря я ждал, пока плоды поспеют. Поспели и исчезли вместе с самими пальмами. А на их месте появились множество камней, между которых оказалась явная такая дырка. Пещера, маму вашу, хм! Материться не хочется, хотя и необходимо.

Путь непосредственно в пещеру был очень труден. Точнее, его не было вообще. Камни, большие и маленькие, а в промежутке между ними различный щебень. Из-за этого, шли мы кое-как и совсем не продвинулись в пещеру. И очень, видимо, хорошо, целее стали, поскольку из темноты зева пещеры вылетело вдруг здоровенное копьё со злобными криками на непонятном языке.

Мужики мои отнеслись спокойно. Копьё после внимательного осмотра оставило весьма о себе неблагоприятное впечатление — грубо отделанное, с каменным наконечником — оно принадлежало, по-видимому, тем же дикарям, которые всего лишь пролезли в пещеру вперед нас. Ну это мы исправим, а дикарей, если не станут кочевряжиться, просто выбросим. Вдруг там находится пещера Аладдина! Нам тоже надо!

А вот я колебался. Во-первых, дикари тоже воины, и на уровне холодного оружия их преуменьшать нельзя. Набьют морду, и одними синяками не обойдешься, Во-вторых, неожиданное появление пещеры показывает — это очень даже непросто и дикарями здесь и не пахнет. Во всяком случае, в роли творцов. И уж мне, как магу и ученику тысячелетнего мага, думать надо не о примитивных недочеловеков, а о могущественной магии. И в-третьих, это Точка Ноль! Здесь ничего просто и легко не бывает.

И поэтому, когда темный мрак пещеры выпустил свое существо, то мужики мои закричали от ужаса, а я только сжал губы. Все, ребята, я больше так не играю, пора пускать российское государство, идя с ним на переговоры. Ведь из темноты вышел кентавр — получеловек — полуконь, держа в руках еще несколько метательных копий. Что же, кентавр — то не дракон и не Т-72 с полным боекомплектом. Справимся, а мне пора на обязательные переговоры!

Конец первой книги

Больше книг на сайте - Knigoed.net